

реальность фантастики

3 2009

Проза:

С. Бескаравайный
«Пустая порода»

Марина Муляр
«Все можно исправить»

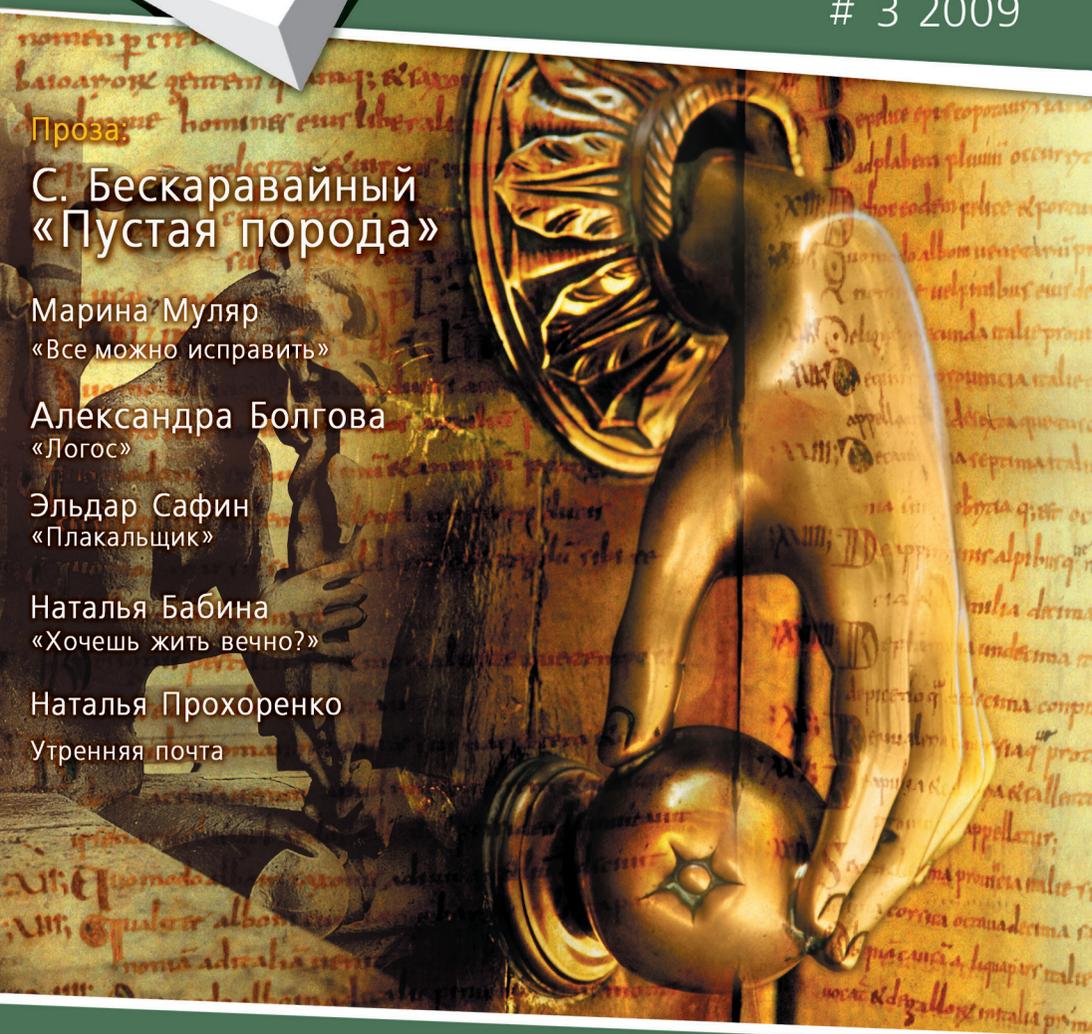
Александра Болгова
«Логос»

Эльдар Сафин
«Плакальщик»

Наталья Бабина
«Хочешь жить вечно?»

Наталья Прохоренко

Утренняя почта

Подпишись на журнал **hi-Tech PRO** с июня по декабрь 2009 года и выиграй приз!

**Главный приз —
компьютер**

Партнер акции — компания АБВУ Украина
www.ABBYY.ua, store.ABBYY.ua

Призы —
электронные словари **ABBYY Lingvo**
и система распознавания **ABBYY FineReader**

Я оформляю подписку на **hi-Tech PRO** с DVD
с июня по декабрь 2009 года

— 196 гривен*

Для того чтобы ежемесячно получать журнал, необходимо:

- перечислить на счет ООО «СофтПресс» 196 гривен. Выполнить перевод можно в отделении любого банка.**
Р/с 26006000001001 АО «Индексбанк» г. Киева МФО 300614, ЗКПО 22909834
- выслать по адресу: 03005, а/я 5, Киев, ООО «СофтПресс» копию квитанции об оплате и заполненный купон.

Адрес

Ф.И.О. или организация

e-mail

Телефон

* — без НДС согл. п. 5.1.2

** — за перечисление денег банк возьмет небольшую плату

СОДЕРЖАНИЕ

№ 03 (67) 2009

Проза

1. С. Бескаравайный / ПУСТАЯ ПОРОДА
 «Обеденный стол, покрытый до ужина тяжелой...» 4
2. Марина Муляр / ВСЕ МОЖНО ИСПРАВИТЬ
 «Я вышла во двор и медленно побрела, мимо...» 41
3. Мария Парфенова / ДЕСЯТЬ ЦЫПЛЯТ
 ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ ГРОМЕНЬКОВА
 «Цыплят было десять. Дважды пересчитав...» 68
4. Александра Болгова / ЛОГОС
 «Не знаю, как вы, а я верю в Бога. С сегодняшнего...» 88
5. Александр Рубан / ТАРАКАНЫ ГОСПОДНИ
 «Некто обустроил свой дом. В доме завелась...» 104
6. Сергей Легеза / ЭНЕ-БЕНЕ-РАБЭ
 «Мы и вправду ничего такого делать не хотели...» 118
7. Сергей Карлик / ЦЕННЫЙ СУВЕНИР
 «А в этот раз я решил поехать в Кению!...» 131
8. Эльдар Сафин / ПЛАКАЛЬЩИК
 «В этом городе палач работал действительно...» 141
9. Алексей Смирнов / ЧТО ТЕБЕ СНИТСЯ
 «Надеюсь, мне пришла в голову верная мысль...» 151
10. Елена Варганова / ДУДУ
 «Дуду было далеко за сорок. Гладкая, загорелая...» 159
11. Юлия Гофри / КОНЕЦ СВЕТА, ИНКОРПОРЕЙТЕД
 «Их было двое. Молоденькая девушка с восторженными...» ... 167
12. Наталья Бабина / ХОЧЕШЬ ЖИТЬ ВЕЧНО?
 «Ольга вышла из ванной, прошлепала босыми...» 174
13. Татьяна Стрельченко / ФОРМУЛА ОПАВШЕЙ ЛИСТЫ
 СКАЗКА ЦВЕТА ИНДИГО
 «Сосны, сосенки мои. Многолетние красавицы...» 181
14. Семён Цевелев / СКАЗКА О НЕХОРОШЕМ МАЛЬЧИКЕ
 «С самого раннего детства Эрвин был нехорошим...» 187
15. Наталья Прохоренко / УТРЕННЯЯ ПОЧТА
 «Это письмо сразу показалось мне странным...» 191
16. Андрей Новосёлов / ПЕРВЫЕ ДЕЛОВЫЕ ЛЮДИ НА ЛУНЕ
 «Гомните, з говорил о возможности создать...» 195

С. БЕСКАРАВАЙНЫЙ

ПУСТАЯ ПОРОДА

(МАЛЕНЬКАЯ АНТИУТОПИЯ)

— Папа, папа, я на этой выставке машины видел — они ничего не делают. Или что сделают, то сами и поломают, заново начнут. Я не понимаю. Это страшно!

— Не бойся, сынок. Тут всё ясно — художник публику развлекает и денежку зарабатывает. Чего такого страшного? Вот если бы они работали совсем без людей, это бы не имело смысла и пугало...

— Но тогда некому было бы бояться?!

БЕДЕННЫЙ СТОЛ, ПОКРЫТЫЙ ДО УЖИНА ТЯЖЕЛОЙ вышитой скатертью, мало подходил для чтения книг. По виду он был большой толстой плитой, за которой должна пировать дюжина друзей. Да и обстановка вокруг не казалась библиотечной. Вальдшнепы и куропатки в орнаментах тканей, кабаньи чучела на стенах, даже бронзовые канделябры, литые в виде молодых деревьев с птицами в ветвях — всё говорило страсти к охоте. А буфеты с богатым набором для сервировки стола — шептали о хрустящей корочке на жаренной утке и тонком вине.

Однако человек, сухощавый блондин лет сорока, смотрел в книгу не отрываясь, и страницы переворачивал, только прочитав их донизу. Занимался он этим уже не первый час, и когда чучело глухаря протоковало полдень, даже не обратил внимания. Но вскорости маленький, незаметный наушник пискнул хозяину, что до работы ему осталось полчаса времени.

Человек поднялся, помахал затёкшими руками, одернул фрак. Книгу, не закрывая, корешком вверх положил на каминную полку. Там уже лежало несколько томиков в ярких обложках. Вздохнул.

На щелчок пальцев перед ним вспыхнуло расписание — зеленые буквы плыли по воздуху, выстраивались в слова.

— Точняк, когда наш патрон будет? — охранник, который вошел в дубовую дверь, почему-то всегда называл хозяина особняка патроном. Весёлый парень, которому тяжело было соблюдать дисциплину.

— Всё по-старому, успеешь ещё свою страницу вычитать, — человек по своей должности был дворецкий. Носитель невозмутимости и внимания. Потому он при голосе сзади и не вздрогнул, а сделал вид, что услышал шаги и скрип двери.

— А ты всё свою математику мучаешь? — охранник подхватил с каминной полки тяжелый том.

— Там бумага хорошая, — дворецкий произнёс эти слова безо всякого юмора, и вышел.

Охранник посмотрел на камин. Прозрачная заслонка открывала вид на горку белёсого пепла. Он тяжело вздохнул и продолжил с того места, где прервался в прошлый раз — со штурма крепости Хайля большой ячорской бандой.

Боевик, понятно.

Дворецкий — Точняк была его кличка, по паспорту он числился Виталием, хотя имя своё в грош не ставил, — спустился на несколько этажей и постучался в дверь вишневого цвета. Табличка на двери гласила «Людская».

Замок узнал жильца, тихо клацнул засовом и открыл дверь.

Внутри была небольшая столовая — с окошком для выдачи еды, вырезанном посередине полупрозрачной двери, длинным, не слишком чистым столом и запахами умеренной аппетитности. Плюс к тому маленькие записки, которыми были увешаны все стены.

— Мефодиевна! — дворецкий добавил голосу немного развязности.

— Чего тебе!? — из окошка высунулась голова полной, не слишком опрятной женщины. Папильотки в волосах давно пора было менять на новые или хотя бы почистить, в придачу красилась она слишком вульгарно.

— Скоро.

— А я что!? — агрессивно отозвалась повариха.

— Шестая терраса. Не перепутай! — он не стал выяснять отношения, а через дальнюю дверь проскользнул в коридор. Узкий, с изгибом, без картин или хотя бы фотографий на стенах, только разноцветные двери с левой стороны. Дворецкий постучал в серую дверь и вежливо прокашлялся.

— Заходи.

— Как здоровье, Пётр Георгиевич?

Уместный вопрос при виде старого человека с потухшим взглядом и дрожащими руками. Домоправитель считался главным из слуг, его комната походила на сорочье гнездо: повсюду были толстостенные хрустальные флаконы, аляповатые стразы и бисерная вышивка. Подобная обстановка полагалась ему по рангу должна была подчеркивать суетность накопления и тленность любого богатства. Предостережение на случай криминальных мыслей.

— Поживу ещё. Всех предупредил?

— С Фёклой не говорил.

— Анимэшка сама знает, — он протянул руку, и Точняк помог ему встать с тахты.

Старый домоправитель застегнул верхние пуговицы своей ливреи. Взял с тумбочки перчатки.

— Ты иди, я успею.

Дворецкий постучал и в остальные двери. Тишина, только из последних как раз выходили Сербины — Павел и Марина. Пара счастливых супругов, которые больше всего на свете ценили шёлковые гобелены.

По залам и комнатушкам, лестницам и переходам поместья разнесся первый звонок. Антракт завершался. Хозяин возвращался с конференции по поводу открытия врат в иные миры.

Терраса была простой площадкой без перил. С неё можно было разглядеть заросшие березовым лесом холмы на границах имения, а по ночам даже увидеть огни Никитской Слободы. Только сейчас собравшимся слугам казалось, что шикарный вид понемногу съезжает влево — этот ярус дворца совершал часовой поворот.

Домоправитель занял своё место, остальные построились в шеренгу по чину, и Точняк проверил, всё ли хорошо — перед ним будто бы повисло одному ему видимое зеркало, в котором отразился их слабый человеческий строй.

Только сейчас на террасе появилась Фёкла. Капризная девчонка шестнадцати лет, почти всё время проводившая в толпах виртуальных анимэшных призраков. Она родилась три месяца назад, и состояла нынешней официальной «согревательницей ложа», как иногда дипломатично выражался Точняк. Так что остальные не удивились причёске-каре цвета печеночной крови и пышным бордовым бантам на локтях.

Флаер, у которого короткие цилиндры турбин заменяли автомобильные колёса, вынырнул откуда-то сбоку. За пару секунд из еле видного силуэта он стал близким, осязаемым в своей силе механизмом. Цилиндры повернулись вертикально, машина зависла у края, её дверца отошла вниз и стала подобием трапа.

Тело, которое сошло на террасу, выглядело как пятидесятилетний, в прошлом умелый боец, который сейчас поддерживает видимость формы, но уже не стремится к вершинам боевых навыков. Лёгкая походка, привычная экономность движений и руки, с которых давно сошли все мозоли. А в остальном — чуть вытянутое лицо, острый кадык, волосы до плеч, белые от ранней седины. В глазах пламенели контактные линзы, делая человеческое лицо — лицом восточного ифрита. Знак ранга.

— Арки! — Фёкла заплодировала, неподражаемо мигнула нижними веками, и готова была броситься ему на шею. Он остановил её поднятым пальцем и холодной улыбкой. Потом кивнул домоправителю, как взмахом сабли, перечеркнул взглядом остальных, и прошел вглубь здания.

Дворец будто вздохнул — зашевелились статуи, скрипнули двери, подернулись рябью зеркала.

И как только дверь за хозяином закрылась, стали слышны первые ноты «Вечернего звона». Несколько секунд люди не верили, вслушивались, но ошибки быть не могло.

— Какого? — чуть не выругался Хлевный.

— Он меня разлюбил, — заплакала Фёкла, и ногти на её руках стали цвета опавшей листвы.

Старый домоправитель промолчал — кололо сердце, но стонать и плакать было не в его правилах. Он помнил несколько сотен дней, когда слышал такую мелодию, только не знал наверняка, какие из них были правдой, а какие иллюзией. Сейчас мелодия звучала для него чем-то вроде реквиема — хозяин уже очень давно ограничил число слуг в имении, и теперь, когда рождался новый лишний человек, самому старшему пора было думать о крематории. Правда, была еще старушка-приживалка, Стадник.

— В любом случае надо идти и смотреть, — дворецкому не изменило хладнокровие, — Сербины, вы потребуетесь для малого приёма, Зятев. Зятев!

Тот тоже испугался и теперь беззвучно шевелил губами. Молодой, боялся без причны, просто в силу природной трусости.

— Пойдешь на подхвате. Я сменю тебя ближе к вечеру.

После вынул из кармана платок.

— Фёкла, он наверняка затребует тебя нынешним вечером, — Точняк улыбнулся, как мог сердечнее, правда, «согревательница постели» этого не оценила, плакала, разве только платок взяла.

Дворецкий обернулся к остальным, хотел пригласить вниз, но Дмитрий уже был около выхода на чёрную лестницу.

В подвалах разместилась домовая электростанция и котельная. Роботы постоянно бегали в ремонтную. Людям туда ходу не было совершенно. Только громадина хомоделателя, на минус четвертом уровне, была оснащена специальной приёмной — комнатой, в которой полагалось ожидать новых рождений и можно было даже через окошки посмотреть, как вынимают из чана новое тело. Хотя сегодня в эти окошки было рановато заглядывать. Пока все прибывшие смотрели на экраны, и видели там маленькую девочку — во всяком случае, на ребенке была юбка и кофточка с кружевами — которая училась ходить.

Хомоделатель создавал очередную психику. В некоей виртуальной реальности сейчас развивалась программа, которая со временем станет копией личности вполне взрослого человека. За несколько дней по ту сторону дисплеев пройдет целая жизнь и, одновременно, поспеет тело с чистым мозгом. И в этот мозг, как в гроссбух, перепишется всё до последней цифры. Родится новый человек с собственной судьбой.

— Кто дежурит первым? — спросила повариха.

— Бояркин.

— Почему я? — обиделся историограф.

— А что тебе еще делать? Ничего больше не умеешь, только в зазеркалье пропадаешь целыми днями.

Бояркин насупил и пошел искать табуретку. Надо было часами сидеть перед экранами и записывать все значимые моменты жизни. Других способов узнать о новичках правду не существовало.

— Может, новая комната вырастет?

— Послезавтра узнаем, — с философским безразличием Точняк ответил на непонятно чью реплику.

У него сегодня еще была работа. За ужином, когда хозяин не торопясь раскурит сигару, должен гореть камин. А растопить его можно только книгами, которые прочли человеческие глаза.

Утром на записи сидел Хлевный. Молча смотрел на дисплей, а пальцы бегали по клавиатуре ноута. Иногда Бояркин заглядывал ему через плечо, посмотреть, всё ли правильно пишет вахтенный.

— Прыгнула с бревна, но глаз не закрывала, — подобные замечания выводили Хлевною из себя, но он молча продолжал созерцать и фиксировать.

Проще было бы поставить здесь камеру и потом показывать новорожденным слугам кино из их собственной жизни, но хозяин не позволял заносить сюда подобную аппаратуру.

Девочку звали Нера — Бояркин прочитал имя по губам матери. Пока она играла и бегала по лесу, в котором росли деревья высотой в двадцатипятиэтажный дом. Жила Нера в поселении бортников, которые собирали мед у синих пчел с перламутровыми крыльями, и ничем другим пока заниматься и не мечтала.

Часа через два штатному историографу надоело изводить Хлевною поправками, щелкать портсигаром и со вкусом затягиваться очередной папиросой, набитой самосадным табаком. Он решил поговорить о перспективах.

— Она ведь храбрая девчонка. Солдатом будет. На чёрта она сдалась хозяину?

— Может, он драку затеять желает? С Поюлом?

— Тебе б только в драки лезть, авантюрист. Людей ведь положат...

— Ничего ты не понимаешь. Для конфликта хозяин начнет бойцов тысячами клепать. Ну уж сотнями точно. А двор-то ему нужен будет. Без двора наша халабуда совсем заброшенной выглядит.

— Намекаешь, что казармы построят?

— И туда переехать можно... Куда она делась? — спохватился авантюрист.

Оба экрана несколько секунд оставались черными прямоугольниками, пока снова не показали как саму девчонку, так и её взгляд на мир.

— Она куда-то прошла? Что это было? Воронка?

— Точно, это портал, — подтвердил историограф, — Она перескочила... Да она в другой мир перескочила.

Пустыням до горизонта неоткуда было взяться в лесу.

— Такое раньше было? — авантюрист удивился.

— Чтобы прерывалось внутренне время объекта? Не помню.

— Но скачки?

— Плюнь на них. Думаешь, все как ты, до рождения, на фабрике жили, у машин масло воровали?

— Чем не жизнь, — даже обиделся Хлевною.

Ссориться Бояркину не хотелось, и он примирительно поднял ладони.

— Другие хуже начинали. Дворецкий наш, читал, он ведь призраком был?

— Каким еще призраком? — отмахнулся авантюрист.

— Натуральным, местным. Полста годков летал по коридорам, пока не тело не раздобыл. Думаешь, чего он здесь всё знает, всё помнит?

Авантюрист, при всей своей теге к приключениям, имея два неудачных побега из поместья — убежать-то убежал, только от голода возвращался — до сих пор в архив пропуска не добыл, и мог только слушать, что ему наплетёт историограф.

Нера, между тем, подросла. В подборке главных моментов её жизни, которые можно было увидеть на экране, уже не мелькали сельские идиллические картинки, а чередой шли драки и тренировки. Мелькали перед глазами и серьезные стычки. Девчонка попала на войну — приграничную, бесперспективную в смысле победы и оттого почти бесконечную. Хотя противниками и были разумные лемуры, которые обожали красить хвосты во все цвета радуги, драться с ними было нелегко. Постоянно заключались перемирия, через границу шла контрабанда, но караваны регулярно грабили, и всё начиналось снова — жизнь казалась Нерее бесконечным приключением. Единственное, что её по настоящему раздражало — это свёрнутые колечком хвосты — бросались в глаза во всех критических ситуациях. Лемуры защитную окраску презирали потому как превосходно мастерили фальшивые хвосты и выставляли в самых неподходящих местах. Она делала карьеру снайпера и, по совместительству, страховала начальство во время переговоров. Остальные составляющие жизни Неру мало волновала.

Ещё через сутки Бояркин, который с подвального уровня вообще не выходил, заметил мигание красной лампочки.

- Свистать всех сюда, — он отобрал у Хлевного ноут и сам сел за протокол.
- Ты уверен?
- Не спорь со спецами. Тут рождение на подходе.

Меньше чем через четверть часа весь штат слуг собрался перед дверью в стерильно-белой, но отчаянно прокуренной комнате. Домоправитель разжевывал таблетки, старушка-приживалка молилась и жаловалась, что её Кузя, старый фокстерьер, станет никому не нужен. У остальных на лицах читалось скорее любопытство, чем страх. Ну разве что Фёкла-анимэшка от ревности поджимала губы.

Тело новенькой уже выросло, и в прозрачном окошке можно было разглядеть суету медицинских роботов рядом с чаном-инкубатором. Одновременно шла запись личности на биологический носитель, и эта самая личность переживала последние мгновения своего существования. Они не были приятными. Интрига, в которой Нера хотела поймать своё повышение, кончилась предательством, и уничтожением заговорщиков. Она пыталась скрыться, уехать на другой участок границы, но у машины погони были много быстрее — её чуть не смяли. Тогда она засела в нагромождении валунов поблизости от нейтральной полосы, отстреливалась, пока шустрый коллега-снайпер не умудрился разбить ей сначала левую кисть, а потом и продырять печень.

И когда к ней, плохо уже соображавшей от потери крови, подходили недоброжелатели, слуги услышали в коридоре шаги. Тяжелые, практически каменные. Зятев услышал первым, но пока остальные не разобрались что к чему, на его покашливания и реплики внимания не обращали.

Четверо малых атлантов, будто бы изваянных из белого мрамора, снялись со своего места в большом парадном зале на каменном этаже. Гордый вид, величавая поступь, и в руках носилки, покрытые зеленым бархатом. Наверняка принесли бы и паланкин, но тот не разворачивался в проходе.

Это было в новинку всем присутствующим.

«Рождение» — хриплый, но одновременно звенящий обертонами кованой стали голос, провозгласил явление нового человека. Дверь открылась, выкатилась обычная медицинская тележка, на которой лежала новенькая.

Она была чертовски хороша. С яростью и отчаянием на лице, только из огня, в котором горела последние несколько лет. Это пламя не могли скрыть не черные пышные, выющиеся локоны, которых она не могла себе позволить там, ни бальное платье, ставшее её родильной рубашкой, ни даже маникюр и лёгкая косметика.

Смерть оказалась приглашением на бал. Только пороховой след на левом виске остался напоминанием о способе перехода в другой мир.

Впрочем, Нера не ощущала своего второго рождения, она была без сознания.

Дмитрий цветисто выругался. Сербини указали друг другу на паутинчатый орнамент тканей. Домоправитель улыбнулся.

Никто инфаркта не получил, молния никого не ударила, и даже атланты не проломил голову лишнему человеку. Они только перегрузили новенькую на носилки и унесли в сторону ближайшего лифта.

«Согревательница постели» заплакала. Все окаменело стояли, смотрели как уносят даму хозяйского сердца, и только дворецкий механическим жестом подал анимешке платок. Фёкла неожиданно, но так естественно и непринужденно, как умеют только живые куклы, повисла у Точняка на шее. Он погладил её по голове, но отставленной «согревательнице» были нужны другие утешения, и под общий нервный смех он увёл её.

Нервный, потому что слуги понятия не имели — насколько она оставлена, надолго ли отложена.

Утро началось так странно, будто зарю новой эры отменили, и всем приказали пользоваться старыми шахтерскими коногонками.

Когда пробило полседьмого, повариха Мефодиевна и супруги Сербини сидели за длинным столом в людской. Они смотрели как за полупрозрачной дверью, окошко в которой было закрыто, охранник пытается что-то толковать Нере. Слышались только обрывки реплик — там текла вода.

Точняк вошел, в тот самый десятисекундный промежуток времени, в который он обыкновенно появлялся утром. Он был занят, поправлял запонку, одновременно стараясь не уронить толстую папку, которую нёс подмышкой. Потому не сразу воспринял картинку происходящего. Понял, подошел к Сербину и на ухо задал вопрос.

— Почему он?

— Рано спустилась. Ты занят был, чего уж там, — таким же шепотом ответил Павел.

Дворецкий не ответил, прошел к двери.

Охранник пытался толковать новенькой ситуацию, рубил ладонью воздух.

— Это не Цехис, не Оаюз, даже не Круглый Ящик. Это Земля. Колыбель и могила человечества.

— Я помню в Смарге...

— Забудь. Это не настоящее. Читай распечатки, там вся твоя жизнь.

Нера сидела на высокой скамейке рядом со стойкой. Мятое платье, волосы на затылке подвязаны случайным шнурком, торопливо смыта косметика. Под глазом выразительный синяк. Держала в руках часть листов собственной биографии и зарисовки себя же в критические моменты жизни (Сербин неплохо рисовал). От шока она как раз переходила к состоянию тихой ярости, злости, шипящей на манер бикфордова шнура. Оглянулась на вошедшего.

И Точняк вдруг спрятал в карман весь свой официоз, аристократическую неподвижность верхней губы и скованность движений. Откуда-то раздобыл нормальный человеческий взгляд, даже улыбку.

— Жизнь после смерти бывает редким дерьмом. Но тут всем досталось и ты в подходящей компании.

Бросил на стойку раскрытую папку с собственной биографией.

— А я вот рядовым был, целых полгода, станцию метро охранял. Только в другом мире, — не унимался Дмитрий.

Она всё еще не понимала.

— Где мои? Тут переходы есть?

— Твоих нет. Их никогда и не было, — Точняк осторожно взял её ладонь, — Где следы от пороха? Шрамы? Эта рука никогда не убивала. И никогда не умирала.

Он провел ногтем большого пальца по линии жизни.

Обыкновенно Нера могла за подобную вольность и в нос двинуть. От души. Но то ли во взгляде дворецкого прорезалась гипнотическая цыганщина, то ли флюиды прошлой ночи наделили его новой властью над окружающими, только она высвободила руку и на этом остановилась.

Точняк сел на скамейку поблизости от Неры.

— Думай о себе, как о воплощенной биографии.

— Скорее, как о персонаже романа, — перебил дворецкого Дмитрий, — Ты только сошла со страниц.

— Не понимаю, — она замотала головой.

— Тебя вытащили из небытия. Придумали, как игрушку. Ты — оживший портрет, ты вышла из большой картины. Из всего твоего прошлого теперь существует только твоя память, потому что никого другого с этого полотна оживлять не будут.

Она вдруг, как подоженная петарда, сорвалась со скамьи, пробежала по кухне. Точняк выгнул бровь, показывая, что вообще-то нехорошо бегать босиком. Она и не могла этого заметить, и пяткой сбила большой черпак, подвешенный у самого потолка. Ей наверняка приглянулась ухватистая и длинная ручка, которая делала эту посуду похожей на облегченную кувалду. Но за секунду до того, как Нера бросилась громить помещение или дубасить слуг, она замерла.

Взяла себя в руки.

Глубоко вдохнула, выдохнула, вдохнула.

— Кто это был? — она показала черпаком в потолок.

— Хочешь его убить? — дворецкий предупреждающим тоном задал правильный вопрос.

— Если так, зря, — поддакнул ему охранник.

— Вы тоже... осторожные? — ярость в ней билась за тонкой пленкой здравого смысла.

— Он не человек, Нера. Тело наверху это просто марионетка. Кремний в голове, и порядок, — пояснил Точняк.

— Что в голове? — с электроникой у неё было туговато, миры её детства и юности не доросли до микросхем.

— Тело хозяина управляется машиной, — терпеливо продолжил Точняк, — Эта машина здесь всё знает. Контролирует поместье, создает людей, ведет торговлю. Она не чья-то, она сама по себе. Она здесь главная сила и её воля — это закон. А вот мы — её слуги.

— Машина?

Одновременный кивок двух мужчин.

— Но на шиша я сдалась этой железяке? Зачем это всё? — она дернула платье за кружева на талии.

— Когда-то он был человеком, пока не преобразился. Память ещё жива.

Главное было сказано. Новенькая услышала, а что не разобралась — дело десятое. Понимание придёт.

Дворецкий похлопал ладонью по собственной раскрытой папке, взглядом указал новенькой на листы, разлетевшиеся по всей кухне — прочти, мол, пригодится, — и за локоть выволок Дмитрия из комнаты. Нере явно и безотлагательно требовалось одиночество.

— Что там было ночью? — Марина, всё еще сидевшая за столом, почти беззвучно спросила дворецкого и охранника, и показала вверх пальцем. Для ясности нарисовала в воздухе большой вопросительный знак.

— Не волнуйся, с тобой такого никогда не будет, — так же безголосно ответил ей Дмитрий.

Прошла неделя, а хозяин будто исчез. Не было телефонных звонков, в столовой из стены не вырастали новые записки. Дворецкий рассказал остальным, что завтрак обед и ужин проходят как обычно, но это за столом сидит пустая оболочка, исполняющая ритуальные действия. Жевание, чтение газет, отпечатанных в одном экземпляре, и дежурные вопросы о погоде.

Такое бывало и раньше, иногда даже месяцами. Сейчас перерыв оказался ко времени — обстановка могла хоть немного разрядиться. Фёкла, которая тем утром испугалась и обиделась больше всех — причем обиделась она на весь окружающий мир — ещё надеялась, что милый Арки снова начнет требовать её. Поскольку новой комнаты в людской не появилось, домоправитель подселил Неру к анимашке, справедливо решив, что Фёкла новень-

кую не убьёт, пороху не хватит, а вот Нера полезно будет понять, какие экзотические существа могут жить вокруг.

Новенькая училась как бешенная. До конца в подделку своей судьбы она не верила, но мир воспринимала вполне адекватно. Ей хотелось понять, куда её занесло. Ещё она, как могла, притворялась равнодушной ко всему происшедшему. Разве только увлеклась прическами — до того ей приходилось стричься чуть ли не «под горшок», а после второго рождения пышные чёрные кудри позволяли соорудить на голове что угодно.

Безвременье кончилось после очередной церемонии — слугам надлежало раз в месяц запускать патрульный беспилотный планер. Так поддерживалась «обороноспособность» поместья. За аппарат отвечал охранник, а дворецкий обеспечивал присутствие людей — они стояли полукругом у точки старта. Легкая, вся тонкая и полупрозрачная, с трехметровым размахом крыльев, конструкция, как только оторвалась от пальцев Дмитрия, начала вращать винтами. Скоро от внушительной «птицы» осталась изредка сверкавшая точка в небе — отсвечивали ромбы солнечных батарей.

— Портал, о котором у вас тут пишут, настоящий, — Нера заявила это с категоричностью человека, выросшего в скачках между мирами.

— Ты быстро оперилась. Уверена, что хочешь через него пройти? — Точняк демонстрировал чёткость исполнения церемонии, и в отличие от остальных не стал даже поворачивать головы.

— Да! Кто я здесь?

— Я тоже пойду, — Дмитрий отошел от перил.

На террасе пошел дождь, капли возникали на высоте чуть выше человеческих роста и не успевали разогнаться, прежде чем ударяли людей по макушкам и плечам — казалось, что вокруг особый, непривычный туман.

— Хоть с кем-то можно будет удрать, — кто-кто, а Хлевный такого шанса не упустит бы.

— Ну, хорошо, — дворецкий достал из кармана пластиковый прозрачный плащ, накинул себе на плечи, — Здесь и сейчас надо решить, кто участвует в предприятии.

У остальных тоже нашлись капюшоны, зонтики или похожие плащи.

— А что это ты так в теме? Голосование б еще провел? — удивился Бояркин.

— Головой думать надо, — без особого почтения ответил Точняк человеку-финтифлюшке, — Нера боевые воспоминания для дела получила. Для серьезного основательного приключения. Таким приключением может быть только жизнь за порталом. Хозяин хочет разведать обстановку.

— Ты решил подсуетиться, впереди пули побежать? — в голосе Неры оставалось мало почтения.

— Ты представляешь, как скучно быть духом этого места? — дворецкий подмигнул новенькой, — Протирать фужеры, менять полотенца в ваннных комнатах? Я хочу новую обстановку, стать духом для заведения поживее...

Точняк по первому классу огорошил всех вокруг. Такого откровенного дезертирства не ждали.

— Мы пойдем, а-пчи! — супруги Сербины умудрились одновременно чихнуть.

Фёкла, не переставая изображать ритуальную грусть, тоже сказала, что сердце её разбито, что в голове одна паутина, и поместье больше ей не к лицу. Такого каприза не то чтобы ждали, но экстраординарным не сочли.

Кто мог удивить слуг побольше Точняка, так это был Зятев.

— Здесь останусь, там меня первого на шашлыки пустят.

— Значит, номером первым в доме быть не хочешь? — поддел осторожного человека Сербин, — За верность повышение дать могут.

— И я повышение получить хочу, — Бояркин тоже решил остаться.

Больше кандидатов на посещение врат, или хотя бы на отселение из собственных комнат, не нашлось.

Дворецкий широким движением руки пригласил всех к лифту, дескать, чего вы тут мокнете, церемония уже четыре минуты как закончилась.

Сборы заняли всю вторую половину дня. В конспирацию хватило ума не играть с самого начала, но охранник никак не мог переступить через собственную порядочность — разом снять больше денег, чем было на всех их «карманных» счетах. Сначала Нера, а потому и Точняк, который вернулся с обеденной церемонии, быстро вправили ему мозги.

— На какие шиши ты там кислород купишь? А скафандры? А пища с водой, семена и всё прочее? — с ледяной вежливостью в голосе попытался втолковать Точняк.

Действительно, если хозяин отпускает слуг на вольные хлеба, то за своими карманами пусть следит сам. Много из них вытащить всё равно нельзя. Охранник разозлился.

— Ну ты б еще верблюдов нанял, все это добро нести! И где мы купим полевой госпиталь?!!

Новенькая ходила только по обжитым мирам, но опыт первого «провала» для неё даром не прошел, и она, понятия не имея о скафандрах, согласилась на идею с кислородом.

В итоге даже от квадроциклов отказались, но баллоны и маски для дыхания заказали.

— Если будем совсем без воздуха помирать, железные гробы ничего не изменят, а на случай проблем с каким-нибудь техническим газом подстраховаться надо, — подвел черту Хлевный.

Заказы появлялись в столовой, прямо из маленькой ниши посылочного терминала. Когда увидели, как много места занимает первая половина заказанных вещей, поумерили аппетиты, сократили список, но всё равно нагрузились так, что вынести на своём горбу добро не получилось бы даже теоретически. Потом перенесли всё вниз, и скоро груды пакетов лежала у лифтовых дверей в гараже. Хлевный, видя, как остальные чешут затылки, а дворецкий показывает ладонью в темный угол, только хмыкнул. Пошел туда и активировал любимого прогулочного робота-восьминожку.

— Почему ваш авантюрист с голоду умирал? — этот вопрос вдруг всплыл в сознании Неры, — До ближайших поселений три дня пешего пути, с рюкзаком и чемоданом за неделю дойти можно. Если компас не врёт и карта правильная.

— Он заблудился во внутренней Монголии, — ответил дворецкий.

— При чем тут страна?

— Внутренней — это значит внутри себя. Его хозяин водил, как леший по лесу водит. Мы тоже можем так вот ходить по кривому азимуту, — Точняк облачился в подобие строительного комбинезона с большим количеством карманов и всем своим видом давал понять, что запасы эти карманы не тянут.

— Ну в городе ближайшем кто-то из ваших побывал?

— Такие вопросы надо было задавать раньше, — не без юмора в голосе ответил Точняк, — Ближайший мегаполис в двухстах километрах. Это гигантское дупло, набитое виртуальными осами. Там почти все живут в иллюзорных мирах, по улицам ногами редко ходят. Так что нет смысла туда ехать. Виртуальность всё заменяет.

— Та видала я эту виртуальность, — процедила Нера.

— Учебный ролик для детей, и полчаса в мировой паутине поплавала, — согласно кивнул дворецкий, — Ты еще просто не распробовала, как там легко жить. Насколько приятно, беззаботно. Хозяин лимитирует доступ, чтобы мы не привыкали.

— Но хоть кто-то где-то должен был побывать?

— Фёкла была на конференции где-то в горах.

— Это наверняка Альпы были! Я Монблан узнала! — та на секунду отвлеклась от сортировки содержимого собственной сумочки и радостно чиркнула свою реплику в разговоре, — У меня и фотографии есть.

— Хорошего уровня снимки, художественные, — согласился Точняк, и уже Нере тоном ниже добавил, — Она в лесу с хозяином и другими преображенными. Лес хвойный, однако такие сорта сосен в Альпах не растут.

— Ладно, прорвемся, — Нера задумалась, — Из нормального оружия кроме этой железяки точно ничего нет?

Охотничье ружье с побитой серебряной гравировкой, которое болталось за спиной у Дмитрия, действительно смотрелось плохо.

— Личное оружие хозяина мы взять не сможем, он слишком любит стрелять оленей. Доступна коллекция кремниевых ножей. Алебарды и мушкетеры из собрания новоделов. Лассо. Кувалды. Пневматическая пушка.

— Пушка?

Дворецкий картинно посмотрел в потолок.

— Для летающих мишеней на стрельбище. Хорошо может метнуть что-нибудь вроде теннисного мяча, но тяжелая, нет аккумуляторов, — он показал руками приблизительные габариты.

Про теннис Нера ничего не поняла, но от идеи отказалась.

— Вы работать будете или как? — возмутился Дмитрий. Остальные уже укладывали пакеты на сиденья.

В самый разгар погрузки в гараж спустился домоправитель. Ему тяжело было выходить из лифта — очень болели ноги — но он попрощался со всеми. Подарил Сербиным платок с редкой вышивкой. Точняку выдал документ для закупки набивных тканей — при случае эта бумага могла создать видимость официального хозяйского поручения. Чуть не расплакался и уехал на человеческий уровень.

После загрузки «муравья» верховое место осталось только для анимэшки. Правда, остальным не пришлось тащить рюкзаки — все шло со свободными руками.

Карты не ввали, спутниковые фотографии не обманывали, и даже навигатор «Юность туриста», который Точняк откопал в кладовке, исправно показывал координаты группы людей, шедшей за восьминогим роботом по старой, разбитой асфальтовой дороге.

Хлевный наконец вырвался из поместья и от счастья чуть не прыгал.

До комплекса лабораторий по прямой было полтора километра. Точняк настоял на чуть более сложном маршруте, с крюком добавлявшим еще двадцать. Он не хотел встречаться ни с одним посторонним человеком, и в здравом размышлении с ним согласились все остальные.

Потому они прошли мимо полей, на которых трава сменилась мхом и лишайником. Малиновые, серые, зеленые пятна выстраивались в мозаику.

— Что здесь растет? — анимэшке надоело щелкать органайзером, не вставая с сиденья, стало любопытно, на фоне чего она себя так увлеченно фотографирует.

— Посевы культурно-электронные, — бывший дворецкий уже давно прочел все возможные данные о близких и дальних подступах к имению, — Зреют мелкие семечки, которые у вольных общинников называются «вот та сиреневая крупа». Есть нельзя. Возможно, материал для биочипов.

— Это можно поджечь? — у Неры преобладали военно-практические наклонности.

— С дороги не сходить, ничего не трогать. Горит или нет — не знаю. Тот общинник, который год назад здесь всё исследовал и выложил в сеть информацию, он подбирал зернышки за комбайном.

Над каждым полем летал маленький вертолет, с зеркальной сферой вместо обычной кабины — и ссориться с этими механизмами почему-то никто не захотел.

— Слушай, а наушник твой, он как, информацию поставляет? — Хлевный вдруг сообразил, что дворецкий не расстался с «подсказывающим аппаратом».

— Хозяин со мной больше не говорит, — с показным равнодушием ответил Точняк.

За полями начались какие-то технические постройки, будто сплавленные из деталей великанских детских конструкторов, а между ними круглые провалы в земле, из которых выбивался розовый свет. Дорога исчезла — вместо неё осталась полоса голой земли, на которой не задерживалось вся-

ческие электронные твари, размерами от таракана до собаки. Бывшие дворецкий и охранник поминутно смотрели на экран навигатора, сверялись с картой. Компас отказал.

Нера, пожалуй, только сейчас до конца, до самых основ своего существования поняла, куда угодила. Бурлящий котел машинерии, который почему-то не перехлестывал через край, не заливал механической порослью всю планету — он страшно напугал её. Противник, с которым она дралась всю жизнь, был понятен, как бы чуждо не выглядел. А здесь, реши вдруг эта многоликая машина разделаться с ней, ничего бы не помогло. Тот кухонный резак, который она прихватила, был бесполезен даже против механических комаров. А мысли о достойной смерти от собственной руки с недавних пор вызывали у неё только тошноту и отвращение.

— Кстати, это всё принадлежит хозяину, — выдал ещё немного информации Точняк.

Ночевали, как и в первый раз у границы поместья, стараясь никуда не отходить от восьминожки.

Лаборатория оказалась нагромождением сфер, кубов и призм, на первый взгляд совершенно беспорядочным. Вдобавок всё оплетала толстая, иногда даже как верёвка, полупрозрачная паутина.

Здесь тоже суетились машины, но размер у всех был приблизительно одинаков, и они напоминали павианов, разве только вместо шерсти их покрывала застывшая термоизоляционная пена. Двор комплекса очень походил на термитник — такая же сосредоточенная деятельность и порядок под маской хаоса. Сходство ещё усиливал белый цвет пены.

Люди остановились перед условной чертой на пластиковом покрытии — через неё не переходили «обезьяны». Что будут делать дальше, по сути, еще и не думали.

— Где тут можно пройти человеку? — Нера выглядела обескураженной.

— Хозяин прилетел. Площадка для флайера наверняка выше, — дворецкий в задумчивости напоминал статую.

— И?

Дмитрий, крякнув, переступил черту. Ружье он держал в руках и старался взять на прицел самую ближнюю к нему «обезьяну», отчего постоянно оборачивался. Ничего страшного не случилось. Роботы суетились, человек нервничал, время шло. Хлевный махнул рукой и «муравей» послушно затопал вперед.

— Если бы он настроил автоматику на задержание человеческих тел, то рисковал бы ошибкой, — выдал запоздало объяснение Точняк, — Но какая-то система охраны должна быть. Без неё набежало бы сволочей.

— Всегда есть шанс, что мы первые, самые проворные сволочи, — вставил комментарий Сербин.

— Не похоже, — бывший дворецкий, переступая черту, всем своим видом показывал, что считает происшедшее исполнением хозяйской воли, — Кстати, если здесь есть портал, то в этой сфере.

Он кивнул в сторону серого, похожего на газовый резервуар, строения. Сфера не касалась земли. Её поддерживали сотни и тысячи полупрозрачных трубок и капилляров.

— Думаешь? — Нера скептически оглядела сооружение.

— Там, — он указал на синих двухэтажный «кирпич», — Явно подстанция или что-то энергетическое, иначе бы не висело столько изоляторов. Слева — запчасти, вон макака деталь тащит. Объект должен быть в центре и снабжен лучшей защитой.

Точняк сбился на менторский тон, но тут же себя подправил.

— Еще там может быть автомат для засолки случайных посетителей.

— Да не может быть там ничего такого, лестницы где? — пришёл черед охранника демонстрировать скептицизм.

Остальные молчали, и тут анимэшка, которая как раз пыталась развернуться для очередного исторического снимка, показала пальцем на верхнюю половину сферы.

— Дверь! Смотрите, там нормальная дверь!

— Точно, везде калитки для этик бабуинов, а там в полный рост пройти можно. Умница, Фёкла.

От похвалы Марины анимэшка прямо расцвела.

— «Муравей» не пройдет, — у Хлевног был вид человека, которому страшно не хочется тащить наверх весь этот груз.

— Разведка нужна, — констатировала Нера.

Дмитрий молча закинул ружье за спину, прошел вперед схватился за первый кабель. «Оплётка» сферы была очень разной — какие-то жилы тянулись под его руками, а на других он даже подпрыгивал без намека на изгиб.

— Здесь площадка! Сверху вроде лестница плетеная, а тут самая натуральная площадка!, — прокричал он сверху.

— Осторожней с дверью! — дворецкий, как всегда, нашел повод для совета.

— Боишься, не откроется!? — Дмитрий всё-таки не стал брать за ручку рукой, а накинул ружейный ремень. Потянул. Всё открылось.

Хлевный не утерпел, полез вслед за Дмитрием. Вместе они зашли вовнутрь. Их не было минут пять. Сербины начали совещаться, как они удобней лезть, Нера молча кусала губы.

— Оно! Портал!! Проход видно! — показала совершенно счастливая физиономия Хлевног.

Остальные тут же захотели слазить посмотреть, но Нера умудрилась взять ситуацию под контроль, организовать перевалку груза. Восьминог робот подвели как можно ближе к порослям трубок, начали разгрузку. Пакеты обвязывали веревкой, тянули сначала на экватор сферы, а потом на площадку. Только когда затащили всё, пошли внутрь.

Там, после двойной двери шлюза, была мечта Неры. Во всяком случае, площадка перехода должна была выглядеть именно так. Пульты, установки, гроздь всяческих приборов, а в центре — огороженный канатами учас-

ток, навроде боксерского ринга. Вокруг, участка, как блеклые отражения в стеклах, только безо всякого стекла, висели картины. Лес, ручей.

— Пульт, — в её голосе было столько надежды.

— Что пульт? — спросил Точняк.

— На столбике. Такой же, как в Зур-Каззе, автоматизированный.

— Значит, твоя судьба за порталом, — он схватил два пакета и потащил к «рингу».

Роботы-обезьяны не обращали на людей внимания, а что-то беспрестанно налаживали и подвинчивали. Но путешественники всё больше торопились. Нервы пожирали время — казалось еще полчаса, еще минута, и всё, волшебство кончится. Халява обнулится.

Накидали пакеты в центр площадки, Нера щелкала рычажками на пульте.

— Может, возьмемся за руки? — анимэшка подала одну из своих эстетически правильных идей, но её никто не оценил.

— К центру, садитесь на мешки!! — специалистка по переходам сама подала пример и угнездилась на верхнем пакете.

Изображения вокруг площадки стали превращаться из случайной иллюзии в единственную реальность. Небо совсем уже стало настоящим и вот-вот должен был подуть ветерок, от которого колыхались ветви деревьев.

Резкий, противный звук, из породы тех сигналов, которыми доводят до сведения категорические отказы. Всё вернулось.

— Вами превышен текущий лимит массы. Уплатите штраф, — металлический голос лишь подтвердил опасения.

— Да ..., — не выдержал Хлевный.

— Уплатите штраф, уменьшите массу. Уплатите штраф, уменьшите массу.

Одна из механических обезьян, подтащила переносной терминал. Там высвечивалась сумма штрафа и в отдельном окошке постоянно менялись цифры — сколько килограммов можно было переташить в другой мир.

— Двадцать? Двадцать девять? Полтораستا? Это с людьми или без? — Марину еще не покидал оптимизм.

— Тебя подводят балетки для похудения, они слишком тяжелые, — едко отозвался Точняк, — А у меня только одна платежная карточка и её не хватит.

Он приложил антикварную карточку к терминалу, и сумма штрафа сократилась. Ненамного.

— Внесите остальную часть суммы. Внесите остальную часть суммы, — забубнил тот же противный голос, и в такт ему к людям начали сходитьсь роботы.

Денег не было, шансов на проход тоже, и у Дмитрия сдали нервы — он прострелил робота, державшего терминал. Сумма на дисплее увеличилась.

— Бежим! — закричала, почти завизжала анимэшка, но бежать было некуда, разве только по головам роботов.

— В следующий раз возьмешь глаза в зубы, специалистка, — от души посоветовал Нера Сербин, не зная, будет ли у них вторая попытка.

И машины бросились на людей.

Когда Точняк открыл глаза, над ним был синий купол неба, который перекрывала крашеная полосатая планка. Он лежал под шлагбаумом — тень тонкой полоской падала ему на лицо.

Где-то поблизости Сербин насвистывал мотив из любительской постановки, что им пришлось организовывать в прошлом году.

Они все лежали рядком, головами к шлагбауму. Одетые в стандартную бумажную пижаму серых оттенков, с бирками на шеях. Исчезли серьги анимэшки, кольца Сербиных и наушник Точняка. Прямо за полосатой планкой стояло несколько роботов-обезьян и *фиксировало* происходящее.

— Изгнание из рая, — Павел прекратил свои музыкальные упражнения, — Остальные сейчас в себя придут, уже дёргаться начинают.

Бывший дворецкий неловко встал, стараясь не свалиться в манипуляторы к роботам, чуть отошёл. Посмотрел на табличку, где название было подчеркнуто красной полосой.

— Периферийная зона «Трактор». Я тут ничего не знаю, — голос у него упал.

— Мама!! — это очнулась анимэшка.

— Где мы!? — и Дмитрий прорезался.

Все было кристаллически ясно. Хозяин выпихнул их в свободное плавание. На каждой бирке была цифра долга, хода назад не было, а чтобы поесть через несколько часов, требовалось идти к ближайшему поселению. Одно хорошо — дорога туда была прямая, как лазерный луч, и вокруг росла трава с бурьяном, а не инкубаторы для биочипов. Хотя нет — еще хорошо, что лето. В снегу или слякоти они имели бы превосходные шансы вообще не проснуться.

Долго не могли поднять с земли Неру. Она пришла в себя может быть раньше всех остальных, но просто лежала и плакала. Марина уговорила её, что-то там наврала, пока остальные совещались в нескольких шагах.

Без Неры с её огнём и боевой хваткой, решающий голос перешел к Точняку. Он попытался распределить роли в тех микроспектаклях и откровенных мошенничествах, которые теперь стали их ближайшей перспективой. Всё это было придумано тут же, грубо и нагло сшито белой ниткой фантазии — кучке людей надо было дать хоть какую-то надежду. До поселения требовалось дойти быстро — пока еще ужас ситуации не окончательно проник в сознание, не вгрызся в печень. Иначе им светило передрасться и помереть в придорожной пыли.

— Идти можешь, пряткая ты наша? — капелька яда в голосе иногда полезна для психического здоровья.

— Да!

— Ну так начинай переставлять ходули, — Точняк протянул ей руку.

Хорошего марша не получилось. Фёкла к подобным вещам вообще не была привычна — всё пыталась стряхнуть с себя грязь, но потом махнула рукой, и её волосы стали цвета буро-чёрной дорожной пыли. Хлевный быстро устал. Однако меньше чем через час за обочинами уже начались огороды.

Поселок встретил их аркой, склепанной из старых алюминиевых деталей. «Афонка» — значилось на её вершине большими буквами. Правда, не ясно было, название ли это посёлка, или просто дурацкая шутка. Привратником состоял робот-паук, размером с пуделя. Хорошо хоть паутины у него не было, и он только швырял на манер сюррикена в грудь каждому входящему маленькую рекламную карточку.

Размеренности и однообразия в посёлке не наблюдалось. Были покосившиеся хибары, слепленные их листов пластика на живую нитку, и непонятно как держащиеся под ветром. Рядом с ними могли стоять вполне себе добротные домики, с черепичной крышей и живой изгородью. А чуть дальше — полуорганические силиконовые строения, которые даже днем светились, как ядовитая медуза из парадного аквариума в северном вестибюле дворца.

Люди тоже не казались дружной командой. Кто-то сидел на порогах собственных домишек и выпадал из реальности — то ли в наркотический бред, то ли в понравившуюся виртуальность, а может и совмещая одно с другим. Прохожие, которые выглядели получше, сторонились людей в серых пижамах и пластиковых сандалиях. Одно окно, мимо которого они дефилировали, даже захлопнулось.

Хлевный попытался разговорить кого-то из виртуальных странников, но те только улыбались. Нера вдруг заявила, что ни один поселок не живет без места сбора. Туда надо идти, искать контактов.

Площадей не нашлось, но на единственном перекрестке висела шикарная неоновая вывеска трактира. А чуть ниже названия на ней значилось маленькими буквами: «Новички? Заходите! Вход, выход и один стакан воды бесплатно».

Пока все думали, заходить или нет, к стопившимся людям подошел робот в виде птицы-секретаря, только с фиолетовыми перьями в красный горошек. Тронул Сербина за колено, а когда тот, чертыхнувшись, отпрыгнул от подкравшейся штуковины, проговорил.

— Ну чё стоите? У нас без обмана.

Они зашли.

Обстановка простоватая, скорее бедная. Длинные столы и скамейки, которые расходились от стойки солнечными лучами. Людей почти не было, только несколько фигур.

Сама стояка казалась посторонним вкраплением. Здоровенный агрегат, похожий на смесь холодильника с электроподстанцией и самогонным кубом. Доносилось бурление, звон металла, мигали лампочки и набор вкуснейших запахов бил в нос. В самом центре агрегата виднелась большая бритая голова на которой только начал пробиваться ёжик прически. Прическа эта была изумрудного цвета, а глаза бармена-трактирщика прятались под зеркальными линзами. С линзами, еонечно, был перебор и пижонство, но что можно и чего нельзя в периферийной зоне? «Ашот», значилось на бейджике трактирщика.

— Ба! Наши новички! Проходите!

Вместо классических круглых табуретов у стойки оказались тесные откидные сиденья. Чтобы клиенты не наседали. Точняк приметил рядом с барменом монитор, куда шло изображение из глаз птицы-секретаря.

— Ну, от кого ушли? Придворные?

— Арки, — механически ответила Сербина.

— Это кто? — не понял бармен.

— Многоэтажный дворец. Вероятно, на северо-западе отсюда, — разъяснил Хлевный.

— О! Хороший двор. Оттуда редко народ появляется.

Длинная механическая тварь, многоножка, состоящая из одних ладоней, вылезла из-под стойки, держа пальцами стаканы с водой. Поставила перед каждым.

Они пили жадно.

— Надолго у нас? — радушно спросил зеленоволосый.

— Как получится, — неопределенным тоном ответил Точняк.

— Имеете средства для проживания?

— Тут дорого? И чем платят?

— О! — бармен явно с удовольствием произносил этот звук, — Здесь в ходу шансы и воплощенные мечты.

Такой прејскурант «придворным» был неизвестен.

— Нам нужна еда, крыша над головой. Одежда, — Нера понемногу стала приходить в себя.

— Оно понятно. Занимайте дом Ньюки, — на экране стал виден коттедж, а через секунду прокрутился путь к нему от самых дверей трактира, — Там никого. В холодильнике остались припасы, а одежду можно перешить.

— Хозяева дома возражать не будут? — бывшего дворецкого всегда занимали вопросы законности и безопасности, — Если вернуться, как быть? Что вообще с ними?

— Уехали с концами на изнанку бытия. Но! — со значением поднятый указательный палец, — Туда вам не попасть, как ни старайтесь.

— Прямо так и можно жить? Я вот помню... — не поверила анимэшка.

— Так и можно, — улыбнулся ей бармен, — Только барсука в саду не трогайте, он злой и гранатами кидаться умеет.

— Откуда берет боезапас? Или это фрукты? — не очень понял Дмитрий.

— Сам делает, подлец. Нора у него большая. Кстати о боезапасе: проживете у нас больше двух дней, милости прошу в ополчение.

Сыр бывает в мышеловке, а где бывают бесплатные дома? — подумалось Сербину. Только вот в таких поселениях и бывают.

— Тут общинники под боком. Они нас сильно не любят, — пояснил бармен, — С придворными, даже бывшими, постоянно на ножах. Норовят нашего брата через автотестер пропустить. Так они узнают, насколько ты еще человек.

— И что? — Хлевный задал неправильный вопрос.

— Из тестера голова редко выходит целой. В остальном у нас с ними обыкновенная вражда.

— И часто? Многих теряете? — Дмитрий не испугался, скорее оживился.
— О! Раз в месяц, бывает и полгода проходит. Тут не угадаешь, почтеннейший. Так и с трупами.

Молчание.

— Девушка! — завели речь сбоку, — Вы не могли бы поменьше стрелять в меня глазами?

Длинный худой человек, который сидел за ближней лавкой, смотрел на Фёклу.

— А что, попадает? — она кокетливо улыбнулась и в очередной раз поменяла цвет волос. Они стали нежно розовыми.

— Есть немного, — он постучал ободком кружки по своему черепу, — У меня полушария искрят.

Анимэшка хихикнула и отвернулась.

Точняк попытался выспросить у трактирщика, кто главный в поселении, но тот выразительно показал глазами на пустые стаканы.

Бывшим придворным пора было идти.

— Вечно забываю, — вдруг оживился бармен, — Долговые бирки не отдадите? У меня тут коллекция.

У самого потолка зажглась панель: множество пластинок самых разных цветов, форм и материалов, выстроились на зеленом бархате, как на плацу.

— Ммм... у нас нет надежных блокнотов — записать сумму долга. А так ещё не выучили наизусть, боимся забыть, — нашёлся Точняк.

— О! Слова осторожного человека. Тогда в следующий раз?

— Мы постараемся, — Нера повернулась к остальным, — Пойдемте, а то я по дороге свалюсь.

Добрались до коттеджа совсем быстро. Насчет барсука оказалась правда: посреди газона был конус вырытой земли, и оттуда, как из окопа, на них смотрела полосатая морда.

Дом был обставлен со вкусом, даже с намеком на эстетику зажиточного бытия — от обувных ложечек, до столовых салфеток. Только рассматривать всё это добро не было сил. Усталость навалилась. Разбрелись по углам, заснули, где легли, даже не вспомнив о еде.

Утро началось с выяснения отношений. Длинного скандала, на переделе громкости крика и в шаге от драки. Виноваты, понятно, были все те, кто затеял поход.

— Жили и горя не знали!! — вопила Марина, — Так эту тварь снайперскую на подвиги потянуло!!

— Тут бассейны есть!? Или бани нормальные!?! — анимэшка тоже почувствовала, что теперь ни мраморных ванн, ни искусственных загаров ей не видать.

Утренняя боль в мышцах и сбитых ногах, помноженная на голод и разочарование — отлично уничтожает романтику.

Дракой бы всё и закончилось, но вторая сторона ни одного слова поперёк не сказала. Нера мрачней тучи сидела в кресле. Дмитрий устроился на по-

доконнике и тоже молчал. Хлевный нервно переходил из угла в угол, иногда открывал рот, пытаясь что-то сказать, но закрывал и мотал головой — дельных мыслей у него не было.

Точняк устранился самым простым способом — начал методично обыскивать дом. Все тумбочки, горки, шкафы, полочки, серванты, ящички. Начал с комнаты на первом этаже, по виду гостиной, где все и спали, а потом перешёл дальше.

Когда бывший дворецкий нашёл холодильник (тот был замаскирован под печку с маленькими бело-голубыми изразцами), и позвал всех завтракать, скандал поутих.

— Надо понять, чем дышит местечко, — Точняк первым оторвался от еды, и мог говорить без риска ответного крика и галдежа, — Пройтись, присмотреться. Такой дом рядом с хибарами не мог простоять пустым даже час. Нера, ты понимаешь в черном рынке и прочих изнаночных проблемах, пойдешь со мной.

Возразить ни у кого не получилось.

— С нормальными людьми надо связаться — Сербин оторвался от лотка с жареной картошкой, — У нас с Марией друзья есть.

— По гобеленам и вышивке? Ты с ним лично говорил, в реальности? А про этот городок что-то знал? — бывший дворецкий печально усмехнулся.

— Э! Ты чего?! — Сербину такой намёк не понравился, — Они настоящие.

— Так свяжешься с ними. Если повезет, хоть какая-то ясность будет, — Точняк, как от сильной головной боли, взялся двумя пальцами за переносицу, — Афонка... Хм. Здесь слишком много неправильного.

Мария и Фёкла из полуистерического состояния не вышли, и на улице показываться не желали. Нормальной одежды в шкафах к удивлению дворецкого было мало, в основном полусгнивший хлам. Так что наружу вышла пёстрая компания.

— Если обойти кругом этот поселок, хоть узнаем, есть ли отсюда нормальная дорога. А, Дмитрий? — бывший дворецкий выдал добровольно-принудительное поручение.

— Чего мне там одному шляться?

— Хлевною захвати.

— Не, я...

— Будем ходить бандой из четырёх оборванцев — вообще за идиотов примут. Терминал найди или хоть какой-то выход в сеть, — отрезал Точняк, — Пойдём, Нера.

Бывшему охраннику командование дворецкого нравилось всё меньше.

Посёлок при ближайшем знакомстве больше всего походил на пчелиные соты. В центре каждого большого участка, или даже квартала, стоял добротный, приятный глазу дом. Детали архитектуры и стиль значения не имели, сразу было видно, что дом хозяйский, живут здесь со вкусом и всем того же желают. Почти всегда на фасаде красовалась вывеска — реклама тех товаров, которыми торговали в лавках на первых этажах. «Товары для жизни»,

«Товары для смерти», «Всё для счастья». Вокруг, не сразу от стен, а скорее от границы приусадебных клумб и садов, начинались куски земли с хижинами и хибарами. Те самые, на порогах которых сидели ушедшие в зазеркалье люди. Опоясывала каждую «соту» асфальтовая дорога.

— Врут, сволочи, — Нера была категоричная в суждениях, — Хороший арсенал в такой домик не влезет. Даже для солидной аптеки места нет.

Других аптек, кроме как совмещенных с маленькой химической фабрикой, на которой тут же и готовили все лекарства, Нера не знала.

— Подвалы? — бросил пробный шар Точняк, — Или просто заказы принимают?

— Катакомбы, — фыркнула Нера, — Зайдём.

Точняк открыл задвижку на калитке и пропустил Неру вперед — мощная зеленой плиткой дорожка вела прямо к сине-фиолетовому строению. Здесь торговали знанием.

Дверь уже была открыта, вместо витрин внутри лавки висели экраны, на которых повторялся один и тот же мотив — начало путешествия. Дороги, пристани, аэродромы, стартовые площадки, а от них вид на степь, море или облака. На звон дверного колокольчика вышел невысокий мужичок сиреневом костюме и смешной, кособокой шляпе.

— Чего изволите, новенькие?

— Дорого берёшь? — дворецкий вдруг стал выглядеть очень скупым, прижимистым человеком.

— Денег у вас сейчас нет. Я меняю.

Экраны вместо пейзажей стали показывать таблицы. Металлы, детали механизмов, микросхемы, программы, бактерии, живые существа, технологии, системы наблюдения обменивались здесь на расписание поездов, коды доступов к хранилищам, адреса неизвестных и всё остальное. Строчки двигались, и стало ясно, что изучать их можно не один день.

— Есть бесплатное знание? — Точняк подмигнул Нере, дескать, образ требует, я не всегда такой.

— Справочная информация, — усталым голосом ответил сиреневокостюмный лавочник, — Но только недолго.

— Почему нам дали дом? — Нера хотела разрешить самый тревожный, опасный вопрос.

— Так просто не расскажешь, — лавочник очень по-доброму улыбнулся, только тошно было от этой улыбочки. С таким лицом принято вежливо отказать.

— Что делает нас полноправными жителями посёлка? — официоз вернулся к бывшему дворецкому.

— Проживание в нём. И оружие на полке.

— Как расплачиваются шансами? — Точняк скороговоркой задал новый вопрос, еще раньше, чем до конца расслышал ответ. Он видел, что лавочник скоро надоеет, и торопился.

— Это коридор возможностей. Надо исполнить мечту человека.

— Тут у каждого есть мечта?
— Да. У тех, которые живут в нормальных домах.
— О ней может быть известно третьим лицам?
— Если ты не можешь узнать моей мечты, то как её воплотить? — печальным голосом ответил хозяин лавки.
— А тусклые люди, ну эти, которые в пыли? — Нерее очень неприятно было говорить о пленниках зазеркалья.
— Виртуальщики уже своё получили. Их мечты исполнились.
— То есть прежние хозяева дома, где мы живем, они переехали в халабуду?
— Нет, сударыня, — печальные улыбки хорошо удавались сиреневокостюмному человечку, — Они в другое место уехали. И чурбаками не стали. Наши мечты требуют реального воплощения.

— Что делать, когда кончится еда?
Этот вопрос Неры был чересчур обыденным — мужичок показал пустые ладони и отступил за портьеру.
— Можете смотреть котировки, тоже бесплатно, — приглушенный тканью голос был единственным ответом.

— Вот ведь чудак, — она не рассердилась даже па удивилась.
— Приду сюда позже, — деловым тоном отозвался Точняк для микрофонов. На улице поднялся ветер — он гнал пыль и сушил кожу.

Следующие лавки дали похожие результаты — разговоры будто бы о деле, попытка вызнать, по каким правилам здесь живут и вообще, зачем существует посёлок. Хозяева не видели в них равных собеседников, иногда вообще смотрели как на идиотов. Наверняка бы попытались и обмануть, но оба посетителя ни в какие сделки вступать не хотели, и всяческие сборы платить отказывались. Только как выйти из патовой ситуации, понятия не имели.

Единственная удача случилась в «Крестьянском уделе» — складе тяпок, лопат, полуавтономных культиваторов на солнечных батарейках и таких же косилок. Главной там была Бабайчиха — веселая раскрасневшаяся тётка в завязанной на лбу косынке. Она выдавала инструмент людям с потухшими глазами, и перед её креслом образовалось что-то вроде очереди.

— Ещё не разобрались с «формовщиком»? — ей просто надоело общение с отравленными зазеркалем людьми, и она решила не делать секрета из очевидного.

— Кто это? — Нера подозрительно оглядывала «зомбаков».
— В доме вашем установка есть, отличная штука. Может вещи делать, одежду любую, даже чего из еды.
— Белковый генератор? Инструкция есть? — быстро уточнил дворецкий.
— Всё там есть, такой в каждом хорошем доме установлен.
— Нам бы информации побольше, — они сказали это почти одновременно.

— И о чем? К себе ведь вернуться хотите, — очередной человек с потухшими глазами приложил руку к панели, и получил от Бабайчихи сапку.

— К себе — во всех смыслах, — Нера будто вспыхнула решимостью.

— Ай не могу, герои! — лавочница засмеялась, — Говорите прямо! Или думаете, что про портал здесь никто не знает?

Глаза у Неры стали как линзы оптического прицела — круглые от удивления, но при этом безжалостные.

— Туда уже многие ходили? — Точняк добавил в голос механических интонаций.

Бабайчиха снова смеялась.

— За две недели как не сходить!? Комплекс ещё в прошлом году строить начали. Как запустили, туда многие из наших ломанулись. О порог массы поспотыкались.

Бабайчиха наслаждалась эффектом.

— У бармена, то есть трактирщика, над стойкой собраны долговые бирки. Они разные и их слишком много для двух недель, — логика не изменяла Точняку.

— При чём тут коллекция Ашота? Он от всех собирает, уже не первый год. Здесь, — она кивнула в сторону двери, явно имея в виду всю Афонку, — Каждый раньше придворным числился. А на массу уже пять дней как нормальный график составили. У трактирщика интересуйтесь.

Хорошее настроение покидало кладовщицу.

— Многие ушли? — Нера даже встревожилась.

— Которые хотели, на тех долги большие висят.

— Из других мест люди приезжают? Если бы нормальный портал установился, к нему бы очередь горизонта растянулась.

— Как же! Едут! Только дураки по дороге вязнут, а из умных ни один не заявился!

Дальше Бабайчиха выдавала только ворчание.

Уже на улице Точняк внимательно посмотрел на лицо Неры.

— Ты устала. Хватит на сегодня, — он мизинцем убрал с её лица выбившейся локон, — Пошли в дом.

Она чуть заметно отступила от бывшего дворецкого. На полшажка, но этого было уже достаточно.

Газон перед занятым путешественниками коттеджем украсился воронкой от взрыва, и вонял то ли взрывчаткой, то ли сгоревшим пластиком.

— Простите, вы в животное из рогатки стреляли или шампанским его спаивали? — сарказм в голосе Точняка был средней концентрации. Такой, чтобы не умереть от стыда прямо на месте, а успеть доползти до первого тёмного угла и там сдохнуть. В ответ анимэшка и гобеленщица провели бывшего дворецкого на второй этаж. Фёкла объяснила, что хотела просто сыграть на этом большом чёрном рояле. Нервы успокоить. Но музыка получилась плохая — от неё дом заскрежетал и затрясся, а снаружи граната рванула.

Она — не виноватая.

Сербина поддакнула. Гобеленщица понимала в машинах на порядок больше анимэшки, но тоже не разобралась, с чем они имеют дело.

Нера с опаской посмотрела на секретер и маленькую тумбочку с гнутыми ножками, которые стояли здесь же.

Точняк обошёл источник проблем кругом. На паркете под роялем — вмятины. Бывший дворецкий нагнулся, посмотрел на нижнюю плоскость инструмента. Оттуда, прямо из черного, лакированного листа фанеры, до половин высунулся металлический блин от атлетической штанги.

— Посмотрите сюда, это изделие требует музыки потяжелее.

— Оп-па! «Формовщик», — сообщила Нера.

— Тут только в швейной машинке не хватало электростанцию обнаружить, — Мария ворчала для порядка, но сама уже прикидывала, что из одежды надо заказать в первую очередь.

Поздний обед, похожий на ранний ужин собрал всех за одним столом. Сервировка была в наличие — от уёмистых фарфоровых супниц, до маленьких серебряных ложечек в соусницах, и даже белая скатерть. Сербина разобралась с закопченным чугунным котлом на кухне — он оказался кулинарно-столовым роботом. Выпустил из себя два десятка лапок и всё приготовил.

Люди смогли разжиться своими привычными костюмами, так что на бывшем дворецком снова красовались белая манишка, фрак и, разумеется, запонки. Анимэшка щеголяла новым комплектом бантов, Нера соорудила замысловато-двусмысленную причёску. Только бывший охранник и гобеленщик вернулись поздно и сразу прошли к столу.

— Эта Афонка — конечный пункт железной дороги... Вокзала нет, просто рельсовое кольцо, — Дмитрий уплетал суп и торопливо, между глотками, рассказывал, — Можно доехать до Михайловской Слободы... Но лучше не надо... Кто там был, говорят наполовину мёртвый город... Как здесь, не люди, а чурбаки повсюду... Как в мегаполисах.

— Так на улицах и сидят? На больших дорогах? — удивилась Нера.

— Нет... Там они у себя дома по саркофагам лежат... Питание через трубку...

— Там тоже есть хозяева приборов навроде «формовщика», — влез со своими дополнениями Хлевный, — Я по городку нашел десяток терминалов. Но ничего в сети непонятно.

— Совсем ничего? — Точняк изобразил удивление на лице.

— Наверняка в каждом доме организер хороший есть, найти просто надо, — не унимался их штатный авантюрист, — Хаос там, каждую секунду всё меняется. Я пытался картинку со спутников найти. Данные скачут.

— Но что-то ты должен был увидеть, — *настоятельно осведомился* бывший дворецкий.

— Похоже, городов меньше, чем мы думали. Значительно.

— И дворов, которые преобразенные с людьми держат, тоже мало, — вернулся к разговору Дмитрий.

— Надеюсь, мы не в последнем городе Земли? Эта мелодрама была бы слишком фальшивой... — со стороны могло показаться, что Точняк удивлён, не воспринимает новую информацию, и прячет растерянность под стандартной маской.

— Шут его знает. Непохоже, — Дмитрий добрался до графина с вином.
— И многие промышляют воровством приборов? Сколько людей лазить по территориям преобразенных? — Нера про себя решила, что если с порталом ничего не выгорит, и она застрянет в этом свлочном мире, то лучше уж таскать на горбу краденые машины, чем превращаться в растение.

— Это не воровство, — вмешался Хлемный, — Во всяком случае, не в нашем понимании вопроса. Надо просто взять вещь раньше, чем её доведут до утиля. Тогда преобразенный экономит на ресурсах.

— Санитары свалки. Лучшая карьера на свете, — Дмитрий залпом выпил второй стакан, — Не могу. Тошно мне. Поспать надо.

Точняк подал знак Сербиной — покажи человеку его диван. Анимэшка пошла искать терминал, её впечатлила манера дворецкого учинять обыск всем предметам обстановки.

— И товары свои воруют со свалок... Зачем им те раздавленные люди? И почему участке этого дома в хижинах так мало людей? Не сходится, — Точняк рассуждал вслух, явно ожидая ответа от Неры.

Вопрос был правильный, но та поднялась, помотала головой, дескать, хватит на сегодня, и ушла к себе. Гобеленщик отправился за женой. Хлемный потянулся к инструкции — ему хотелось освоить работу на формовщике и соорудить телефоны.

Бывший дворецкий в молчании допил свой любимый коктейль с привкусом ромашки.

Утром анимэшка разбудила всех своими наивно-романтическими песенками. Ночью она заснула прямо за поисками компьютера в маленьком угловом кабинете, но с рассветом, на свежую голову, сообразила. Картина совсем рядом со вторым секретером! И смогла создать из пейзажа в фигурной краснодеревяной рамке вполне приличный интерфейс, да ещё с аудио-системой.

Раньше там был лесистый распадок в утреннем тумане, старательно писанный масляной краской.

Сеть действительно вела себя странно. Поисковые программы не отвечали на запросы, если и соглашались вступать в диалог, то вместо нормальных справочных данных подсовывала белиберду. Прямо в картинках были черные квадраты, комментарии обрывались на полуслове. Адреса не отвечали, пояснительного сопровождения, какое бывало в хозяйском поместье, вообще не наблюдалось.

Да ещё с левого бока от секретера выдвинулась из стены красная вращающаяся лампа, по виду сигнализация, но насчет чего она предупреждала — не сообщалось.

Все, кто сгрудился за спиной Фёклы, давали умные советы, но толку от них не было.

— Сами пробуйте! Я своё нашла!

Какие-то новые материалы по «четырем королевствам» и анонсы свежих игр она вытащила.

— Будет разумно, если мы оставим на работе, скажем, двух человек, — Точняк не стал спорить за право первому сесть к экрану, — Подойдут Мария и... наш авантюрист.

— А ты? — подозрительно уставился на него Дмитрий.

— Надо поговорить с добрым трактирщиком. Если остаёмся, то с завтрашнего дня начинается выплата долгов. Было бы проще, расспроси вчера кто-то про военное дело...

— Например, ты? — с враждебным ехидством спросил охранник у дворецкого.

— Мы какой день на воле? Нам что, хозяин не давал друг другу морды бить, и теперь надо по быстрому отличиться? — вроде бы и не Дмитрию ответил Точняк. Дворецкий держал на лице маску насмешливого недоумения, и ответное ехидство в его голосе было много тоньше. Расчетливей, — Остальные пусть дальше обыскивают дом. Мы в подвале ещё не были, может, там гараж, а может, барсучья мастерская.

Бывшие придворные слушали дворецкого одним ухом, сеть всё-таки занимала их больше. Там, за экраном, был большой кусок привычной жизни.

— Только мы, Дмитрий, вместе в трактир ходим. С Ашотом поговорим. Как позавтракаем. Оденься прилично и не забудь это, — Точняк показал охраннику долговую бирку. Вышел из комнаты.

Поздним утром трактир выглядел точно так же, как и днём, и вечером: несколько силуэтов за столами, редкий звон стаканов и тихие разговоры. Музыку трактирщик подобрал так ловко, что она не мешала слышать собеседника, но не давала подслушать чужие разговоры. Ашот приветствовал посетителей — одного во фраке, а другого в форме пустынно-маскировочных оттенков.

— Желаете пополнить коллекцию? — он указал вверх.

— Может быть, — буркнул Дмитрий.

— Есть серьёзный разговор, — Точняк выложил на стойку серебряную монету, — Если считаешь, то мы не доросли, пошуту и подождём ещё пару дней.

— О, юбилейная! Триста лет дома Романовых... — Ашот оценил экземпляр, — Над такой прелестной малышкой формовщик два дня стараться должен металл собирать. Что среди старых вещей такое найти — это ж как повезти должно! Звёзды такой удаче раз в тысячу лет помогут. Или умный человек просто загрузил лом через верхнюю крышку рояля и не морочил себе процессор?

Многорукая змея поставила перед обоими посетителями по бокалу с разноцветным, пузырящимся напитком. На бокалах светились буквы «Оплачено»

— У тебя много фальшивых посетителей? — спросил Дмитрий.

— Всегда меньше половины, а сейчас еле треть будет, — трактирщик не удивился вопросу, и ответил тоном старого терпеливого учителя, — Нельзя обслуживать одних роботов, дорогие мои, опротивеет ремесло.

— Афонка может уйти в кокон, в автаркию? Имею в виду совсем закрыться от соседей? — механичность движений всё-таки шла Точняку, мимика лица и пластика тела, всё было наработано под машинную моду.

— По большому счету... Если без излишеств, и не драться, подкупить солнечных батарей, и ещё нормальную теплицу отстроить, ощёрков заказать, — Ашот начал загибать пальцы.

Бывший дворецкий молча и очень внимательно смотрел в некую точку. Где-то в том районе должен был помещаться гипоталамус трактирщика.

— Да.

— Вот скопидомы, — возмутился Дмитрий.

— Приборов хватает, удобства налицо. Зачем тогда торговать с внешним миром? И вообще, какой товар вы можете поставлять на рынок? — было видно, что вопросы дворецкий составил ещё утром, в уме. Чуть ли не блок-схему вообразил.

— Тебе, такому всему умному и на работу заточенному, не ясно? Людьями торгуем, — Ашот вздохнул, — Хорошо бизнес идет, грех жаловаться. Преображенные без дураков платят, я бы сказал от души, но есть ли у них души, триста раз спорный вопрос.

— Новые люди пришли, бошки вы им позадуривали, и вперед!? — начал сатанеть Дмитрий, — С кем не вышло, те отходы, их на поля можно, вместе с навозом?!

Трактирщик прищелкнул языком, и тут же дюжины три трубок вывернулось из разъемов и как оживший пучок хромированных макарон, повернулось к бывшему охраннику. Они угрожали дунуть сжатым воздухом, окатить кипятком, засадить в глаз ледяным шариком.

— Вряд ли люди в хижинах это просто отходы, скорее они и есть товаром, — рассудительным тоном продолжил Точняк, сейчас он говорил всякую чушь, чтобы успокоить Дмитрия, — Там должны быть и полуфабрикаты. С высокой вероятностью наши добрые хозяева могут надеяться на регулярное рождение нового поколения. Получаются абсолютно естественные младенцы. Престижный товар.

— О! Товар хорош, чего смущаться. Только это рынок первичного человека, уважаемые, — Ашот достал из мойки бокал, весь в каплях, стал протирать его полотенцем, — Вам, как я говорил, туда рано. С занятого вами участка, его, кстати, «косой трапецией» называют, не забудьте, так вот только через два месяца ожидается первый приплод.

— Нам что, необходимо кого-то продавать? — охранник говорил вполголоса, но злобы в нём меньше не стало.

— Ай, плохое слово! Ну кто говорил вам «необходимо»? Ещё скажи «надо», «долг зовёт». Кому здесь что-то надо — прямо край? Э? — трактирщик изобразил обиду, — Ты вот стакан воды получил, и крышу над головой, и всё остальное. Здесь продают не ради куска хлеба, любезнейший.

— Здесь это товар, чтобы купить мечту, — сделал вывод Точняк.

Ашот широко и довольно улыбнулся, вытащил из какого-то отделения под стойкой маленькую рюмочку, чокнулся с пустотой и выпил.

— Так, продолжаем, — трактирщик решил не отвлекаться на выпивку слишком долго, — Есть, достойнейшие мои, рынок вторичного человека. Придворные второй свежести для самых экстравагантных преобразенных. Ведь среди жестяных мозгов водятся такие чудаки, которые желают комплектовать свои дворы особым товаром. Убежавшими. Мною, тобой, или всеми твоими попутчиками одновременно. Полезнейший в наши времена каприз, даже не знаю, как бы мы здесь в Афонке без него жили.

— Я не понимаю, — Дмитрий всё ещё старался не делать резких движений.

— Чего тут понимать? Подписывается договор о «стационарном проживании». За это преобразенный выкладывает сумму. Заметьте, круглую сумму, всю из себя сладкую и пушистую.

— Получает деньги третье лицо, — бывший дворецкий отхлебнул из бокала. Удивленно покачал головой.

— О! Золотые слова.

— Чтобы человек сам подписался на такое!? — охранник не верил.

— И снова вы меня не слушаете, любезный. Внимательней надо быть. Договор можно подписать на кого угодно, без его ведома. За спиной объекта. И всё чудесно устроится, — трактирщик поднёс к губам кулак, дунул в него и раскрыл ладонь, — Как по волшебству.

— Добрый ты человек, — прокомментировал Точняк, — Ради исполнения мечты можно продавать тех, кто живёт в зазеркалье?

— Виртуалы почти не пользуются спросом. Их, видишь ли, психически дорабатывать надо, из той нирваны вытаскивать, куда они сами себя определили. Хлопот не так много, но ведь это уже не естественный экземпляр получается, понимаешь? Вот Нера ваша — первосортный объект.

Хромированные трубки предостерегающе фыркнули, и только поэтому Дмитрий не бросился через стойку.

— Не лучшие твои слова, господин трактирщик, — Точняк снова отхлебнул коктейля, — Получается, что если я прямо сейчас подпишу договор вот на него, всё произойдет? Я ведь могу и на тебя подписать?

— С кем, достопочтеннейший? — Ашот улыбнулся как упитанный домашний кот.

У Дмитрия мелькнула совершенно не уместная сейчас мысль, что к речам трактирщика и его масляной улыбке сейчас больше пошла бы тубетейка с халатом, а то зеленая прическа даёт странный образ.

— Комиссионер?

— Только по требованию контрагентов. Своей волей ничего не беру.

— На что это потянет? — Дмитрий показал свой долговой жетон.

Охранник согласился. Неожиданно для себя решил, что продаст ближних своих.

— И откуда берется практичность в таких пылких, можно сказать, прямолинейных людях? Извольте ознакомиться с прејскурантом, — трактирщик выложил на стойку карточку. Там были цены за каждого из членов команды.

Дмитрий подтянул клочок бумаги к себе, вчитался. Бывшему дворецкому позвонили — он прикрыл глаза и склонил голову набок.

— Когда? Так и сказал? На велосипеде? — Точняк вдруг выпрямился, как-то одновременно кивнул трактирщику, дескать, зайдем при случае, и схватил Дмитрия за рукав, — Проблемы, срочно.

— Да что случилось? Дом загорелся? — охранник смог спросить это уже на улице.

— Нет. Хлевный к общинникам поехал. Перехватим по дороге, — дворецкий уже бежал.

Опоздали. Со сбитым дыханием, отчаянным дерганьем в груди они добежали до восточной окраины — там была гряда холмов. Авантюрист прошёл две трети пути до вершины, на крутом склоне ему приходилось катить велосипед рядом. Охранник закричал, замахал руками, хотел сделать ещё один рывок. Но по бокам от них зашевелились пучки травы, приподнялись кочки, и стало ясно, что вокруг — первая линия обороны посёлка, и держат её роботы, полумеханические огнестрельные твари величиной с фокстерьера. А у вершины возникло собственное шевеление и Хлевнового быстро окружили четверо в маскировочных костюмах.

— Оружия нет... Уведут же идиота.

Дворецкий сел прямо в траву.

— Не помогло бы... твоё оружие..., — шумный вдох, выдох, — Он решил рискнуть.

— Чего? — Дмитрий тоже свалился.

— Если останется в живых... машин больше не увидит, — вдох, выдох, — Только через прицел... Вот, и велосипед бросить приказали...

— Молиться три раза в день...? И рубаха из холстины...? Не, без меня, — замотал головой Дмитрий.

Дворецкий промолчал. Дело было совсем в рубахе. И, если уж на то пошло, не только в Нере.

— Лучше скажи, — вдруг спросил охранник, — Когда про договоры узнал?

— Что своих можно продавать, только сегодня понял. А ситуацию надо в доме обсудить. Придется всё быстро решать.

Предобеденное расследование никаких причин бегства не обнаружило. Хлевный спокойно разбирался с терминалом, потом, так же совершенно не волнуясь, вышел из комнаты. На экране возникла записка: «Прощайте, хочу неба над головой». Велосипед был в прихожей — сложенный в виде подставки для обуви.

Нера первой сообразила, куда он едет.

Ели в довольно мрачной обстановке. А как только разделались с гарниром, Точняк и Дмитрий заявили, что хотят поговорить с Нерой, и лучше без лишних глаз. Анимэшка рассмеялась, Сербины ухмыльнулись и попросили, чтобы обошлось без убийства.

Дворецкий без особых церемоний активировал коробочку «антислухача» — он едва успел заказать этот прибор формовщику и за обедом вертел в руках.

Рассказ получился коротким, нервным и веди речь только один человек — Нера ему бы не поверила.

— Про небо Хлевный правильно черкнул, — Дмитрий катал по скатерти хлебные шарики.

— Чтобы оставаться человеком ему хватит общины, просто таких же людей вокруг него. Весь вопрос в тебе, Нера. В поместье тебе не хватало воздуха, здесь потолок давит на макушку. Если будем идти дальше, придется дорого платить и серьёзно рисковать. Решешь остановиться здесь — открываются варианты.

— Вы уверены, что это не тест? Не проверка какая-нибудь? Сидит какой-нибудь урод, и решает — предадим или не предадим?

— Вряд ли, — дворецкий в задумчивости покачал головой.

— Чем так жить, лучше сразу повеситься, — согласился с ним Дмитрий.

Нера помолчала.

— Этот новый мир, сколько шансов, что он просто ловушка? Мы ведь можем просто попасть в другую камеру? — она ещё сомневалась.

— В параллельный мир с такими же законами машины пошли бы потоком. Неизбежно появление транспортной инфраструктуры. Врата были бы заняты рельсами или ленточными транспортерами, — рассуждения Точняка всегда нагоняли зевоту своей академичностью.

Нера приложила палец к губам — тишины, дайте хоть несколько секунд тишины. На её лице, пусть замкнутом и сосредоточенном, отразилось всё. Ярость и неукротимая жажда нового, лучшего — взяли своё. Борьба была недолгой, а исход вполне предсказуем. Ведь они не дрались по одну сторону баррикад в переулках Круглого Ящика. И пышнохвостые лемуры не гонялись за ними по роцам.

— На фиг! — вот и всё, что она сказала.

— Ну что,пустишь в оборот анимэшку? — выдал Дмитрий провокативную реплику.

— Фёклу продавать не дам, — просто отозвался Точняк.

— Но ведь Сербины наши друзья, замечательные люди, — с фальшивыми интонациями в голосе запротестовал бывший охранник.

— Им будут рады при любом устойчивом дворе. Это добродетельные супруги, которые обростут хозяйством и не станут совать нос в метафизические дыры.

Они пикировались еще сколько-то времени, пока Нера всё для себя решала.

— Надо двигаться. Придется всё сделать сегодня вечером. Слишком всё круто заваривается. И лучше если вы оба не будете упускать друг друга из виду, — она поднялась, собранная и решительная.

Дворецкий принял информацию к сведению. А Дмитрий с радостно-обреченным предчувствием в груди подумал, что на границе нового мира Нера придется выбирать.

Но всё завертелось еще быстрее, чем им могло показаться. Когда отключили «антислухача» и вышли из комнаты, Сербини, выдав пару пошлых шуточек, рассказали им, что анимэшка уж полчаса как ушла в трактир. С людьми познакомиться.

Нера почти откровенно испугалась — так с ней было и в прошлой жизни, она тогда думала, что нет человека на свете хитрее её, но элементарный подвох и вот снайперша уже умирает среди камней. Всё трое решили, что лучше пойти следом за Фёклой, посмотреть, что и как. Нера так торопилась, что даже не стала менять шикарное панбархатное платье на походную форму.

Страхи не подтвердились.

Анимэшка танцевала на пяточке в центре зала, с которого убрали столы и скамейке. Она буквально светилась и была так артистична в своём замороженном детстве, что невозможно было отвести глаза и просто рассмотреть лицо её партнера. Невинно-ехидная улыбка, сиреневая прическа, наклон головы, кокетливое подмигивание, ленты и даже маленькая ёлочная игрушка на шее — всё скальвалось в удачный, броневой образ.

Такого удара не выдерживала никакая душевная броня.

Посетители повставали со своих привычных мест и образовали что-то вроде разомкнутого круга. Они бы и толпились, и наступали бы друг другу на ноги, будь их немного больше.

Дворецкий первый стянул наваждение и подсел к трактирщику за стойку.

— Надумали? — Ашот изобразил что-то вроде вежливого поклона в сторону Неры, при этом стараясь не отрывать взгляда от представления.

— Если ещё не продали нас, то мы готовы продать других.

Один из многочисленных маленьких дисплеев под руками у трактирщика показал фотографию всей группы в первый день. И сразу на ней лица троих партнёров отодвинулись, физиономия Хлевног закрылась черным кружком, а над головой у анимэшки возник нимб из неровного, коптящего пламени.

— В ячейке, стало быть, двое осталось, — Ашот всё-таки оторвался от зрелища, закрыл глаза и замер на несколько секунд. Нера только сейчас заметила, что у него в ухе такой же микрофон, какой был у Точняка, — Спрос есть и цифра вознаграждения для вас вполне подходящая. Кстати, вас интересует, люди хорошие, что с ними случится?

— Если останутся живы, то нет, — быстро ответил Дмитрий.

— Что за огонь? — Нера показала на пламенное кольцо.

— О! Фёкла здесь остаётся. Будет местной красавицей — сладостью и весельем. А то раньше только старая Панасонька, ну не на лицо старая, просто морально устаревшая, только она иногда концерты давала. Однако же, робот в женском обличье — не самая лучшая комбинация, яхонтовые мои, далеко не самая лучшая. Радостно от нового человека, хотя, — трактирщик вздохнул, — Фёклу вашу я оценить не смогу.

Дворецкий отразил на лице корректное соболезнование — если здоровье трактирщика пошатнулось, то они сожалеют, но в медицине не сильны.

— Я с вами иду, — пояснил Ашот и недовольно посмотрел на дворецкого.

— Это как? — осоловел Дмитрий.

— Всенепременнейше, а как же иначе?

— Даже хорошо, — Нера кивнула, — Иначе чем доказать, что у тебя настоящий график лимита по массе?

— Золотце ты моё, — трактирщик всплеснул руками и наверняка бы перегнулся через стойку, попытаться поцеловать бойкую девушку, но было что-то слишком острое и смертельное в её взгляде. Ашот сдержался.

— Ты бросишь этот бар? Добровольно? — уточнил дворецкий.

— У каждого свои причины, и о твоих, уважаемый, я не спрашиваю, — отрезал трактирщик.

Дворецкий будто и не услышал объяснений.

— У нас на счете после уплаты остаётся... — Точняк не закончил фразу, и маленький дисплей сам высветил сумму, — Мы хотели бы приобрести туристические наборы по выживанию. Нас устроит «Ной 19».

Бармен провел ладонью по зеленому ёжику своей прически и недовольно покосился на дворецкого.

— Понятное дело. Организуем.

Они продолжили созерцание Фёклы и даже немного расслабились. Только Нера, казалось, вспыхнула изнутри таким же дымным пламенем, которое видела над головой анимешки — ярость сжималась в ней как пружина. Но меньше чем через двадцать минут затыкал крошечный динамик, встроенный в ручку пивного крана.

— Всё состоялось.

— Что, так быстро? — не поверил Дмитрий.

— Обыкновенно приходит человек, который делает предложение, от которого не хочется отказываться. И так не хочется, я вам скажу, что люди бросают всё и забывают попрощаться с лучшими друзьями. Очень боятся опоздать на поезд.

Трактирщик потёр руки с видом довольного работника, которому удалось сдать суточную норму за полчаса.

— Вы то сами как, ехать ещё не передумали, а? У меня тут самоходный вагончик имеется, к темноте будем на месте.

— Период ожидания?

— О! Локальные максимумы на портале каждый час. Если бы у вас хватило терпения, милые мои, подождать в первый раз, вся команда перебралась на ту сторону без лишней головной боли.

Трактирщик соскочил со своего насеста, и вместо него туда опустилась диковинная конструкция — будто профиль Ашота, очерченный единственным движением пера, только вместо чернил была проволока. Подарок одного авангардиста, как объяснил трактирщик.

Приятно оставлять после себя заведение, которое в автоматическом режиме может просуществовать не один десяток лет.

Самоходный вагончик оказался пятиколесным агрегатом на паровой тяге, впрочем, весьма удобным. Водитель сидел за подобием велосипедного руля, а пассажиры размещались на диванчиках. Каждому достался рюкзак и тяжелый пояс со множеством приспособлений.

Все два часа, пока добирались до лаборатории, Ашот без умолку болтал, как будто раньше стойка накладывала на него обет молчания. Бывшие придворные Арки узнали, что до побега трактирщик служил у неизвестного ему «почтового ящика» и должен был обслуживать целую комнату, набитую самогонными аппаратами самых архаичных моделей. Его звали «брагоделом». Однажды ему надоело вечное состояние опохмела, и он сбегал. В Афонке тоже всё давно надоело, хуже горькой редьки, хотелось начать жизнь с чистого листа.

Нера, которая слушала Ашота внимательно, и про себя пыталась подловить на лжи и противоречии, всё никак не могла понять странности местных людей. Она сама — ладно, есть еще надежда вернуться к себе, в мир детства, а куда они протискиваются? Придворные слишком зависят от медицины, от хорошей еды, да от всего. И настоящего задора в них нет. Чего же им надо?

— Что стало с теми, кто раньше в том доме жил, и вообще, что? — Нерее казалось, что без ответа на этот вопрос она не будет видеть полной картины.

— С Ньютам!? Старички на преображение до-олго копили. Им на двоих сто восемьдесят лет стукнуло. Так на день рождение Фаины они почти всех чурбаков со своего участка загнали, ещё по мелочам наскребли. Словом — теперь в астрале, оцифровали души! — водителю приходилось говорить громче, ветер мешал общению.

— А ты не думал?

— Ты хоть представляешь, какие там разборки идут!? В два счета можно всё проиграть и в ящике очутиться. Без дураков — будешь как программа без выхода в сеть, в единственной машине куковать. И так, пока электричество за долги не вырубят. Оно мне надо!?

Нера стала выдумывать новые вопросы.

— Эй, красавица, так в тувельках и пойдешь!? Под сиденьями ящики, там обувка есть. Без неё на болота я и не езу!

Под сиденьями и правда, нашлись ящики с тяжелыми ботинками самых разных размеров.

Вокруг было пусто, им встретился только один человек — он тащил на лямках какой-то не до конца утилизированный агрегат и очень устал. В сумерках было не разглядеть ни его лица, ни деталей механизма.

Шлагбаум проехали без всякой задержки, периферийные поля тоже — долги с людей действительно списали. И вот у самой границы

комплекса, у той невидимой черты, за которой толклись белые обезьяны, вагончик заглох.

Видно какая-то из охранных подпрограмм высчитала процент риска, вероятность неадекватно поведения людей, и заблокировала двигатель машины на подходе к ценным постройкам.

— Конечная остановка общественного транспорта. Дальше двигаемся, как умеем.

— Со временем не напугал? — держа рюкзак на плече, Нера первой спрыгнула вниз и поджидала трактирщика.

— Какое напугал, почтеннейшая? Вот, — он помахал светящейся карточкой, — Через пятнадцать минут он тонну переправить сможет.

Она щёлкнула застёжкой у себя на поясе, потянула, и ремень с тяжелыми ножнами на конце обернулся элементарным камнем на веревке, пращой, что забыла выплунуть камень. Рифленая рукоять ножа въехала трактирщику в висок не хуже молотка. Нера со свистом выдохнула воздух — все припасенные ею ругательства уже не нуждались в произношении.

Ашот только успел булькнуть что-то неразборчивое и свалился в пыль.

Белым обезьянам было всё равно.

Дворецкий одобрительно кинул и показал тонкую, полужесткую линейку из какого-то пластика — у неё были острые, при том неровные края, и она идеально пряталась в рукаве.

— Однако! — Дмитрий опасно сделал пару шагов в сторону и достал тонкий, похожий на шило, нож.

— Ребята, вы можете пять минут потерпеть? Пока дойдем? — Нера показала пальцем в сторону сферы.

— Вероятно, мы можем оказаться там первыми людьми. И было бы смешно прибыть туда в одиночестве... — дворецкий умудрился в ледяном тоне передать попутчикам насмешку, будто ягоду смородины, замороженную в кубике льда.

Спрятались ножи, застегнулся пояс. Нера вынула из пальцев Ашота карточку с цифрами графика — надо было спешить.

Полупрозрачная обвязка сферы изменилась с последнего раза, и теперь смахивала на провисшую сеть из канатов вокруг воздушного шара.

Дмитрий разбежался, прыгнул и удачно схватился за одну из «макаронин». Он почти сразу оказался на площадке и стал возиться с дверью. Нера полезла следом. Точняк осмотрелся, выбрал участок попроще, и тоже двинул наверх.

Только вот у самой площадки макаронины в руках дворецкого потекли, перестали держать вес, и он только успел зацепиться за случайную скобу.

— Помоги, — он протянул руку Нере.

Та легко дотягивалась до его ладони, а если бы пояс кинула, так управилась бы меньше, чем за полминуты. Но она замерла.

— Ты... Ты слишком сервильный, — она вспомнила подходящее слово.

Точняк не испугался и не превратился в оживший механизм.

— Я служу идеям и ритуалам, а людей я могу просто любить. Например, тебя, — и он снова обрёл то обаяние, которое Нера помнила по своему первому утру в этом мире.

Только в этот раз шарм оказался бесполезен, магия не подействовала. Нера только мотнула головой и отступила от края. Задраила за собой дверь.

Дворецкий медленно опускался на растягивавшихся канатах. Чем ближе был к асфальту, тем меньше на его лице оставалось человеческого.

Бывший охранник увидел, как она изнутри докручивает похожую на штурвал ручку замка. Подошел, приобнял.

— Там я тоже буду искать врата. Я иду дальше, до конца, ты понял? — пламя не покидало её.

— Пошли, — он сказал это, как мог, спокойнее, и кивнул на карточку.

Им теперь всё было ясно, будущая жизнь, что бы там не случилась, обрела якорь, точку отсчёта.

Чтобы попасть в эту самую настоящую жизнь, надо было только пройти через хоровод суетящихся роботов в белой теплоизоляции, встать на платформу, «боксерский ринг», и набрать комбинацию.

Во второй раз другой мир вокруг начал воплощаться, становиться реальностью. Новая сущность была много более ощутима, чем в прошлую попытку. Поваяло сыростью недавнего дождя.

Без всякого предупреждения портал сместился. Просто-напросто перепрыгнул на несколько метров в сторону. И там всё продолжалось, и капли дождя упали на металлический пол. Нера хотела броситься туда, успеть вскочить в уходящий поезд, но прежде чем она прыгнула к канатам, портал сместился ещё раз — на другую сторону. Потом ещё раз и ещё раз, пока двум людям не стало видно, что картинка за гранью меняется, и очень быстро становится копией окружающего мира. Того самого, из которого они пытались бежать.

И когда форсунка на потолке выплюнула очередную порцию воды, от которой поваяло давешней сыростью — на ребро встала одна из плит пола.

Через проём поднялся Арки. Вытянутое безразличное лицо, отточенная лёгкость движений. Он держал в руках поднос с единственной чашечкой, через руку было переброшено полотенце. Отошёл в сторону.

Белые обезьяны, крутившиеся у аппаратов, замерли.

А потом из того же проёма неторопливо вышел Точняк. Шёл вразвалочку, как слуга, много лет стерегущий дом и отвыкший от вида хозяйского лица.

— Ну с чего ты взяла, что я контролирую только одно тело? — он взял с подноса фарфоровую чашечку, — У меня ведь был такой аттракцион заготовлен, на всю жизнь бы хватило.

Пламя в Нере обернулось слепой, до судороги и пены изо рта, яростью. Она хотела броситься, достать, убить. Только вот ноги не слушались — ботинки приросли к полу.

Он всё пил свой кофе, она сгорала, а Дмитрий пытался достать нож, и не понимал, что тот тоже прирос к подкладке.

— Ну, и долго так стоять будете? Могу помочь? — из проёма высунулась голова тракторщика. Ранение, кровь от которого залила половину лица, не мешало ему.

— Не надо, Поюл. Это — личное.

Двуединое существо проделало что-то вроде пируэта. Арки оттянул борт пиджака, а Точняк, не глядя, протянул руку ему за пазуху, вытащил пистолет. Щелчок предохранителя, выстрел. Он целил в лоб, и хотя Нера в последнюю секунду дёрнулась, стрелковые программы обеспечили идеальное попадание.

Дмитрий закричал от отчаяния — он уже не пытался вытащить нож, и только тёмная паника, безотчётный ужас, заставляли его вытаскивать ноги из ботинок. Его крик не отличался ни музыкальностью, ни артистизмом — он только резал слух. Одна из белых обезьян подхватила с пола молоток, прыгнула, и ударила Дмитрия по макушке. Другие бросились утаскивать тела, затирать кровь.

Высокие, зашнурованные ботинки оставались приклеенными к полу, отчего две пары коленок нелепо торчали в воздухе, будто покойные придворные всё отталкивались от пола, но никак не могли подняться на ноги.

— И что тебе всё неймётся? Задай параметры, сразу в инкубаторе всё проверни, будет тебе и любовь, и хлеб с маслом, — Поюл ворчал, будто не имел наготове копии тела тракторщика.

— Настоящего хочется. А монашки прямо из хомоделателя быстро надодают.

— Ну, знаешь, почтеннейший, настоящего многим хочется, — хотя и это тело было вполне работоспособно, кровь уже остановилась, — Обнулишь двор?

— Есть варианты, — расплывчато ответил уже не Точняк, но Арки. Точняк с поклоном принял поднос из хозяйских рук, — В топку всех загонять не буду, просто уберу куда подальше. Будет новый коллектив.

Постороннему человеку, случись он там, было бы интересно услышать и про новые биочипы и узнать, наконец, есть ли ход в другой мир, пусть и не здесь, или всё это были только сложные декорации. Но дальше двое преображенных общались в невербальном режиме.

На многие километры вокруг их просто некому было слушать.

Май 2008

МАРИНА МУЛЯР

ВСЕ МОЖНО ИСПРАВИТЬ

Я ВЫШЛА ВО ДВОР И МЕДЛЕННО ПОБРЕЛА, МИМО КО-
нюшни к амбару, оставляя в свежем снегу след за следом. В амбар
мне было не нужно. Ворона я щедро обеспечила овсом еще с вече-
ра. Да и вообще, день обещал быть ленивым. И никуда-то мне не
надо, и все-то у меня есть, припасы, уголь, деньги, новые сапожки
на белом, заячем меху и время, чтобы медленно бродить по зас-
неженному двору. Должна признаться, перспектива ленивого дня меня, ни
коим образом, не пугала. Весь январь я каторжно работала. Января у нас
крепкие месяцы, самая страда для заклинающих стены. Лето и осень
крепкие хозяева строятся, в декабре подсчитывают затраты, а к январю ре-
шают: могут ли позволить себе услуги заклинающего стены, или, авось, лет
сорок так простоит, а дальше — это уж будут заботы наследников. Мастер с
именем запрашивает, как средняя строительная артель, но мастер с именем
не может себе позволить криворучества и скорodelьства. На то имя, чтобы
в случае провала, его позорили во всех трактирах. Я мастер с именем. Меня
зовут Артория. И, если где-нибудь скажут, что Артория плохо закляла дом
или крепость, или, даже, на коровник нужной силы пожалела, значит, я дав-
но не бывала в тех местах, и обо мне начали слагать легенды.

В детстве мама учила меня, что, если женщина хочет быть счастливой,
она должна в совершенстве овладеть двумя искусствами, молчать и шить.
Первый талант оказался у меня врожденным, я молчалива. Со вторым так
и не сложилось. Игла была мелковата для моих больших, тяжелых рук. Я
любила здания. Отчужденность храмов, зоркость сторожевых башен, об-
стоятельность городских особняков, теплая, животная правильность сель-
ских домиков — меня притягивало все. Я хотела строить. Если мне позволя-
ли, я днями просиживала, чертя и рассчитывая. Отец качал головой и не на-
ходил слов утешить меня. Строительному ремеслу, равно, как благородно-
му искусству архитектуры обучали только мальчиков. Я сама нашла, чем
утешиться, — пошла в ученики к старому Амори и стала заклинающим сте-
ны. Когда я приехала домой на первые каникулы, отец улыбнулся и сказал:

— Способность к магии есть у каждого, профессионалы только развива-
ют ее в себе. Нечестно наживаться на чужом невежестве.

Я пожалала плечами:

— Способность к законотворчеству тоже есть у каждого. Вы, юристы, на-
живаетесь на чужом невежестве втрое против магов.

Он улыбнулся уже совсем по-другому и больше не упрекал меня за мое
ремесло. Мама продолжала блюсти женские таланты. Я уехала в робе, приг-
нанной точно по фигуре. Тогда мне еще полагалась ученическая роба.

Умирая от чинной, профессорской старости, Амори завещал мне свою знаменитую башню. Я не была его лучшим учеником, наверное, не была и любимым. Лучшие, блистательные, нетерпеливые, горевшие фанатическим огнем познания, уходили из этих добротнo возведенных и зачатых стен, не смея или не желая обернуться на учителя. Я осталась в этих стенах навсегда. Мне подарили знаменитую башню, лучшую лабораторию в стране. Я не спросила умирающе-го Амори: почему. Я молчалива и говорю, только если меня провоцируют.

Снег лежал, пышный, холеный. Ему было хорошо, так же хорошо, как мне в начале тихого, в меру морозного февраля. Треть заработка, всегда отсылаемая родителям, отослана. Леснику за отличные сосновые дрова уплачено. Ворон в стойле жарко дышит сытым, овсяным запахом. Ленивый день, ленивый месяц, ленивая пора, заслуженная и счастливая. Пришел с охоты Волк, медлительный, видать, тоже сытый. Три года назад его родила соседская дворовая сука. По началу думали, просто окраса такого, седенького, назвали Волком. А подрост, поглядели, и, правда, — волк. Теперь очень потешно кликать волка Волком, да никуда не денешься, откликается. Жалко, что сытый, а-то бы накормила, от полноты душевной. Да что ж это такое, что все так хорошо? В трактир, что ли, сходить, может, настроение кто изгадит. Не к добру это, так безоблачно сезон отдохновения начинать — духов искушать. Потороплюсь-ка я сама, найти себе чайную ложечку дегтя.

До трактира около часа пешего ходу. Выводить Ворона из такого заслуженного тепла ради такого незначительного расстояния не хотелось. Я подтянула мягкие голенища сапог и вышла со двора в тихий, безветренный лес. Отойдя шагов на тридцать и взобравшись на высокий берег замерзшего ручья, обернулась на башню. Собственно, это была не башня, а небольшой замок, состоявший из донжона и хозяйственных пристроек, обнесенных аккуратной стеной серого камня. Донжон был круглый, в три этажа, с плоской крышей, которую венчала низкая каменная корона. Я люблю разводить костер на этой открытой всем ветрам площадке, окруженной приземистыми колоннами, сложенными из небольших, тщательно обтесанных каменных брусков. Я неторопливо приношу дрова. Поднимаясь по внешней, круговой лестнице. Пламя ревет и мечется, пытаюсь оторваться от камней. Я представляю: вот, оно, длинным, тигриным прыжком, взвевается над башней и уходит в тучи, как в заснеженный лес. Да, вернусь из трактира к вечеру и разожгу костер на крыше.

Бреду по замерзшему ручью, плащ уютно поколыхивается в такт шагам. Добротное темно-серое сукно, чеканные черные застежки, капюшон пахнет моими любимыми горькими духами, впечатляюще дорогими. Я пользуюсь косметикой, в основном, духами, притираниями, ароматическими маслами. Мне важно не столько чужое внимание, сколько собственное ощущение удовольствия и роскоши. Нет, это самодовольное любование собственным благополучием надо немедленно прекратить! Все не так уж хорошо. Я одинока, мне тридцать четыре года, я так замкнута и расчетлива, что не хочу заводить даже кухарку и конюха. Лес был прекрасен. Небо отдыхало после снегопада, разом сделавшись выше и легче. Сосны побелели, их жест-

кие, зубчатые контуры в пористом снегу смягчились. Мелкая живность украшала полянки тончайшей мерзкой следов. Справа на склоне я признала тяжелую лапу Волка и заметила свежие красные брызги. Видимо здесь настал смертный час нерасторопного зайца. Мне неприятно думать о том, что волки жрут пушистых, белых зайцев, но своего домашнего живодера я от этого люблю не меньше. Лес пахнет зимой. В мире есть два самых чистых запаха, запах мороза и запах пламени. Нет, не аромат или вонь того, что горит. У пламени есть свой, собственный запах. Если постараться, его всегда можно уловить. Лес медленно бредет мне навстречу. Ему некуда торопиться, все — чин чином, до весны далеко.

Придорожный трактир обязан своим названием не хозяйской ошибке, как в случае с Волком, а хозяйскому скудоумию. Над приземистой, добротной постройкой торчит себе вывеска, наляпанная жирными коричневыми буквами на жестяном щите «ТРАКТИР», ни отнять, ни прибавить. У хозяина, вероятно, есть имя, записанное благообразным почерком в деревенской книге рождений, но никто этого имени не знает или не помнит. Все зовут хозяина Сват, потому что, сосватать прохожему рюмку он всегда сумеет. Это вам не вывеску придумывать! Тут у Свата хватит сметки с одного быстрого взгляда определить: кому сливовицы, кому яблочного спиртику, а кому и дорогого, самим хозяином в городе купленного ликера. Иногда смотрю на Свата и думаю, как-то ему живется, без воображения, с одной сметкой? А может и хорошо живется. Такого ни сглазом, ни ведьмовскими чарами не взять, разве только обухом по башке. Да на обух у Свата и свой обух в чулане имеется.

Вхожу и удовлетворенно отмечаю, что удача начинает от меня отворачиваться, потихоньку, без резких движений. Трактир полон, шумен, неуютен. Однако права завсегдатаев Сват блюдет неукоснительно, мой столик в левом дальнем углу свободен. Сажусь, вешаю плащ не в стаде оленьих рогов у двери, а на персональный гвоздь, от греха. Сват уже бежит с кружкой темного, сладкого пива и ломтями самого соленого сыра, какой нашелся в кухне. Позже я закажу что-нибудь по настроению, но от подобной прелюдии никогда не отказывалась. Ага, вон сидит мой последний в этом сезоне заказчик, потен, хмелен, обнял за шеи и трясет, как две груши, своих могучих сыновей. Увидел меня, поклонился так низко, едва лбом в стол не впечатался, только сыновние шеи и удержали. Есть ему, за что мне кланяться, усадьба с амбаром, конюшней да двумя хлевами, для свиней и коров, отдельно. Думала, надорвусь, ничего, только неделю поясницей маялась. Зато теперь это хозяйство и морю не снести, случись в наших краях море.

Звук прошел плотное гудение трактира, как тонкая и холодная, шелковая нить прошивает мешковину, скорыми, броскими, нелепыми стежками. Женщина остановилась передо мной, положив на край столешницы кончики длинных пальцев, обтянутых замшевыми лиловыми перчатками:

— Мастер Артория?

Я неприветливо кивнула.

— Я Мирриган, ученик мастера Амори.

Я взяла тяжеленный стул за высокую, цельнотесаную спинку большим и указательным пальцами и легко пододвинула к ней. Мирриган села, легкомысленно взметнув синим бархатным плащом с лиловой каймой по низу. Да, ученик... На вид ей было до тридцати. Возможно, ученик, возможно очень талантлива и была взята в обучение совсем маленькой. Амори никогда не рассказывал мне о предыдущих учениках, может, это был его педагогический метод, а может и нет. Женщина смотрела на меня глазами, будто бы искусно смастеренными из обрезков ее собственного плаща, синими, бархатными с крупными бисеринами зрачков. Красивая, сувенирная Мирриган, сидит себе, покачивает башмачком на медном, сужающемся к полу каблукке. Именно эти каблукки производили равномерные, блестящие стежки звука, пока ученик шла к моему столику.

— Мастер Артория, буду с вами откровенна.
— Не будете, — твердо прерываю я.
— А... Почему? — Маленький смуглый рот удивленно приоткрывается.
— Потому что меня вполне устраивает человеческое лицемерие. Все ученики мастера Амори хотели бы владеть лабораторией, тем не менее, все помалкивают, вежливо снося мое несносное везение. Таким образом, неискренность — залог моего спокойствия, мастер Мирриган.

Сувенирная женщина сжимает крошечные кулачки в лиловой замше:

— Но ты же не пользуешься башней! Ты, даже, не способна оценить полотины ее возможностей! Двадцать пять лет жизни! Да, двадцать пять, потому что сейчас мне сорок!.. Двадцать пять лет ушло на достижение моего теперешнего уровня мастерства! И все зря! Я пятая дочь деревенского столяра! Мне пришлось на изнанку вывернуться, чтобы достичь сегодняшнего положения в обществе. Так я и хожу, вывернутая на изнанку, снаружи чучело из бархата с атласной рожницей, а внутри — пятая дочь столяра! Но я не хочу быть равной тем, кто меня вчера презирал, я хочу, чтобы у меня был повод презирать их.

— Ты хочешь башню, с ее силой. А я хочу тарелку риса с белыми грибами. Прости, ученик, воля мастера священна.

— Хозяин! — Она яростно грохнула кулачком по столу: — Буряковки! Да чтоб не смердела! Должна же я запить свою дипломатическую неудачу! Выпьешь со мной буряковки на брудершафт, а, амбарный зодчий? Хозяин!

Я встала, сняла с гвоздя плащ и ушла, не оборачиваясь.

Всю дорогу до замка меня преследовал ее надрывный, звонкий голос: «Хозяин!», а в дрожащих тенях подлеска мерещился тоненький силуэт, сгибаемый февральским ветром. Стало вдруг неловко и за свою уверенную, тяжелую походку, и за свой рост и вес, на доброго мужика рассчитанный. Вот, я, толстокожая, удачливая гром-баба, отняла надежду на блестящее будущее у воплощенной женственности, у хрупкого, отчаянного мятежника магии, жаждущего свершений и невиданных чудес. Тут же одергиваю себе: «Нашла чего стыдиться, собственного сложения! Да не будь у тебя твоего медвежьего костяка и завидной мускулатуры, первая же отдача при «Заключать крепости» свадила бы тебя с ног, а год работы превратил бы в скрюченную, разбитую кале-

ку». Все — правда. Во мне ровно столько роста и веса, сколько нужно для качественной строительной магии. А что до удачливости... Я не отдам своей силы за красоту Мирриган, но и она ведь не отдаст того, что имеет. «Что ты оставил мне, Амори? Башню? Грехи свои ты мне оставил, бессовестное, безоглядное экспериментаторство. Все уничтожил, записи, кристаллы, эликсиры, а на башню рука не поднялась. И каждый ее камень помнит все твои открытия, и каждый расскажет, нужно только уметь спрашивать. Но я не спрашиваю твою башню. Я в ней просто живу». Вот, сегодня, к примеру, я собиралась развести костер на крыше. Уже не собираюсь. Нет настроения. Разве же это была искомая чайная ложечка дегтя? Извините, но этим с дегтярней месяц торговать можно! Я ни в чем не виновата. Я ни в чем не виновата, Амори! Желаю тебе пару раз ощутимо перевернуться в гробу! Я-то думала, я хозяйка, а я — сторож, как Волк, только покрупнее. Ладно, твоя наука позволила мне заниматься любимым делом, должна же я чем-то отплатить?

Небо прояснилось полностью. Снег, неисчислимыми кристалликами, отражал свою будущую смерть, безмятежное и восторженное солнце в зените. Запах мороза обострился настолько, что перебил мои духи и, чистым облаком поколыхивался вокруг волос под капюшоном. Мирриган догнала меня уже под стенами башни. Я бродила по лесу часа два. Этого времени ей хватило, чтобы потребить изрядное количество бураковки, и, невзирая на долженствовавшее быть опьянение, добраться до башни, скорой, петляющей побежкой. Ученик вцепилась мне в плечо и попыталась развернуть лицом к себе. С таким же успехом она могла пытаться сдвинуть своими тонкими ручками кованый сундук своей прабабки. В конце концов, я решила быть вежливой и обернулась к ней сама. Синие глаза уставились на меня с изрядно покрасневшегося личика:

— Ты мне не поверила? Не поверила, да? Думаешь, у столяров не бывает таких дочек? А у нас все такие! И Данья, и Гартри, и Зильта была такая, пока не умерла родами в прошлую зиму! Вот такая вот шуточка духов — красивые, тоненькие, кудри как золото, хоть на скале стой, да рыбаков на камни сманивай! А на что мне рыбаки? А скала? Стоять — ноги устанут, сесть — заднице жестко! Мне сила нужна!

Чтобы манить рыбаков на камни?

Чтобы никогда в жизни не видеть ни рыбаков, ни рифов, ни рыбы, которой у нас в деревне пропахло все, даже новорожденные дети, ни утопленников, которых река, почему-то, все норвила приткнуть под наши мостки. Аргориа, отдай мне башню! Я буду хорошая. Я вообще ничего не буду делать. Просто, скажу громко: «У меня есть башня Амори!», и буду плевать с карниза на весь мир. Честное слово, только плевать, не больше! Ой, а тут же деревня-то наша, совсем рядом, часа полтора, ну два! Пошли к моим в гости? Мы бабы простецкие, крепкие, добежим, как лошадки!

Тут я, мастер с именем, дочь юриста с именем, схватила пьяную дочь столяра за бархатный воротник, повалила на землю и ткнула носом в глубокий снег. Через несколько секунд Мирриган села, поджала под себя ноги, точно

устраивалась надолго, растерла снег и слезы по ярко-пунцовым щекам и, совершенно трезвым голосом, сказала:

— Ты права, мастер Артория, я не буду хорошей. Но это не значит, что я отказалась от башни. Совсем наоборот. Увидимся.

Она, одним упругим движением, вскочила на ноги, встряхнулась и пошла от замка, в нарядный, солнечный лес.

* * *

Костер перекликался с далекими звездами. По внешней, спиральной лестнице за мной пришел Волк и теперь сидел поодаль, подозрительно косясь на пламя. Я устроилась у самого костра, едва не влезая в него коленями. Танец быстрых, гибких языков меня всегда успокаивал, но теперь они напоминали мне Мирриган, мечущуюся в бессильной злобе. Бессильной? Ленивая пора обернулась для меня давно предвиденной, но от того не менее досадной, пакостью. Я знала, что, рано или поздно, у кого-то из обойденных учеников сдадут нервы и закончиться благоговение перед последней волей учителя. Мирриган была наихудшей для меня кандидатурой. Предпочитаю иметь дело с мужчинами, будь то работа, развлечение или драка. Чего ждать от упрямой, амбициозной плебейки? Я обдумывала этот вопрос без малейшего презрения к рыжей ведьме. У меня нет сословных предрассудков. У меня их вообще никаких нет, а вот инстинкт самосохранения, а также сохранения своего имущества есть, и отлично развитый. Сегодня в трактире, потом в лесу была осуществлена демонстрация слабости, в расчете на мою большую душу, вполне могшую угнездиться в столь изрядном теле. Фокус не удался, значит, завтра, или в ближайшее время, меня ожидает демонстрация силы. С этой мыслью я забросала костер снегом, имевшимся на плоской крыше в изобилии, и ушла спать.

Следующая неделя прошла спокойно Мы с Волком гуляли подолгу. Однажды я съездила на Вороне далеко вверх по ручью, потом к северу по реке, проверить: замерз ли водопад. Замерз. Висел над порогами. Заледенелой бородой водяного. Я отломилла тяжеленную сосульку, сунула в заплечный мешок. Привезу домой, растоплю. Есть поверье: если вымыть голову водой из водопада, волосы будут пышные и густые. Впрочем, у меня и так достаточно здоровые волосы, а сосульку поставлю над воротами, будет сверкать не хуже кристалла до первой оттепели.

На обратном пути, проезжая рыбацкую деревню, я заметила молодую женщину, укутанную в старый пуховый платок. Женщина яростно полоскала очень белое белье в широкой проруби, грациозно изогнувшись на шатких мостках. Услышав конский топот. Крестьянка подняла голову, на меня глянули редкой красоты и пронизательности синие глаза. Данья? Гартри?

Через неделю у меня закончилась соль. Я выбралась на воскресную ярмарку в город. Ежели б не соль, поленилась бы. А тут, хочешь, не хочешь — надо, хорошей чистой соли ближе не купишь. На обратном пути завернула к Свату. Поручила Ворона со всей поклажей хмурому, исполнительному

Сватову сыну, а сама пошла в «Трактир» погреться. Хозяин перенял меня на крылечке, деликатно отвел в сторонку:

— Мастер Артория, не мое это дело, но она опять тут. Уже третий вечер посиживает.

Пожимаю плечами. Сват конфузится. Я примирительно делюсь с ним дорогим табаком и вхожу в трактир. Третий день... Не иначе, как меня дожидается. Логично предположила, что к концу недели у меня в хозяйстве что-нибудь да выйдет, соль, спички, перловка. Значит, не миновать поездки. Значит, на обратном пути заверну к Свату, погреться. Значит, демонстрация силы.

Мирриган сидит за столиком, правее моего, всегда свободного. Сидит не одна. Сначала я принимаю парня за какого-то ее родича. Красивые рыжие волосы, только светлее чем у самой Мирриган, белесоватые, точно мех на лисьем животике. Подхожу, сажусь за свой столик, коротко киваю в ответ на ее взгляд. Мельком оглядываю парня вблизи. Ведь, не зря же он тут сидит? Не зря. Моим тяжелым, черным волосам трудно встать дыбом, но ощущение именно то. Выпуклые надбровья, раскосые оранжевые глаза с вертикальными зрачками, широкие ноздри, острый подбородок. За столом с Мирриган сидел демон. Молоденький, слабенький, жалкенький бесенок, но он был ее. Это означало, что специальность мастера Мирриган — магия власти. Насколько я могу судить, вызвать и укротить такого зеленого демона для образованного мага дело плевое. Демон падет к вашим ногам, выкрадет для вас нужную вещицу, убьет соперника или соперницу, предскажет исход завтрашнего чего-то там, и смоеется, помахав рукой, вильнув хвостом, сверкнув чешуей, в зависимости от своего облика. Удержать демона, даже самого слабого, заставить служить себе длительное время — вот, искусство, для которого, посильное только талантливому магу с очень сильной волей. На шее демона вызывающе сверкал широкий золотой ошейник с миниатюрным висячим замочком, уютно лежавшим в яремной ямке. Это был ее демон. Так вот с кем мы имеем дело. Талантливый маг с очень сильной волей, специализирующийся на власти. И против такого мага я, амбарный зодчий. Чем крупнее медведь, тем проще попасть в него из арбалета. Удалась плебейке демонстрация, удалась. Жонглирование боевыми огнями впечатлило бы меня куда меньше. На обух в моем чулане, как и в Сватовом, свой обух имеется, уж силушки-то не занимать, а вот на масштабную, стратегическую интригу чем ответить? Минуту! А где, собственно, мои уязвимые места? Да хоть бы отец. Будучи красивой женщиной, специализирующейся на магии власти, трудно ли взмутить адвокатскую гильдию небольшого города и настроить всех против одного, достаточно преуспевающего и, соответственно, достаточно обзавидованного со всех сторон? Легко, так легко, что даже я, заклиная стены, вижу добрых два десятка вариантов. Ладно, где еще меня можно болезненно ткнуть? В моей собственной гильдии. Тут не пройдут магические штучки Мирриган, «властитель» пойманный на попытке обработать собратьев по цеху, сильно рискует, но пускать в ход синие очи и золотые локоны законом не воспрещается. Сегодня милая дама «властительница» улыбнулась крепкому парню «силовику», завтра они вместе поужинали, а послезавтра, по одному щелчку пальцев крепкого пар-

ня, рухнул свежезаклятый мною особняк, погребя под собой заказчика с чадами и домочадцами. Разбирательство? Дознание? Выведение на чистую воду интриганов и вредителей? Да, если бы особняк рухнул в столице. А здесь вместе с ним навеки рухнет моя репутация, без всяких разбирательств. Мне придется уехать и начать с нуля. Где-то очень далеко отсюда. Мне придется оставить башню. Демон улыбается, наливая Мирриган вина из высокой бутылки, обтянутой мешковиной с остатками взломанной сургучной печати. Что ж, время буряковки прошло. У демона лукавая улыбка, должно быть, он служит своей госпоже и в постели. Белесовато-рыжие волосы, такие длинные, что, даже будучи стянутыми на макушке в пучок, рассыпаются по плечам.

— Красивый демон? — спрашивает Мирриган. — Его зовут Ли.

— А меня зовут Арториа, — говорю я, пересаживаясь к ним за стол, и протягивая демону руку. Он осторожно пожимает ее холодными, чуткими пальцами. Смотрит исподлобья, слабенький, жалкенький бесенок. И я бы совсем не назвала его красивым.

Догадливый Сват приносит следом за мной мою нетронутую кружку пива. Мирриган заговорщицки хихикает:

— Все-таки я с тобой выпью, Мастер Арториа! Давай выпьем знаешь за что? За то, чтобы все всё получили, но никто, ни у кого ничего не отнял.

Не буду я пить за такие глупости.

— Почему? Я же «властитель»! Я не на бедность у тебя прошу. Мне есть, чем заплатить. Всего несколько секретов! Чтобы их использовать, совсем не обязательно быть докой в магии власти. Достаточно просто понять принцип действия. У тебя будет все, толпы друзей, кавалькады самых блистательных воздыхателей! И, заметь, совершенно искренних и бескорыстных. Их будут манить к тебе не деньги, не выгода, а только твое обаяние, только ты сама! Ты сможешь верить каждому, кого попросишь о помощи или услуге, мои секретники оградят тебя от человеческой непорядочности. Подумай, много ли я прошу взамен.

Мирриган все отхлебывала и отхлебывала из бокала. Я все сидела и сидела над никнувшей пивной пеной. Не то, чтобы у меня вовсе не было друзей, не то, чтобы каждый мужчина обходил меня десятой дорогой, но одиночество — жадный карлик, лихорадочно примеряющий на себя все новое. Примерил и баснословные посулы Мирриган. Погляделся в холодное зеркало моего разума и швырнул на пол пестрые лоскуты. Подымаю кружку, делаю большой, медленный глоток:

— Стыдно, Мирриган, ловить такую большую рыбу таким хлипким бреднем. Ты же на реке выросла! Сомы от плотвы отличить не можешь? Я угощаю вас обоих ужином, только больше никаких разговоров о башне. И если ты умеешь все, чему обещаешь научить меня, тебе вполне достаточно для завоевания мира. Безнаказанность доверия, безопасность просьбы, беспрекословность приказа — все, что нужно для абсолютной власти. И никаких башен. Правда, Ли?

— Правда. Магия власти, единственная из всех, не дает никаких гарантий.

Он отвечает тихо, даже робко.

— Как любое занятий, имеющее отношение к власти, — говорю я. — Действительно, Мирриган, нет никаких гарантий, что, в один прекрасный день или ночь, эта ручная тварь не перегрызет тебе горло.

Я наблюдаю за демоном: обидится, ухмыльнется. Пропустит мимо ушей? Он подымает на меня взгляд, спокойный, чуть удивленный:

— Вы пожали мне руку. Вы пожимаете руку каждой твари?

— Красивый демон? — глядя поверх бокала, спрашивает Мирриган.

— Красивый, — соглашаюсь я, приподымая кружку, чтобы чокнуться с Ли.

Мы изрядно съели и много выпили. Хорошо за полночь я расплатилась со Сватом и теплый, несколько чадный, но уютный «Трактир» проводил троих засидевшихся посетителей неусыпными окнами. Мы с Ли поддерживали Мирриган подмышки. Время от времени, она поджимала ноги и с блаженным визгом повисала у нас на руках. Звезды, по-зимнему твердые и чистые, выблискивали у нас над головами. Казалось. Можно разглядеть их драгоценные грани. Подсвеченные. Каким-то, еще более дальним светом.

Что за свет заставляет гореть звезды?

Я спрашивала Ли. Он тоже глянул вверх, потом перевел взгляд на Мирриган:

— А вы, госпожа, не желаете знать. Что за свет?

Мирриган остановилась, убрала руку с моего плеча, повернулась к демону, взяла его за ювелирный замочек на ошейнике, притянула к себе и быстро, крепко поцеловала в губы, потом оттолкнула и, совершенно трезвым голосом, ответила, глядя на меня:

Нет, не желаю.

Я улыбнулась. Подвох не прошел. Да я и не надеялась, что он удастся. Демоны знают очень много. Спроси демона о чем угодно и подтверди свое желание услышать честный ответ, и демон ответит, но ты, на веки освободишь его от заклятия власти, тем самым, лишившись раба и расположения собратьев по цеху. Призванный, воплощенный и освобожденный демон — угроза для общества и головная боль для магов любой специальности. Спрашиваю себя: зачем хотела спровоцировать пьяненькую Мирриган, и не нахожу ответа. Должно быть, невзирая на твердость походки, я и сама под незаметным, подленьким хмельком. Но как это я так быстро спелась с демоном? Как это он налету подхватил мою задумку? Красивый демон...

Сонный, но все такой же исполнительный сватов сын выводит из конюшни оседланного Ворона, затем подкатывает уже запряженную двуколку Мирриган. Мирриган лихо впрыгивает в нее, утрачивает равновесие и, хохоча. Опрокидывается на сиденье:

— Поехали со мной! А-то еще из седла вывалишься!

В задумчивости треплю Ворона по холке:

— Да, пожалуй, поехали. Не хочу, чтоб тебе башня так легко досталась, через мою сломанную шею.

Усаживаюсь, укутываю Мирриган в лежащий на сиденье плед, пушистую бахрому стягиваю в большой узел и зажимаю в кулаке. Теперь, точно,

никто никуда не вывалится. В морозном ночном воздухе Ли громко щелкает вожжами. Ворон, не позволивший себя привязать к двуколке, спокойно вышагивает рядом.

Примерно через четверть часа, задремавшая Мирриган, встряхивается и, невятно хихикая, тычет меня в бок спеленатым в плед локтем:

Нам же в разные стороны!

Ворон теперь уверенно шагает впереди, Ли покорно правит за ним к лесу.

Значит, мы едем ко мне в гости.

Луна стоит в своем призрачном, неуютном зените. Мне видно, как Мирриган хлопает старательно вычерненными рыжими ресницами:

Ты приглашаешь меня в башню?

Пожимаю плечами:

Я запроу погреб с наливками.

Пожимаю плечами и сильнее стягиваю узел бахромы в кулаке. Про себя прикидываю: достаточно ли сильны мои запоры. Но что может «властитель» против «заклинающего стены» там, где речь идет о камне, даже при помощи слабенького, юного демона?

К замку мы подъехали все в том же лунном свете, истончающем камни, замутняющем воздух, точно толченый мел колодезную воду. Башня казалась вылитой из полупрозрачного воска. Только черные пятна узких окон говорили о царящей внутри темноте в отсутствие хозяина. Огромная сосулька, принесенная мной от водопада, здоровым зубом взрослого дракона, вгрызалась в небо над воротами. У калитки сидел обиженный Волк. Ему давно хотелось внутрь, в тепло, а хозяйка загуляла. Ворон, проходя мимо, жарко дохнул ему в самую морду. Зверь зарворчал, но те отпрянул. Я вылезла из двуколки и пошла отпирать ворота. Сделала несколько шагов, и меня остановил звонкий, срывающийся крик Мирриган

Стой!

Стою.

— Как ты здесь можешь жить? Ты что счастлива здесь, одна?

Я обернулась, отбросила капюшон, чтобы Мирриган хорошо видела мое лицо и, совершенно искренне, ответила:

Да.

Она тоже выбралась из двуколки, догнала меня, положила руку мне на плечо:

— Знаешь, спасибо за приглашение, но не хочу я гостить в твоей башне. Только душу травить.

А жить в моей башне?

Она не ответила. С неожиданной силой тряхнула меня за плечо и вернулась в двуколку. Отпирая ворота, чтобы завести Ворона, я слышала стук копыт и поскрипывание колес. Мирриган уезжала. А еще я чувствовала взгляд, все возвращавшийся и возвращавшийся ко мне, но то были не глаза «властительницы». На меня смотрел Ли.

* * *

На следующее утро погода изменилась, но не ухудшилась. Небо затянуло сплошным серым пологом. Он просто висел, не рождая ни снежинки. Потеплело, но не до сырости. Снег сделался чуть влажным и отлично лепился. Я соорудила миниатюрный дворец посреди поляны. Он весь мог бы поместиться на шахматном столике, вместе с внешней и внутренней стенами, мостом, кружевной открытой галереей вокруг второго этажа и пятнадцатью острыми башенками. Дворец получился так хорош, что мне захотелось его закласть, хотя бы на недельку. Я уже, совсем было, сосредоточилась, да махнула рукой. Какой смысл? Он хорош именно теперь, под этим тихим серым небом, в это позднее, ленивое утро. Завтра все может измениться. Зачем же стоять недолговечному дворцу, вопреки его мимолетной, игрушечной судьбе? Я оставила все, как есть, на милость погоды и радостно бегающего кругами Волка и неторопливо углубилась в чашу. Однако умница Волк не стал рушить моих трудов, он подался за мной, барахтаясь и фыркая в глубоком снегу. Мы поднялись на крутой берег ручья, прошли под отяжелевшими, заснеженными лапами сосен, обогнули голые, но от того не менее колючие кусты ежевики. За ними начиналась старая просека. Ее давно не расчищали, с обоих боков лез настырный подлесок, но прямая белая полоса не заросшего пространства все еще уходила вдаль. Я набрала в грудь побольше воздуха, сосчитала до трех и кинулась бежать по нетоптаному снегу, с удовольствием ощущая силу и легкость в здоровом, еще не начавшем стариться теле. Волк несся рядом, от восторга высунув язык. Ну, чистая тебе дворняга! Вот, говорят: «Веет покоем», — у меня было ощущение. Что вокруг меня, бегающей, именно веет покоем, живым, стремительным, осмысленным.

Немного запыхавшись, я остановилась. Волк заскакал вокруг, пытаюсь поймать ухватить зубами полу плаща. Я уворачивалась, он атаковал, припадая на задние лапы и низко. Угрожающе порывчивая. Я улыбалась, он самозабвенно скалился. Два крупных существа, играя, вздымали фонтаны снега.

Увлечшись возней с Волком, я не сразу почувствовала, что за мной наблюдают, и уже давно. Пятнадцатилетний опыт самостоятельной жизни и врожденные способности «мага-силовика» позволяют мне оборачиваться без страха на любой взгляд и зов. Так же спокойно я обернулась и теперь. На высоком пне сидел демон Ли. В желтой замшевой куртке, отороченной лисьим мехом, красных лосинах и высоких, точно в цвет куртки, сапогах со шнуровкой, он был похож на молодого вельможу, позирующего художнику для сцены охоты, если бы не странный, затравленный взгляд из-под выпуклых надбровий. Волк тоже заметил его. Подошел, обнюхал, попятился, учуяв нежить. Впрочем, нежить ли? Что мы знаем о демонах? Только то, что они сами захотят нам рассказать. Что демоны не чувствуют боли, что у них не ломаются кости и не вытекает кровь из ран. Это известно так давно, что стало легендой. Человечество считает ниже своего достоинства проверять легенды. И хорошо. Я подхожу вслед за Волком:

Здравствуй, Ли.

Глядя все так же напряженно, он показывает мне ладонь с большим, кругло обкатанным снежком:

Можно бросить его в вас?

Я секунду соображаю. Потом расстегиваю тяжелый плащ и аккуратно вешаю на ближайшую, достаточно толстую ветку:

— Можно. Но не рассчитывай попасть с первой попытки.

Для своих размеров, я достаточно подвижна. «Силовику», даже специализирующемуся на мирном ремесле, без этого нельзя. Кто сказал, что одна из глыб, которые я стягиваю «заклятьем крепости» во избежание щелей, не выскочет, выдавленная массой остальных и не рухнет прямо на то место, где, мгновение назад, стоял заклинаящий?

Теперь мы носились по просеке уже втроем. Хуже всех приходилось волку, неспособному лепить снег. Зато он яростно греб и взметал его лапами, засыпая нам глаза. В конце концов, увертливость Ли мне надоела, я подставила ему подножку и с силой толкнула в сугроб. Демон упал, раскинув руки, и не шевелился. Я наклонилась. Он слабо, отчужденно улыбался:

— Напоите меня чаем, из сушеной земляники. Вам же не жалко?

Я протянула руку, он медленно подал свою, и мы направились к башне. Волк перестал пасти меня и опасаться сам. Шел под безвольно опущенной левой рукой Ли, позволяя его пальцам скользить по своей пышной, зимней шерсти. На полянке три синицы что-то напористо выклевывали из самой середины моего шедевра. Дворец лежал в руинах.

— Было красиво, я видел, — сказал Ли, продолжая послушно держаться за мою руку. Мы прошли через калитку, миновали пристройки и поднялись на второй этаж, в жилые комнаты.

— А у меня вот что есть, — сказал демон, доставая из плетеной кожаной сумки тонкую, маленькую бутылку орехового ликера и два лучших Сватовых бокала, серебряных с филигранью. Заметив, что я смотрю на бокалы, он виновато и кокетливо пожал плечами:

Не удержался, стащил вчера.

Я деликатно промолчала о том, что собственноручно наложила, по Сватовой просьбе, на эти бокалы «нетеряшку», школярскую заклилку, но абсолютно безотказную. Ли, двумя точными движениями, плеснул напиток в бокалы, я принесла вяленые сливы и коробку печенья, накануне купленную в городе. Села. Воцарилось молчание. Демон не подымал глаз.

Ты что, соблазнить меня пытаешься?

Он вздрогнул, вскинул голову. Звериные оранжевые глаза вспыхнули и снова погасли:

— Нет, мастер Арториа. Мастер Мирриган сегодня оставила меня без поручений. Я решил провести этот день так, как хочу. Если я вам помешал...

Я сделала крохотный глоток, оценивая содержимое бокала на предмет яда. Такового не оказалось. Я сделала глоток побольше:

Нет, не помешал.

Он улыбнулся, нерешительно протянул бокал чокнуться со мной.

За что?

Вы хотите это знать?

Ты не мой демон, это бессмысленная ловушка.

— Почему вы решили, что это ловушка. Я, просто, переспросил, не различно ли вам, за что я хочу выпить. Вам везде мерещатся подвохи.

А тебе везде мерещатся обиды.

У меня больше оснований.

Он коснулся ошейника. Я примирительно пододвинула к нему коробку с печеньем. Волк взгромоздился передними лапами на стол и сунул было морду в коробку. Я нахмурилась. Паршивец, нарочито медленно, поднял голову, потом снял со стола лапы и ретировался в угол. Я бросила ему вдогонку самый большой кекс. Мерно стучал маятник, было тихо. Они смотрели на меня очень похожими глазами, желтыми и раскосыми. Волк более светлыми, как необработанный янтарь. Демон более яркими, как янтарь плавленный.

Ты чаю земляничного хотел.

Спасибо. Мне уже пора.

А если быстро?

Он покачал головой. Поднялся и, подхватив сумку, пошел к двери.

Бокалы Свату верни.

Я взяла тонкое серебро, аккуратно протерла салфеткой, подала ему.

Вы знали, что я их не крал?

В любом случае. Лучше вернуть.

Если мастер Мирриган спросит, могу я сказать, что был у вас?

Он снова зыркал исподлобья, точно уличный попрошайка.

Ищешь повод обидеться?

Ищете повод усомниться?

Волк сделал большую восьмерку, обойдя кругом сперва меня, потом Ли, после чего покинул комнату, чуть слышно цокая когтями о добротный дубовый пол.

— Говори. Да заодно, знаешь что? — Я взяла со стола почти полное блюдо крупных вяленых слив, обвязала салфеткой: — Я сама вялила. Фермерша одна научила. Передай Мирриган, раз уж в гости не идет.

Он принял блюдо и ушел, быстро, почти бегом. Я долго смотрела в окно, как мелькает среди зимних деревьев его яркая, охристая куртка. Уже за ручьем, но обернулся и помахал рукой, точно знал, что я наблюдаю за ним. Тут я тоже почувствовала спиной взгляд. Обернулась, глянула в раскосожелтые глаза волка. Зверь смутился, моргнул, сделал вид, что всецело поглощен блохой на своем плече.

Любопытствуешь?

Я подошла, села на пол, обняла здоровилу за могучую холку, приподняла рукой уткнутую в шерсть морду, вернула себе светящийся щуркий взгляд:

Мне тоже кажется, что это любопытно.

Волк высвободился из моих рук, вытянул передние лапы, устроил на них морду, вздохнул, так глубоко, так по-человечески, как умеют только животные.

* * *

К родителям я решила съездить внезапно. Проснулась утром, еще не открыла глаз, не определила погоды и времени, а твердо подумала: «Еду к родителям». Прихватила бутылку терновой наливки, тугой мешок лесных орехов, холщовую сумку сушеных фруктов. Оседлала Ворона и выехала, не позавтракав. Я знала за собой эту внезапность и немотивированность решений, знали и родители. А поскольку никаких особых бед из этих порывов не выходило, а часто даже наоборот, и мама и отец считали это чертой, скорее положительной. Ну, что плохого, если твой ребенок, не кажущий в отчий дом носу неделями, а-то и месяцами, вдруг, является к завтраку, здоровый, жизнерадостный, румяный от январского морозца? Мама привстала на цыпочки, чтобы обнять меня, отец осторожно поместил в мои ладони свою, уже старческую, руку. Пока мама отправилась поторопить кухарку и, в мою честь, несколько усложнить меню, мы с отцом уселись поболтать в его кабинете. Там пахло табаком и старыми книгами. Над каминной полкой торчали бронзовые головы строгих законников. Еще в молодости, отец решил коллекционировать бюсты справедливых судий. За сорок пять лет их собралось четверо. По-моему, неплохо. Над столом — гравюра, нежные летние облачка над руинами старой Храмовой библиотеки. Преподобный Озрик подарил отцу сие творение рук своих, когда тот выиграл для него финансовую тяжбу с Левобережной обителью. Преподобный сварлив, злопамятен, но честен и талантлив. Это равновесие черт природы до сих пор не позволяет мне определить мое отношение к его персоне. Да, гравюра, скупой, жесткий штрих, неумолимое черное, объемное светлое. Сомнительная святость. Скорее уж фанатизм.

Я побродила по кабинету, погладила бронзовый парик первого в отцовской коллекции, давно покойного, его милости Монри, вернулась в кресло. Отец водил меня на серой ниточке взгляда:

Невесела.

Да, как тебе сказать? Задумчива.

Есть о чем?

Скажи, я, правда, чрезмерно подозрительный человек?

Он улыбнулся:

— Если бы ты была по-настоящему подозрительным человеком, ты бы отказалась от наследства Амори.

Нарушить последнюю волю учителя?

Разумеется. Нам дается вся жизнь для того, чтобы крутиться и мухлевать. В смерти надо быть искренним. Если ты пробуешь схитрить на последнем вздохе, это избавляет твоих наследников и от иллюзий и от обязательств. Должно избавлять, с моей точки зрения. Ты, Артория, доверчива и порядочна, временами, до того, что мне, старому лису, неловко называться твоим отцом. Впрочем, простодушие — роскошь для сильных. Может быть, ты именно такая, какой тебе и надлежит быть.

Я снова встала, обошла кабинет, погладила по бронзовым кудрям его милость Алмора, убитого в позапрошлом году. Мне бы расстроиться от того,

каким нежизнеспособным существом выгляжу, однако, я почувствовала огромное облегчение. Захотелось есть, рассказывать маме о последнем приеме у графа и строить планы дальнейшего отдыха.

За разговорами завтрак плавно перетек в обед. От родителей я выбралась далеко за полдень и медленно пошла с Вороном в поводу по свежим, пронизанным морозом, городским улицам. Солнце било в глаза. Я почти зажмурилась, едва различая мостовую сквозь ресницы.

Извините, — пробормотала, задев кого то плечом.

Извиню, при одном условии, вонзился мне в уши сварливый голос преподобного Озрика. — Вас-то мне и надо, мастер. Хотел уж с письмом в вашу берлогу посылать.

Я воззрилась на преподобного с удивлением, которое, при некоторой доле искренности, можно было назвать досадой. У него была для меня работа, это читалось в каждой ядовитой морщинке болезненного лица. А я не хочу работать на церковь. Нет, они отлично платят, но камни в их постройках всегда скользкие. Ощущение холодной липкости долго не покидает руки. Кровь, что ли? А может, застарелая вера перегнивает и делается неприятной? Да и громадны храмы, месяц надрывать будешь, пока до купола залянешь. В общем, взгляд мой был красноречив. Преподобный истолковал его верно, скрестил на груди руки и заступил нам с Вороном дорогу:

— Это моя личная просьба, мастер Артория. Речь идет о старой Храмовой библиотеке.

Глаза у преподобного блестящие, желтовато-карие, навывкате, как два майских жука. В них, видимо, сосредоточилась та часть Озриковой натуры, которая — талант и честность. Глаза преподобного мне нравятся.

— А что с библиотекой? Мертвого не подымеешь.

Прекрасное, монументальное здание. Фронтон, на высоте четырех этажей, покоившийся на исполинских колоннах серого гранита, героические барельефы и скрижали с изречениями философов, обширный читальный зал и еще более обширное хранилище, и все это рухнуло единым выдохом старой, маленькой женщины, и уже две сотни лет лежит в живописных руинах на западной окраине города. За это время история степного нашествия превратилась в легенды. Кочевники накатились и отхлынули, волоча за собой добычу, как волна волочет, захваченное на берегу. Затем усобица пожрала их, а степь распылила остатки. В детстве я любила взбираться на огромные обломки гранитных колонн и часами лежать на них, вопреки кудахтанью няни. Силой веяло от этих устрашающих кусков камня.

Позже отец рассказал мне о старой Вирхин, которая обрушила библиотеку на глазах наступающих кочевников, чтобы спасти от огня и разграбления книгохранилище помещавшееся в подвале. Сквозь толщу изуродованного камня завоеватели не смогли добраться ни до драгоценных переплетов, ни до беззащитных страниц. После нашествия, служители, знавшие подземный ход, вынесли все содержимое, до единого фолианта. Десять лет спустя возвели новую Храмовую библиотеку, намного меньше и скромнее прежней.

Амори рассказал мне правду, значительно более героическую чем легенды. Вирхин была дочерью одного из библиотекарей. Родившись горбатой, она не вышла замуж, а прожила всю долгую жизнь при книгах. Один из постоянных посетителей, маг-врачеватель, заметил в девочке способности и несколько лет учил ее основам магии и медицине, более подробно. Дальше она училась сама, недостатка в учебниках не было. Вирхин стала хорошим врачевателем и оставалась им до последнего дня жизни, когда ее, дряхлую, едва способную передвигаться, забыли в панике бегства и надвигающегося во весь горизонт топота степных лошадей. Вирхин оставалось умереть там, где она жила. Но она умела не только врачевать. Никакая магия не возможна без умения сосредоточивать и направлять силу. Другой вопрос, — сколько в тебе этой силы есть. Немошная лекарша, никогда не имевшая ни малейших навыков «силовика», не могла обрушить такие массы граните. По всем законам физики и магии, не могла. Но есть законы и над физикой, и над магией. А может быть, не над, а где-то глубоко внутри. Вирхин не возненавидела трусов и предателей, которых всю жизнь лечила. Она захотела сберечь для них книги. Она очень этого захотела. Разумеется, старуха надорвалась. Любой бы надорвался, даже здоровый детина в расцвете лет. Внушительное надгробье получилось у маленькой знахарки. И что теперь хочет Озрик от меня?

— Выгодное предложение, — продолжая ядовито усмехаться, заверил меня преподобный. — Мы решили отстроить старую библиотеку. Новая изначально была слишком тесна. Трудность состоит в том, что рабочие не прикоснутся ни к единому камню, пока не увидят своими глазами, что проклятие Вирхин снято уважаемым мастером.

— Какое проклятье? Ей на прижизненное-то осуществление чудом сил хватило, а не то, что на посмертное!

Вы мне это рассказываете? — Озрик так скривился, что гримаса едва не выехала за пределы левой щеки. — Вы этим ослам двуногим расскажите!

Я вздохнула с наигранным неудовольствием. На самом деле, вздыхать было не от чего. Обещались легкие деньги. От меня требовалось прийти, взгромоздиться на руины, повыше, помахать руками на глазах у рабочих и, скромно потупясь, принять солидный храмовый гонорар. Приму и не поморщусь.

Когда? — спросила я, усердно хмурясь.

Немедленно! — отвечивал священнослужитель, убираясь, наконец, с моей дороги.

Вокруг развалин, на почтительном расстоянии, слонялось десятка три чернорабочих с инструментом и пустыми тачками. Кое-где серели рясы священников. Завидев меня, толпа сбилась теснее, но к руинам не придвинулась, только взгляды разом приросли к пыльным камням. Я привычно взобралась на устрашающую гранитную, груды, бывшую некогда фронтоном, обозрела поле воображаемой деятельности, поворочала камни. Зрелище впечатляло: плавное движение ладонью — и глыба в несколько тонн, побряхтывая, отползает в сторонку. Действие крайне трудоемкое и, в данном случае, совершенно не нужное. Зато, у толпы не осталось никаких

сомнений не мой счет. Что еще? Я прицелилась и засадила «прямым дробящим» в кривой, треугольный обломок, венчавший кучу. Гранит брызнул, как стекло. На месте глыбы образовалась неожиданно глубокая дыра. Я взобралась повыше и заглянула в нее. Жиденький свет лениво проясняющегося дня бледно обрисовал мелкое белое крошево, в которое рухнувшие гранитные массы обратили мраморные перила, обозначил относительно целые ступеньки, уводившие куда-то вниз. Я потребовала факел и стала спускаться. В детстве изучение старых гравюр с изображением Храмовой библиотеки и подробных ее планов доставило мне немало часов удовольствия. Теперь я безошибочно определила, что спускаюсь по центральной лестнице из бывшего читального зала в книгохранилище. Если за две сотни лет перекрытия не осели... Они не осели. Я взялась за литую бронзовую ручку и толкнула высокую створку дверей, больше напоминавших небольшие ворота. Глухой, басовитый скрип кольхнул застоявшуюся тишину. Я подняла факел повыше. Тот, кто заклинал этот подвал, был мастер. Не просто мастер с именем, как я, а великий создатель. Поверхность к поверхности. Ни единой трещинки, ни малейшей щели. И это теперь, когда все здание лежало сверху. Больше того, изначальный абсолютно сухой климат помещение не изменился за прошедшие двести лет запустения. Здесь не испортились бы книги, оставь нерадивый слугитель хоть страничку, хоть заваливший свиточек с монастырской бухгалтерией за энный год. Но добросовестные хранители мудрости, напуганные и пристыженные жертвой Вирхин, перетаскали отсюда все. Впрочем, среди пустых полок осталось одно, чему идеальный климат не дал истлеть, маленькое тело на огромном мраморном столе. Видимо, вернувшись подземным ходом, слугители нашли старушку там, где смерть застигла ее. И решили, что маленькая лекарша воздвигла себе достойный склеп. Тело почтительно укрыли одним из драгоценных храмовых покровов, но, из-за горба, не смогли разместить со всем благочинием, положенным покойникам. Вирхин лежала на боку, сложив у подбородка сухонькие руки, ладонь к ладони, точно спала все эти двести лет. Магия взяла у нее всю силу, вышла потом и кровью изо рта и носа. Наверное, это тоже препятствовало разложению. Старуха лежала, иссохшая, полупрозрачная, не источавшая никаких запахов, кроме, разве что, легкого пыльного удушья, точно старый пергамент. Даже сейчас я могла разглядеть, что при жизни, что в юности, Вирхин была миловидна: круглое, ясное лицо, высокие, удивленные брови, потускневшая россыпь седых волос все еще казалась густой. Мой взгляд привлекла маленькая вспышка. Я наклонила факел пониже. Из-под одежды покойницы на груди выпал маленький серебряный медальон и резко выделялся на черном, полированном мраморе обширной столешницы у сложенных рук женщины. Я осторожно приподняла украшение двумя пальцами, поднесла поближе к свету. Овальная пластинка, обрамленная тонким, ветвящимся узором, с одной стороны была пуста. На другой я с трудом разобрала мелкие, сплетенные буквы. «Все можно исправить», — гласила

надпись. Сама ли Вирхин заказала этот сувенир, или учитель-медик подарил на память? И что значили для тихой, человеколюбивой калеки эти очевидно лживые слова? Я отпустила пластинку, она тихо звякнула. Уже от самых дверей я вернулась, неторопливо стянула с пальца графский подарок, литой золотой перстень с неправдоподобно большим желтым сапфиром, вложила в мертвые ладони колдуньи. Едва уловимого усилия хватило, чтобы разошлось одно из тоненьких звеньев цепочки. Я зажала медальон в кулаке и покинула пустое книгохранилище.

Воздвигшись над проломом, я, с изяществом памятника, указала рабочим рукой, мол, можно. Те сразу засуетились, одни растаскивали камни, другие грузили обломки помельче в тачки, третьи расчищали будущую строительную площадку от кустарника. Работа по восстановлению старой храмовой библиотеки началась.

Отыскав глазами Озрика, я отозвала его в сторонку:

— Там Вирхин. Ее можно показывать прихожанам. Сохранилась на зависть всем святым. Но я бы не показывала. Соорудите ей склеп где-нибудь по близости, в счет моего гонорара.

Озрик оценил, как мою наглость, так и скромность, и молча кивнул.

По дороге домой я заглянула в первую попавшуюся ювелирную лавку и мне, в один миг, соединили звенья цепочки. Надев медальон на шею, я ощутила мимолетное удивление, зачем взяла его, а потом и вовсе забыла об этом странном своем поступке.

У северных ворот могучий мужчина в тяжелом дорожном плаще лениво, но упорно, препирался со стражниками из-за арбалета. В городе ношение арбалетов разрешено только стражникам и графской гвардии. Ссора имела два гипотетических исхода. Первый: несколько крупных монет упадут в кошель блюстителей, а путешественник останется при своем оружии. Второй: арбалет запрут в караулке, и хозяин сможет получить его назад, лишь покидая город, причем, непременно, через северные ворота. Правда, в данном случае, имелся и третий вариант: могучий детина разбросает стражников в разные стороны, одним скачком преодолет ворота и растворится в толпе, сохранив и деньги и оружие. Кажется, он склонился именно к этому решению, когда из ворот выехала я. Мне неприятны заброды с арбалетами в городе, где живут мои родители и друзья, поэтому мы с Вороном остановились и мрачно воззрились на чужака.

— Уже уезжаете, мастер Артория! — подчеркнуто раскланялся младший из блюстителей, мгновенно оценив, какого союзника приобрел. — Не нужно ли чего? А то у меня брат не мельницу подрабатывать бегаёт, как раз, мимо вашей башни! А вы, господин, столбом не стойте. Сказано, нельзя!

Он так расхрабрился, что даже надвинулся на великана тощей грудью в кирасе. Я приготовилась к осложнениям, но громила, вдруг, покорно, даже, как-то, небрежно, сунул стражнику арбалет и побрел к воротам, время от времени оборачиваясь. Поглядывал он не на оставленное оружие, не на придирчивых исполнителей закона, а на меня. Задумчиво поглядывал, а из-за низко надвинутого капюшона, казалось, что даже зловеще.

* * *

Мирриган явилась, как снег не голову. Ли ухарски осадил буланую пару перед воротами. Рыжая красотка выпорхнула из двуколки и живенько затрусилась по моим нетоптаным угодьям в низких башмачках, едва закрывавших лодыжки. Естественно, что на крыльцо она взлетела с уже насквозь мокрыми ногами:

Ты что, дорожку прочистить не можешь?

Зачем? Зимой умные люди носят сапоги.

Село дремучее! Это немодно уже лет пять.

— А, ну тогда пошли тебя просушивать. Ли, распрягай! Мы пьем чай наверху!

Демон уже соскочил с облучка, и теперь ласково ерошил гривы буланым близнецам.

На втором этаже Мирриган разулась, протянула к камину маленькие ноги в бирюзовых шелковых чулках, сегодня она вся была в бирюзовом, и глянула на большие каминные часы:

Чай мы пьем быстро.

Почему?

Потому что опаздываем к модистке. Ну, в смысле, я опаздываю. Ты же не откажешься составить компанию подружке? Помочь советом, облегчить выбор.

— Не рано ли ты записываешься ко мне в подружки?

В отличие от демона, его хозяйка была необидчива:

— Ну, раз так, посоветуешь мне темно-бордовую шляпку с опущенным полем. Я в таких похожа на ручного бурундучка.

Я уже расставляла чашки, открывала жестянки с душистыми травами.

Ли пришел и тихонько уселся в углу.

— Тебе чашку туда подавать, или к столу соблаговолишь?

Он молча переместился к столу, настороженный и скованный, как всегда. Настроение у меня, вдруг, сделалось хорошим, впервые за те несколько дней, что прошли со времени визита к мертвой Вирхин. Я погладила длинные волосы бесенка. Он запрокинул голову так, что моя рука утонула в мягких, прямых прядях. Было в его движении что-то непристойное, жаждущее и одновременно обреченное, точно он подставлял горло невидимому ножу. Я неторопливо сложила пальцы в свой внушительный кулак и поднесла его к демонову носу. Мирриган шумно прыснула, разбрызгивая чай. Большим усилием, я сохранила на лице каменное выражение:

Смотри, властитель, оба доиграетесь.

Мирриган, делавшая очередной глоток поперхнулась и фыркнула снова:

— Стервоза, ты же первая начала! Чего чужого демона трогала? Кто разрешал?

— Понравился! — нагло рывкнула я, наконец, позволяя себе рассмеяться. Ли таскал из вазочки орехи и делал вид, что происходящее не имеет к нему никакого отношения, но скованность исчезла.

В очередной раз, глянув на часы, Мирриган припечатала маленькими кулачками столешницу:

Все! Поехали. Я тебе ткань на платье присмотрела.

Я пожала плечами:

— Есть у меня новое платье. К именинам графини заказала.

Именины-то, насколько я помню, уже?

Да, восемнадцатого ноября.

Значит старое.

Что?

Платье. Артория, пожалуйста! Я всегда все покупаю одна! Я посылаю деньги сестрам, они тратят их на свое усмотрение, но они не станут ходить со мной по модным лавкам. Я много ездила, многого пыталась добиться. Теперь вернулась. У меня здесь нет подруг. У меня их нигде не было. Женщины не любят таких, как я.

Красивых?

Она покачала головой:

— Нет. Безумных. Я безумная, Артория. У меня нет ума, чтобы оценить то, что мне дают и оплакать то, что отнимают. Все чужое, все — сквозь руки. Наверное, ты, без всяких опасений, могла бы отдать мне башню. Я не удержу ее. Женщины собственницы, они цепкие. Я тоже цепкая, я отпускаю не от слабости, а по собственной воле, потому что мне скучно.

Тогда отпустите меня.

Я едва не шелкнула пальцами, так это было уместно. Ли в упор смотрел на хозяйку поверх инкрустированной чашечки из розового агата. Чашка скрывала его губы, не было видно, улыбается наглец или нет. Зато улыбка Мирриган расцвела широко и безыскусно, как ромашка на рассвете:

— Ну, ты подумай! Сколько репетировали! А на премьере этот гаденыш мне подножку! Прямо посреди сцены!

Я прислушалась к себе, настроение не портилось. Меня обманывали, как в цирке, с умыслом на три гроша. Если Мирриган и вела какую-то более серьезную игру, то я была не в состоянии ее почувствовать. Что ж, пускай. Покуда не опасно, а только интересно.

Разумеется, самовлюбленная рыжая транжира облюбовала самую дорогую лавку. Я уж совсем собралась объявить всю эту затею глупостью и уехать, когда Мирриган метнулась к полке и пролила мне на плечи шелковый водопад, сумеречно синий с более светлой, затуманенной каймой, напоминавшей горные хребты на горизонте. Потом она расправила ткань вокруг моей шеи, образовав широкое декольте, и повернула меня к высокому зеркалу. Закрывать бы в тот момент глаза и, ощупью, отправиться домой. Но я была неосторожна.

Окончилось все плохо. Мы металась по лавке, в припадке лихорадочного восторга, напяливая друг на друга шляпки и мантильки, обвешиваясь тесьмой и витыми шнурами, спотыкаясь в безуспешных попытках одновременно снять и надеть всевозможные башмачки, туфельки, сапожки. Живейшее участие в нашем помешательстве принимал демон. Он сновал туда сюда, не смущаясь вскакивать в зашторенную комнатку для примерок, с истинно утонченным вкусом подсовывая нам то одну, то другую изысканную мелочь. Не знаю, где и как Мирриган зарабатывала свои деньги, мне мои доставались тяжело. Но я не

пожалела ни о многочисленных покупках, ни о проведенном в лавке, а затем у портнихи времени. Давно мне не было так безоглядно, по-дурацки хорошо.

Напоследок мы завалились в кондитерскую и объелись мороженого до желудочных колик. За весь день мы не выпили ни капли горячительного, но вели себе, как пьяные, хохотали, толкались локтями, швырялись деревянными ложечками. Горожане, при виде двух буйных колдуний и демона, сторонились и жались к стенам. Стражники и артельные строители, узнавая меня, недоуменно ухмылялись.

Дома, лежа в постели и глядя в темноту, я пыталась понять причину этого, внешне беспричинного, счастья. В актерском монологе Мирриган была кое-какая правда, если не о ней, то обо мне. Действительно, у меня не было подруг. Почему? Трудно сказать. Мне не чужды женские интересы (наряды, украшения), и женские слабости (любопытство, пересуды), и женские мечтания (муж, дети). Но все это носит тот же характер, что и моя любовь к дорогим духам и притираниям. Едва уловимо. Если некоторые мужчины еще имеют какой-никакой нюх, то женщины вовсе нет. Я кажусь им замкнутой, скучной, возможно, даже, грубой и туповатой. Корыстная Мирриган, желающая получить мою башню, вынуждена была приглядеться к противнику повнимательней. Я знала, что позволяю играть с собой властителью, и это плохо. Но рыжая ведьма и ее рыжий демон очень нравились мне.

А неделю спустя мы отправились на первую примерку. Поездка прошла в том же пьяном веселье, что и предыдущая. Мирриган шили палевое платье с дымчато-серой вышивкой вокруг декольте. Мы стояли перед огромным зеркалом, черная в синем и рыжая в нежно-золотистом, как ночь и день. Только ночь, почему-то, оказалась намного больше. Впрочем, ничего удивительного, — зима. Ли, которого, как и в прошлый раз, забыли выгнать из примерочной, сидел в уголке и мастерил из обрезков растрепанные цветы. Швырял нам, портнихе и девушкам-закройщицам под ноги, тут же принимался мастерить новые. Портниха мельком глянула на произведения, по которым топталась:

У вашего слуги талант, госпожа.

У моего слуги много талантов, — отмахнулась Мирриган. Внутри у меня что-то болезненно сжалось. Ух ты! Ревность! Всегда любопытно испытать что-нибудь новенькое.

На обратном пути мы решили не нарушать складывающуюся традицию, и двуколка покатила по главной улице в сторону кондитерской. Выходя из двуколки под яркой вывеской с пышным, розовым тортом на золотом подносе, я остро ощутила спиной взгляд. Я сперва подала руку вечно оскальзывающейся в своих модных башмачках Мирриган, а уж потом, неторопливо обернулась. Давешний великан от северных ворот смотрел на меня с другой стороны улицы. За моим плечом раздался короткий, сдавленный звук — это полу-ахнула, полу-всхлипнула Мирриган. Чувствуя неладное, я, скорее инстинктивно, чем осознанно, заслонила ее собой. Перепуганная дамочка вцепилась в мою руку. Великан, собранным, но ничуть не напряженным шагом перешел улицу и остановился перед нами:

Вы мастер Артория?

Я кивнула.

— Я Грэг, первый ученик мастера Амори. Уверен, что у меня больше прав на башню, чем у вас, поэтому предлагаю честный поединок. Если вы откажетесь, я просто приду и убью вас. А после подумаю, что делать с советом гильдии и прочими недовольными. Есть еще один выход, для вас наиболее разумный, вы добровольно уступаете мне башню, официально, с подписанной дарственной грамотой.

Если бы я родилась мужчиной, нас принимали бы за родных братьев. Только глаза у Грэга были не серые, а насыщенно, вязко темные, как мокрая земля. Ну, что ж, кто-то скучал по жонглированию боевыми огнями? Кто-то предпочитал их козням властителя? Извольте! Пальцы Мирриган продавливали мне запястье, как тупые гвозди. Они сделались липкими и холодными. Первый ученик ждал.

Что для меня башня? Во второй раз за последний месяц я серьезно задумываюсь над этим вопросом и не нахожу внятного ответа. Отец прав, Амори не должен был оставлять мне свое малодушие творца, не смеющего уничтожить смертоносное творение, а я не должна была принимать подобное наследство. Всё. Уже ничего нельзя исправить. Амори мертв, башня моя. Я в ней живу. Я в ней счастлива. Она мой дом. Первый ученик ждал.

— Хорошо. Мастер Грэг. Я жду вас для поединка. В башне. Послезавтра, в полдень.

Мне показалось, что он скажет какую-нибудь самоуверенную пошлость, вроде «мне очень жаль», или «пеняйте на себя», но он кивнул, повернулся к нам спиной и зашагал по обледенелой мостовой все той же собранной, спокойной походкой. Мирриган, наконец, отпустила мою руку, но тут же вцепилась в плащ, безуспешно пытаясь встряхнуть мою тяжеловесную персону:

— Слушай меня, хлевосозидатель, я достаточно хорошо знаю этого человека. Я авантюристка и собираю деньги везде, где они водятся. Они часто водятся на войне. Мне приходилось видеть, что делает Грэг. Больше мне не приходилось видеть такого нигде и никогда. Он «силовик-разрушитель», каких единицы. Ему платили, как средней армии, а он сносил бастионы, как солонки со стола. Уцелевших выметало из них ударной волной на десятки метров! Какой поединок?! Какой?

— Дура, с Грэгом у тебя больше шансов. Он мужик, а ты красавица. И все честно, я бы, даже, сказала — естественно.

Мне хотелось, чтобы она улыбнулась, но губы у рыжей дамочки прыгали, взгляд метался:

— Ар-тори-а, — произнесла она отдельно, точно сердце у нее останавливалось после каждого слога. Потом, вдруг, запрыгнула в двуколку, истерически взвизгнув:

Пошел!

Демон, со странной готовностью, хлестнул буланых. Я осталась одна перед вывеской с розовым тортом.

* * *

Ворона я отвела к соседям на хутор, оставив достаточно денег, чтобы плотно кормить его с полгода. Впрочем, я была уверена: случись что-нибудь со мной и услышь добрые крестьяне об этом, они сразу отведут коня моим родителям. Ворон слишком велик и зол, чтобы на нем пахать, а продать такое заметное животное без спросу хуторские обитатели не рискнут. Всю наличность я отдала на хранение судье Орфу. Он был еще жив и всячески возражал против того, чтобы отцовская коллекция пополнилась его бюстом. Молодой приемник убитого судьи Алмора посмотрел на меня красными, слезящимися от бессонницы глазами, и позвал забытым, детским именем:

Тои!

Не спрашивай, — приказала я, целуя его в горячий висок. — Я же не спрашиваю, отчего ты не спишь, и на крыльечке у тебя все время торчит пара стражников.

Как знаешь, Тои.

Ну, что еще? Мысль о родителях доводила меня до тихого помешательства. Впрочем, может, это и было истинное здравомыслие. Мне хотелось отыскать в городе мрачного великана, крикнуть ему: «Ты — первый ученик! Амори научил тебя, как стать разрушающим стены! Ты — достойный наследник своего учителя!», — и выбросить всю эту историю из головы. Но я силовик, мое дело — сила. Дело, и право, и выбор. Если я отступлюсь, это буду уже не я.

С такими вот мыслями я отправилась прогуляться окрестностями на сон грядущий. Настроение было такое сухое, такое бесчувственное, что даже стыдно сделалось за свою толстокожесть. Я попыталась ощутить, что это могут быть последние сумерки, последние шаги по мягкому снегу. Последние сосновые лапы над головой. Не проняло. Ну, да, могут. А Орфа могут завтра убить по графскому приказу, те же стражники, нанятые для охраны. А Данья, или Гартри, или кого я там видела, может оскользнуться на мостках и уйти под лед, в зимнюю реку, вместе со свежевывстиранным бельем. Как бы я не старалась, мне было себя не жаль.

Он сидел на том же пне, смирный, скованный, глядящий исподлобья.

— Чай земляничный вышел весь. Остался смородиновый.

Ли молчал, только еще больше ссутулился и еще пристальней воззрился на меня. Я подошла, осторожно тряхнула снег с лисьей опушки его капюшона:

— Шел бы ты домой, рыжий, а-то, к утру по макушку заметет, будешь, как медведь, в берлоге весны дожидаться.

Весны?

Он моргнул и приоткрыл рот, точно я сказала что-то очень глупое, а потом, странным, звериным движением, скользнул с пня и кинулся мне под ноги, вцепившись в плащ и глядя снизу вверх:

— Откажитесь! Мастер Артория! Откажитесь!

Он все больше запрокидывал лицо, будто собираясь упасть в обморок. Вдруг, в желтом свете еще только начавшего спадать к горизонту солнца, я увидела, как два блестящих, темных ручейка побежали из его глаз. От неожи-

данности я, даже, попятилась. Демоны существа лживые и потайные, впрочем, так же, как люди. Но, в отличие от людей, демоны имеют способность весьма наглядно демонстрировать свою искренность — кровавые слезы. У демона, плачущего кровавыми слезами, не случилось ни одного туза в рукаве, он абсолютно откровенен, читай беззащитен. Крайняя степень унижения или отчаянья. Отказать в просьбе демону, плачущему перед тобой кровавыми слезами, все равно, что нарушить первейший из законов, «не убий!». Разумеется, и убивают, и пинают ногами тех, у кого лицо залито красным, но все когда-то делается в первый раз. Я набрала полные ладони снега и отерла ему щеки. Он буднично пожал плечами, точно пролил только что чернила или рассыпал крупу:

— Извините, не слишком приятное зрелище. Я не собирался этого делать.

Ровный, тусклый голос. Он понял, что я отказала. Не отказалась — отказала, демону, плакавшему передо мной кровавыми слезами абсолютного горя.

— Иди домой, рыжий. Не знаю, чем это Мирриган так тебя приручила, но, в любом случае, не стоило так напрягаться. Вам еще предстоит большая морока с новым владельцем башни.

Тут на меня зарычал Волк. Впервые за всю нашу совместную жизнь. Выступил из черного подлеска, прижал уши и низко, глухо зарычал, казалось, не горлом, всей грудной клеткой, всем нутром. Потом коротко фыркнул и убрался обратно в лес.

* * *

На следующий день, в четверть двенадцатого, знакомая двуколка остановилась у моих незапертых ворот.

— Что это значит? — не слишком радушно осведомилась я, когда Мирриган и Ли вошли в большой зал на первом этаже, где я ожидала Грэга. Мирриган швырнула в ближайшее кресло перчатки, потом плащ, злобно зыркнула на меня:

— Пришли позаботиться о твоём брэнном теле.

Загляните через часочек.

Она, мелкой рысцой, забегала по залу.

Споткнулась о пуфик, люто пнула миниатюрную мебель. Пуфик трижды перекувырнулся в воздухе и упал, задравши все четыре кривенькие ножки. Было потешно смотреть на хрупкую, красивую даму, шумно сопящую и носящуюся взад, вперед, как разъяренный истец перед ответчиком. Демон прятал глаза, сидел на ковре, в том углу, где обычно любил сиживать Волк. Лесная тварь ночевать не пришла, не явилась и утром. Почуял, видно, что место это домом своим больше считать не сможет.

Грэг прискакал ровно в полдень на здоровенной, темно-гнедой кобыле, безоружный и страшный. Вероятно, давешний арбалет таскал для отвода глаз. Вид невооруженного человека на дороге в наше время не вызывает сомнений. Только маг может позволить себе путешествовать без оружия и охраны. А Грэг не хотел, чтобы в городе раньше времени пошли слухи о маге-чужаке. Кто же знал, что он наткнется на искомую персону прямо в во-

ротах, да ее при нем еще и по имени назовут. Отводящее глаза оружие сразу сделалось ненужно. Судьба. А что еще судьба? Что очень сильному мастеру Грэгу мало его силы, так же как очень властной Мирриган мало ее власти. Одиночество — жадный карлик.

Вошедший едва глянул на Мирриган и демона, только пожал плечами в знак того, что заметил их:

Где?

Я сначала подумала о крыше. Но осквернять место моих раздумчивых посиделок у костра поединком не хотелось:

Да, хоть здесь.

Он сбросил плащ прямо на пол и, без предупреждения, вознеся в боевую позицию на воздушной опоре метра в два с половиной высотой. Я последовала его примеру, подняв собственную опору на десять сантиметров выше, соответственно разнице в росте. Грэг медлил с первым ударом. Его глаза цвета мокрого чернозема оценивали меня. Видимо, оценка не была поверхностной, потому что вмазал он по мне без снисхождения, прямым дробящим, как я на днях по гранитной глыбе. Но, на то и меч, чтоб щит, на то и да, чтоб нет. Я не увернулась, а заслонила. Опоры, возводимые мной, всегда прочны, но не достаточно пружинисты. Мне лучше стоять, как те стены, что я заклинаю. Когда я, не дрогнув, приняла на вытянутую руку боевой огонь и он разбрызгался, вмазавшись в уплотненный воздух, первый ученик довольно крикнул. Мой ответный постигла судьба соперника, он расплющился о невидимую преграду, сполз по ней и погас далеко внизу, у основания столь же невидимых опор. Со стороны это, должно быть, выглядело красиво: два больших, темных силуэта, висящих в воздухе, а между ними мечутся, взрываясь и деформируясь, круглые сгустки мертвенного, синего пламени. У подножия битвы едва различались две маленькие фигурки, скорчившиеся на ковре. Пятым, то ли шестым, Грэг прошиб мой щит. Я приняла удар серединой грудной клетки и отразила на выдохе, с отвратительным клекотом стервятника. В глазах мутилось. Это был еще не проигрыш, но уже высшая точка моей силы. Дальше начнется спад, а я еще ни разу не достала противника. Удивительно, что я так долго держусь против Грэга, если он так силен, как рассказывала Мирриган. Или рыжая ведьма нарочно запугивала меня?

Опора пошатнулась самую малость. Даже, не пошатнулась, а едва ощутило дрогнула. Но, именно в силу ее статичности, жесткости, я почувствовала неладное сразу. Грэг только что очень неловко отразил мою атаку сверху и теперь тяжело отдувался, потирая пальцами виски. Я торопилась закрепить преимущество и уже сотворила следующий ослепительный шар. Вот тут-то подо мной и дрогнула опора.

Я глянула вниз, на Мирриган. Она продолжала жаться на ковре у шахматного столика. Закрывая голову руками. Тогда я глянула в угол. Ли, прямой, как струнка, расплющенный по стене чудовищным противодействием, закусив побелевшие губы и раздув широкие, звериные ноздри, подталкивал мою опору. Воздушные конструкции крайне чувствительны к дисбалансному воздействию.

Я, наверну, могу прыгать, хоть колесом ходить, и ничего, но стоит слегка подтолкнуть опору сбоку... Чем и занимался слабосильный, неопытный демон.

В то мгновение подо мной зашаталась куда более важная опора. Земляничный чай, Сватовы бокалы, растрепанные цветы и кровавые слезы... Я развернулась на месте и, со всей мощью хорошо обученного и предельно разозленного силовика, вцепилась уже сформированный огонь в грудь Ли. То, что мастер Грэг отбивал, как детские мячики, проломило ребра бесенка, прошло насквозь, и Ли медленно осел по стене, оставляя не кровавый, а черный след на дубовой облицовке, точно чадающий факел. И тут опора подо мной рухнула, без посторонней помощи, просто, потому, что я перестала ее держать. Я стояла на ковре, в нескольких шагах от мертвого, изуродованного Ли. Он меня предал. Он пытался меня предать.

Грэг продолжал неподвижно возвышаться в воздухе. Мирриган встала, пошатываясь подошла к креслу, взяла свой бирюзовый плащ и, встав на колени, укрыла скорчившееся тело Ли. Потом она выпрямилась и обернулась ко мне:

— Теперь уже все равно, но я хочу, чтобы ты знала. Ли уговорил меня, уговорить Грэга оставить тебе жизнь. Я уговаривала Грэга всю прошлую ночь. Он пообещал. Мы решили, что, если ты продержишься достаточно долго, и Грэг начнет сердиться, Ли опрокинет тебя и сдаст на милость победителя. Так все и вышло. Только уже все равно. Он любил тебя. Так любил, что даже меня, старую, корыстную властительницу, заставил тебя полюбить. Я держала его пять лет. Сначала из соображений пользы, потом из других соображений. Он не был моим любовником. Скорее сыном. Ты убила его. Мне все равно, что Грэг с тобой сделает. Теперь я не хочу жить в твоей башне. Может быть, потом я пожалею об этом. Когда снова захочу жить.

Бирюзовый плащ в углу стал медленно опадать, будто под ним что-то таяло. Демоны не принадлежат нашему миру, после смерти они исчезают из него, не доставляя пленившим их магам хлопот с погребением. Что не говорите, удобная форма рабства.

Мирриган, не оборачиваясь, покинула зал. Через несколько минут я услышала, как она щелкнула вожжами и представила: вот она едет на облучке пустой двуколки, в одном шелковом платье, по зимнему лесу. В опустевшем углу лежал забытый плащ.

Мне показалось, что моя собственная грудная клетка вот-вот разломится, распахнется двумя створками треснувших ребер перед гигантским боевым огнем, формирующимся в ней. Я сжала кулаки и запрокинула голову. Грэг смотрел на меня со своей опоры. Странно смотрел, я не поняла как.

Грудная клетка выдержала. Не выдержала башня. Моя боль выломилась из нее в ясное зимнее небо, как фонтан расплавленного камня из вулканического кратера. Стены, шипящими, черными комьями распались по широкой округности, похоронив под собой весь двор с амбаром и конюшней. Надо мной стояло чистое полуденное солнце, венчавшее голову неподвижного, черного в ярких лучах Грэга. Наследство Амори лежало в руинах, а я не только не надорвалась, но даже не упала на колени. Только в ушах немного шумело.

— Теперь ты можешь меня убить, — сказала я Грэгу. Он, наконец, спустился и посмотрел на меня в упор:

Зачем? Я же не убийца.

Он повернулся и, легко перепрыгивая оплавленные камни, пошел в сторону леса, где пронзительно ржала чудом уцелевшая гнедая кобыла. Я осталась одна. Что-то больно тянуло мне волосы на затылке. Несколько прядей припутались к тонкой серебряной цепочке. Я распутала болезненный узел, потом достала из-за пазухи медальон. При солнечном свете надпись читалась четко, точно вчера выгравированная: «Все можно исправить». Шум в ушах начал нарастать. Он нарастал до тех пор, пока не превратился в оглушительный конский топот, широкой волной катящийся от горизонта.

* * *

Я вошла в кабинет преподобного Озрика, невзирая на протесты брата-секретаря. Остановилась, положив ладони на монументальный дубовый стол:

Откуда вы знали, что я Вирхин?

Я и не знал. Только предположил. Я был послушником, когда вы были маленькой девочкой. По дороге из обители в новую библиотеку, я часто видел, как вы лежите на обломках, трогаете руками камни, прислушиваетесь к ним. Мне показалось, что душа бедной лекарки могла бы так приходиться на эти развалины. Потом, когда вы стали заклинаящим стены, я подумал, что в этом была бы своя логика. Слабую, но самоотверженную наградили силой. Ведь в этой жизни все можно исправить. А если не в этой, то в следующей. Видите, какие улики у вас теперь против меня есть. Подобная теория обеспечивает духовному лицу хороший костер.

Он говорил еще что-то, но я не слышала его. Мне казалось, я уже чувствую, как слабеют мои руки, истончаются кости, гнется спина. Сколько жизней и чем мне придется расплачиваться по теории Озрика, прежде чем мне вернут мою медвежью статью, мою твердую походку и мою силу создателя? И что мне будет в этой силе, даже если ее вернут? Можно пережить, когда предадут тебя, но когда ты!

Озрик поднялся и вышел из-за стола. На его лице играла знакомая ядовитая улыбка:

— Надеюсь, вы заклянете вашу любимую библиотеку, мастер Вирхин, когда мы ее отстроим? Все, все можно исправить.

Я покачала головой, но ответила:

— Да.

МАРИЯ ПАРФЕНОВА

ДЕСЯТЬ ЦЫПЛЯТ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ ГРОМЕНЬКОВА

4 ЦЫПЛЯТ БЫЛО ДЕСЯТЬ. ДВАЖДЫ ПЕРЕСЧИТАВ СНУЮЩИЕ по столу желтые комочки, Громеньков откинулся в кресле, снял очки, потер переносицу и шумно выдохнул. Происходящее не укладывалось ни в какие рамки.

Выпитая по случаю сдачи проекта бутылка коньяка такого эффекта дать не могла, бессонницей Громеньков не страдал, в зеленых человечках и привидения не верил. Оставалось только одно — подчиненные наконец-то осмелели и решили подшутить над боссом.

Придя к такому выводу, Громеньков заметно повеселел, поднялся с кресла, и, потирая руки, пошел разбираться с шутниками.

Но то ли шутники оказались еще и неплохими актерами, то ли мысль о зеленых человечках была не так уж и неправильна, однако ни один из сотрудников не выказал совершенно никакой заинтересованности в появлении шефа: никто не пытался сдерживать хитрую улыбку, не посмеивался в кулак и не обменивался с коллегами заговорщицкими взглядами. Громеньков настороженно оглядел офис, едва слышно хмыкнул, прошествовал к столу секретарши и вполголоса поинтересовался:

— Ну, и как это понимать?

Секретарша Лерочка перестала стучать по клавиатуре хорошенькими маникюренными пальчиками и подняла на начальника донельзя честный взгляд:

— Васильвасилич, вы не сердитесь. Это не мы. Это все «Ирис» виноват.

— «Ирис»? — искренне не понял Громеньков, которому и в голову не пришло бы связать снующих по его столу представителей отряда куриных и солидную фирму «Ирис», уже более десяти лет являющуюся одним из самых лучших партнеров его собственной компании. — Хм. «Ирис», значит. Так в чем они виноваты, вы говорите?

— Ну, в том, что буклеты с опозданием отпечатали. — Лерочка запнулась. — А вы о чем?

Громеньков похолодел: всем и каждому в этом офисе было доподлинно известно, что Лерочка совершенно не умела врать. Даже произнося невинную ложь в оправдание пятиминутного опоздания на работу, она сбивалась на каждом втором слове, краснела, бледнела и так отчаянно теребила любой ненароком попавшийся в руки предмет, что однажды даже умудрилась погнуть разводной ключ, по забывчивости оставленный приходившим в тот день слесарем. Однако сейчас всё указывало именно на то, что Лерочка говорила правду.

Громеньков задумался. Незаметно пронести цыплят мимо секретарши было решительно невозможно. А раз так Лерочка ничего об этом не знает, значит... значит, никаких цыплят вовсе нет.

Придя к такой мысли, Громеньков хмыкнул и, притворно беззаботно насивстая, отправился обратно в собственный кабинет в тайной надежде, что цыплята ему все же привиделись. Но сбыться этой надежде было не суждено: птенцы по-прежнему оккупировали стол, успев за время отсутствия Громенькова развить там кипучую деятельность. Страницы ежедневника были безжалостно измяты, по полу рассыпались карандаши из опрокинутой подставки для канцелярских предметов, а по экрану раскрытого ноутбука увлеченно стучала клювами добрая половина птичьей команды.

— Да я вам сейчас! — Громеньков рванул к столу и бешено замахал руками. — Кыш! Кыш! Пошли вон!!!

Цыплята разом передислоцировались на дальний конец стола, но спрыгивать на пол, а тем паче, пытаться разбежаться, никто из них, кажется, не собирался.

— У, изверги! — Громеньков бросил беглый взгляд на безнадежно испорченный монитор, погрозил кулаком сбившимся в кучу цыплятам и вылетел из кабинета с воинственным обещанием «ну, я вам щас!!!»

Не прошло и минуты, как он вернулся с большой картонной коробкой. Поставив ее на пол, Громеньков перевел взгляд на цыплят и то ли скомандовал, то ли попросил:

— Прыгайте уже, что ли?!

Однако ни одна недокурица даже и не подумала пошевелиться. Громеньков рыкнул, потянулся было к ним, собираясь собственноручно спихнуть наглых тварей со стола, но в последний момент остановился: покусал губу, осторожно вытащил из стеллажа папку с чьим-то отчетом и принялся безгласно сталкивать цыплят вниз.

Когда с этим было покончено, Громеньков закрыл коробку крышкой, проверил, плотно ли та сидит, и с донельзя довольным видом открыл дверь в коридор.

— Это бумаги... ммм... старые бумаги. — отмахнулся он от немого Лерочкиного вопроса. — Вы не отвлекайтесь. Я сам вынесу.

В следующие два часа Громеньков успел полазать по интернету, подбирая себе новый ноутбук, сорок минут провисеть на телефоне с женой (чего с ним в последние десять лет не случалось ни единого раза) и разгадать половину кроссворда, до которых он был большой любитель. С кроссворда, собственно, всё и началось.

Порядком затупившийся карандаш сначала выводил до безобразия жирные линии, а потом, сточившись еще больше, принялся скрести по бумаге. Громеньков недовольно фыркнул и, не отрывая взгляда от кроссворда, открыл ящик стола, где, как ему казалось, должен был обнаружиться канцелярский нож или хотя бы точилка. Но за мгновение до того, как он опустил руку в ящик, оттуда донеслось подозрительное шуршание и писк.

Вопросительно хмыкнув, Васильвасилич выдвинул ящик на полную длину, заглянул в него и окончательно скис: в ящике, задрав головы и с любопытством разглядывая то ли люстру, то ли самого Громенькова, сидели цыплята.

Не склонный к религиозности Васильвасилич шустро перекрестился, для верности сплонул через плечо и трижды постучал по столу. Но ни одно, ни второе не помогло: цыплята остались там, где и были.

Громеньков рыкнул, рывком выдернул ящик из стола и, бормоча что-то недоброе, прошествовал к открытому окну.

Вытряхнув цыплят и с упоением проследив, как те, минуя этаж за этажом летят вниз, Громеньков опустился на подоконник и закурил. Однако ни первая, ни вторая, ни третья сигареты успокоения не принесли. Усевшись обратно за стол, Громеньков продолжал поминутно вздрагивать от малейшего шороха и бросать по углам настороженные взгляды — повсюду, решительно повсюду ему мерещились мерзкие желтые птицы: на полках стеллажа, в кожаных креслах для посетителей, и даже в щели под дверью, ведущей в его личный офисный галльюн.

Не в силах больше выносить это сумасшествие, Громеньков вылетел из кабинета, на ходу бросив секретарше, что едет по делам и вряд ли сегодня вернется. Но по делам он, конечно же, не поехал, а отправился в ближайший ресторан, где и просидел до самого вечера, поминутно оглядывая ближайшие столики — не мог отделаться от ощущения, что вот-вот и откуда-нибудь высунется крошечный любопытный клюв.

А когда на улицах зажглись фонари, Громеньков вызвал такси и велел везти его домой. Там, отмахнувшись от расспросов жены и для верности хряпнув двойную дозу снотворного, улегся в кровать, с головой укрылся одеялом и погрузился в блаженный сон, в котором не было ни цыплят, ни испорченного ноутбука, ни опасений за собственную вменяемость.

Наутро Громеньков поднялся в мрачноватом настроении, однако в первые же десять минут сумел убедить себя, что всё, случившееся вчера, не более, чем сон. А после чашки чудесного кофе жизнь и вовсе вернулась в свое русло. Сверившись с ежедневником и обнаружив, что через час у него запланирована важная встреча, Громеньков легким аллюром направился в гардеробную, на ходу соображая, что жена уже ушла по каким-то только ей известным делам, и сегодня ему самому придется завязывать галстук.

Дверь гардероба чуть слышно скрипнула и легко пошла вбок. Громеньков протянул было руку, чтобы снять костюм с вешалки, и замер. Задумчиво склонив голову набок, на плече роскошного светло-бежевого пиджака сидел цыпленок и самозабвенно гадил на стоявшие внизу туфли.

— Да откуда ж вы берётесь-то?! — Громеньков не выдержал, сгреб цыпленка и приготовился лично повыдирать вредной твари все перья, как тот вдруг повернул голову и внимательно уставился на что-то за спиной Громенькова.

Зная, что от этой птицы можно ожидать каких угодно пакостей, Громеньков постарался, не оборачиваясь, вспомнить, что находится на противоположной

стене. И вспомнил: там не было ровным счетом ничего. Однако стоять с цыпленком в руке и бояться сделать лишнее движение было глупо, и Васильвасилич, вздохнув, повернулся. То, что он увидел, не поддавалось никакому объяснению.

Пропала стена с нежно-зелеными обоями, пропал дорогуший светильник, привезенный женой аж из самой Англии, пропали ковер и дверь в гостиную — вместо них взгляду пораженного Громенькова предстало огромное голубое небо без единого облачка.

Далеко внизу темнели тянущиеся ввысь горы, у горизонта маячило аж два солнца, а сам Громеньков сидел в огромном гнезде. Соседями по гнезду оказались два еще неоперившихся птенца. Впрочем, на эту мысль Громенькова навел только факт неоперенности — ибо размерами каждый из птенцов не уступал хорошо откормленному взрослому индюку.

Громеньков машинально перевел взгляд на собственный кулак, где, по его расчетам, все еще должен был находиться злополучный цыленок. Цыпленка в руке не было, зато издалека, тревожа горное эхо протяжным клекотом, приближалась еще одна птица. И, судя по размерам, она приходилась близкой родственницей его новым желторотым соседям. Громеньков напрягся, судорожно перебрал в памяти всё, что ему было известно обо всех птицах крупнее воробья, и пришел к самому неутешительному выводу. Пернатая мамаша или выбросит его из гнезда, или устроит своим горластым потомкам экзотический ужин, главным блюдом в котором будет свежайшая отбивная из директора одной преуспевающей компании.

Ни одна из этих перспектив Громенькову не приглянулась. Подойдя к краю гнезда, он плюхнулся на живот и принялся рассматривать окрестности. В процессе наблюдения Васильвасиличем был обнаружен уступчик, находящийся чуть ниже гнезда. Уступчик был невелик, но при известном желании на нем мог поместиться один человек.

Набрав в грудь побольше воздуха и вознеся молитву всем известным ему богам, Громеньков полез вниз. Мгновение, два, три — и вот он уже нащупал край площадки, опустил на обе ступни, придвинулся поближе к скале и вздохнул. Дело было сделано. И, надо признать, весьма вовремя: пернатая мамаша опустилась в гнездо, бросила птенцам шмат мяса, в котором смутно угадывалось какое-то очень крупное животное, и принялась расхаживать туда-сюда, отчего на сидевшего внизу Громенькова периодически сыпались мелкие ветки, перья и еще какой-то сор, о происхождении которого Васильвасиличу думать категорически не хотелось.

А еще пару минут спустя, над головой Громенькова что-то зашуршало и через край гнезда перевесилась огромная птичья голова на неожиданно длинной и гибкой шее. Голова скосила на Громенькова недобро поблескивающий глаз, на мгновение замерла, а потом так хищно щелкнула клювом, что Васильвасилич позорно, по-девчачьи, пискнул и вжался в скалу.

За весь остаток дня ничего принципиально нового не произошло: Громеньков всё так же сидел под гнездом, а сверху, не давая расслабиться ни на минуту, свешивалась птичья голова и щелкала клювом.

А когда на горы опустилась темнота, и пернатая тюремщица Громенькова наконец-то уgomилась, Васильвасилич тяжело вздохнул, как можно ближе придвинулся к скале и, стараясь не уснуть, принялся повторять наизусть все известные ему стихотворения. Но весьма скоро, на строчке «уронили мишку на пол», Громеньков и сам уронил голову на грудь и зычно захрапел.

Утром его разбудил будильник. Автоматически хлопнув по пищашему поганцу, Громеньков перевернулся было на другой бок, но тут же вздрогнул и сел в кровати, пытаясь понять, где находится. Знакомый интерьер и спящая рядом жена указывали на то, что Громеньков у себя дома, но Васильвасилич, основательно напуганный произошедшим в последние два дня, решил не рисковать и изо всей силы ущипнул жену за упитанную розовую ляжку.

Жена ойнула, приоткрыла один глаз и деловито поинтересовалась:

— А в глаз?

— Ура! Настоящая!!! — Громеньков радостно взвизгнул, чмокнул ничего не понимающую супругу и, приплясывая, направился в кухню.

Несмотря на раннее время из кухни доносился подозрительный шорох. Громеньков приподнял бровь, для порядка кашлянул и открыл дверь, собираясь поинтересоваться у домработницы, какого рожна она явилась в столь ранний час.

Впрочем, задать этот вопрос Громенькову не удалось, ибо на кухне вместо домработницы обнаружилась стайка цыплят, воинственно снующих возле холодильника, на верху которого, часто-пречасто моргая, сидела насмерть перепуганная персидская кошка Жози.

— Не-е-ет! — Громеньков схватился за сердце.

Впрочем, нахлынувшая слабость вскоре прошла, и ее место заняло очень-очень серьезное недовольство, которого весьма небеспричинно боялись сотрудники Громеньковской фирмы.

— Измором меня брать решили, да? — прорычал Громеньков и, крадучись, направился к холодильнику.

Цыплята кинулась врассыпную, и в следующие две минуты занимались тем, что уворачивались от рук Громенькова и весьма язвительно пищали, знаменуя этим очередную победу над неповоротливым охотником.

Однако их радость была преждевременной: на третьей минуте неравного сражения Громеньков таки сумел схватить одного представителя желтой братии.

— Всё! — заявил он. — Кончились шутки. Голову буду каждому сворачивать, поняли?

На этом монолог Громенькова закончился, ибо кухня вдруг исчезла и сменилась до боли знакомым пейзажем: огромным гнездом, двумя неоперившимися бройлерами и остроконечными скалами вокруг.

Громеньков чертыхнулся, с трудом удержался оттого, чтобы вышвырнуть «за борт» одного из птенцов, и уже привычно полез через край гнезда. Спасительный уступ и сегодня был там.

В дальнейшем день шел строго по сценарию вчерашнего, с одним лишь изменением: Громеньков уснул, пытаясь процитировать самому себе «Дядю Стёпу», а проснулся на жестком и неудобном диване в собственной приемной.

Заранее ожидая подвоха, Громеньков поднялся, обошел офис, тщательно осмотрел стеллаж, не обнаружив нигде ни одной жёлто-пищашей особи, выглянул в коридор.

— Ой, Василий Васильевич, как вы сегодня рано! — уборщица удивленно всплеснула руками и поманила Громенькова за собой. — Пойдемте, вам тут кое на что взглянуть надо.

Вытащив начальника к дверям черного хода, уборщица заговорщицки подмигнула и скомандовала:

— А ну-ка, закройте глаза на минуточку.

А мгновение спустя протянутая рука Громенькова коснулась чего-то теплого и пушистого.

— Сегодня утром прямо тут нашла, — похвасталась уборщица, поудобнее перехватывая коробку, в которой, пища и толкаясь, сидел уже знакомый желтоклювый спецназ.

— Опять вы! — успел рыкнуть Громеньков, а в следующую секунду уже ожидаемо оказался в гнезде длинношей и остроклювой птицы. Провести третий день на крошечном каменном пятачке в опасной близости от хищно щелкающего клюва Громеньков не хотел, поэтому шустро полез прочь из гнезда.

Мысль о спуске была бы совершенно сумасшедшей, если бы Громеньков не знал, что наутро все равно проснется где-нибудь в своем, привычном мире. Поэтому, для порядка прочитав «Отче наш», принялся спускаться вниз по скале. Первые два метра удалось преодолеть с грехом пополам, но потом вцепившиеся в камень пальцы соскользнули, и Васильвасилич полетел вниз.

— Сейчас ка-а-ак грохнусь на камни, — пронеслась в его голове предательская мысль, — ка-а-к разобьюсь...

Но этого не случилось: несколько раз Громеньков шлепался на скалу то одним, то другим боком, но камень весьма ощутимо пружинил, мягко отпавляя Громенькова в дальнейший полет.

Через пятнадцать минут, зеленый от непрерывных кульбитов в воздухе, Громеньков рухнул в кусты, широкой полосой опоясывавшие подножие горы. Надо было выбирать, но сил не было — хотелось только одного: забиться и не просыпаться до самой ночи, когда неизвестная магия этого странного мира и очередное детское стихотворение не вернут его домой.

Впрочем, не прошло и минуты, как кусты вокруг зашевелились, Громенькова бесцеремонно схватили за лодыжку и выволокли на небольшую зеленую поляну. Васильвасилич заморгал, пытаясь разглядеть неожиданных спасителей, открыл рот, чтобы сказать слова благодарности и замер: вокруг него, соблазнительно выставив оголенные бедра и груди, стояло не меньше десятка златокудых девиц. Одежды на них почти не было, зато оружия имелось — хоть отбавляй. Луки, абалеты, праща и короткие мечи на удивление легко соседствовали с трехлинейкой, автоматом Калашникова и ка-

кой-то ультра-новой серебристой винтовкой, марку которой Громеньков опознать не смог.

— Здорово, девчата, — тише, чем хотелось, поздоровался Васильвасилич, и поднялся на ноги, отряхивая с брюк налипшие травинки. — Спасибо, что выручили. Мне бы теперь домой. Где тут у вас выход?

— Что?!! — ближайшая девица уперла руки в боки и с презрением поглядела на Громенькова. — Мы его спасли, а он, понимаешь, бежать собирается!

— Не уважает! — поддакнула вторая девица.

— От обязанностей увильнуть хочет!

— О-от каких обязанностей? — с дрожью в голосе уточнил Громеньков.

— От прямых! — хором гаркнула девица с калашом в руках. — Хватай его, девки!

То, что произошло дальше, не шло ни в какое сравнение с самым изощренными фантазиями режиссеров порнофильмов. Девицы, на поверку оказавшиеся амазонками и не первый год страдавшие от отсутствия мужского внимания, оторвались по полной. Первые пару минут Громеньков пытался сопротивляться, потом понял безрезультатность своих усилий и сдался. А к вечеру, заморенный до полусмерти, уснул прямо на траве.

— Ты где был?!!

Громеньков приоткрыл один глаз. Он сидел на полу в собственной прихожей, в ногах бесформенной грудой валялась одежда, а рядом, с мокрым полотенцем в руках, кружила разъяренная жена.

— Говори, где шлялся, морда пьяная!

— Я не пьяная, — попытался оправдаться Громеньков, — и не морда. И не шлялась... то есть, не шлялся. Я на работе был, с уборщицей разговаривал.

— С уборщицей?!! — по лицу Громенькова прошлось мокрое полотенце. — А вот это у тебя откуда?! Тоже от уборщицы, да?!!

Громеньков скосил глаза в зеркало и охнул: из всей одежды на нем были только носки, а на шее, делая хозяина чем-то похожим на леопарда, фиолетово темнел добрый десяток засосов.

Дальше события развивались, как в плохом, насквозь предсказуемом кино: за избиением полотенцем последовал скандал с битьем посуды, мало похожие на правду оправдания Громенькова и классический уход с хлопаньем двери.

Впрочем, не прошло и десяти минут, как дверь хлопнула второй, а затем и третий раз. Второй хлопок ознаменовал возвращение дражайшей супруги, а третий — позорное изгнание Громенькова из его собственной квартиры.

Посидев на лестничной клетке и дождавшись, пока уймется звон в голове, а перед глазами перестанет дрожать призрак чугунной сковороды, Громеньков поднялся. Сидеть на лестнице было глупо, вернуться в квартиру — невозможно. Оставалось только одно: двигаться по направлению к

собственному офису, по дороге придумывая, как объяснить подчиненным появление на начальственном челе огромной сизой шишки.

Однако стоило Громенькову выйти из подъезда, как все мысли о сохранении репутации разом пропали: удобно расположившись на спинке массивной литой скамейки сидели цыплята и любопытно вертели головами по сторонам. Громеньков попятился, хотел было снова юркнуть в подъезд, но вовремя вспомнил, что домой его все равно не пустят. Делать было нечего: по-шпионски вжавшись спиной в стену дома и опасливо оглядываясь на пернатых хулиганов, Громеньков принялся пробираться прочь от опасного соседства. Поначалу цыплята не проявляли к нему ровным счетом никакого интереса, но когда до спасительного угла оставалось не более пары шагов, вдруг захлопали крыльями, загомонили, и заметались по скамейке как сумасшедшие.

— Поздно, голубчики, — хмыкнул про себя приостановившийся на мгновение Громеньков. — Ушел я от вас!

Секунду спустя сверху донеслось подозрительное шуршание, Громеньков поднял голову и судорожно дернулся в сторону, пытаясь увернуться от пикирующего на него желтоклювого камикадзе. Но было поздно. Цыпленок приземлился ему на плечо, по-бойцовски пригнув голову и шустро перебирая лапами, пронесся к белеющему из-под пиджака воротничку рубашки и так больно клюнул Громенькова в шею, что тот взвыл и подскочил на месте. Стоит ли упоминать, что приземлился он совсем не у своего подъезда, а во вполне знакомом гнезде на вершине затянутой облаками горы?

Проникшись жалостью к себе-любимому, Громеньков взвыл и, схватившись за голову, принялся нарезать круги по гнезду и просить высшие силы избавить его от этого наваждения. Однако долго это продолжаться не могло: на третьем или четвертом круге Васильвасилич споткнулся о сунувшегося под ноги птенца длинношеей птицы, в панике замолотил руками по воздуху, но так и не смог удержаться и с воплем полетел через край гнезда.

Гора привычно спружинила, и через несколько минут сумасшедшего подсакивания на резинистых камнях, Громеньков хлопнулся в уже знакомые кусты.

— Сейчас явятся. — вспомнив об амазонках, Громеньков поморщился и принялся поспешно выбираться из предательски шипастых кустов — и весьма вовремя: издали уже доносилось бряцанье оружия и топот нескольких десятков ног.

А несколько мгновений спустя, стараясь не отвлекаться на воинственный клич «Окружай его, девки!», Громеньков уже со всех ног неся прочь от подножия горы. В груди тяжело ухало сердце, в ушах поселился тонкий, надрывный звон, камни и желтеющая трава слились в одно грязно-коричневое марево, но Васильвасилич продолжал бежать, впрочем, уже очень хорошо понимая, что уйти от амазонок ему сегодня не суждено.

Но вот впереди мелькнул частокол низенького заборчика, и преисполнившийся надежды Громеньков рванул к нему. И, о чудо: стоило ему тяжело пе-

ревалиться через забор, оставив на нем основательный лоскут когда-то дорогих брюк, и отбежать еще шагов на десять, как топот за спиной смолк, уступив место гневным и не вполне литературным выкриками обиженных девиц.

Громеньков на бегу бросил взгляд через плечо и от увиденного остановился как вкопанный. Три десятка сплошь увешанных оружием амазонок стояли за забором, перебраться через который для них не составляло ни малейшего труда, и тянули руки к так некстати ушедшей добыче.

Соблазн остановиться и отдохнуть был велик, но Громеньков, наученный опытом предыдущего дня, на такое безумство не решился и, перейдя на шаг, устало побрел прочь.

Метрах в пятистах от спасительного забора обнаружилась речка, и Громеньков, у которого от бега и переживаний давно пересохло в горле, опустился на колени и припал к воде. Однако стоило ему сделать пару глотков, как из-за высоченного камыша донесся истошный крик:

— Спасите! Помогите! Тону-у-у!!!

Громеньков поперхнулся, привстал и, услышав вторичный зов о помощи, рванул в сторону камыша. За камышом, совсем недалеко от берега, поднимая фонтан брызг, барахтался белобородый старик.

— Ну, чего, папаша, живой? — отдувающийся Громеньков выволок старика на берег.

Старик диковато хохотнул, наскоро ощупал всего себя и радостно закивал:

— Кажись, живой!

— Ну, вот и хорошо, — Громеньков извлек из внутреннего кармана плоскую фляжку с коньяком и, опускаясь на песок, протянул ее старику. — На, отхлебни. Быстрее согреешься. И вообще, папаша, в следующий раз осторожнее будь. Не лезь в воду, коли плавать не умеешь.

— Так я ж это... не сам. — старик сделал несколько глотков из фляжки, разом повеселел и принялся объяснять. — Я ж за цыпой полез. Дырок-то в пространстве ого, сколько, а цыпа хоть и глупая, а всё равно жалко будет, коли пропадет.

Громеньков хотел было полюбопытствовать на счет дыр в пространстве, но почему-то спросил совсем о другом:

— Только что в твоей цыпе такого ценного, что ты, батя, за ней в речку сиганул?

Старик с подозрением оглядел Громенькова:

— Ты чего? Неместный, что ль?

— Ну, вроде того. — уклонился от прямого ответа Громеньков. — Я тут временно. Проездом.

— А... — старик кивнул. — То-то я и смотрю, одежды у тебя странные, ненашенские. А цыпы у нас это... вроде лошади, только лучше.

Васильвасилич вопросительно приподнял бровь, и старик продолжил:

— Ну, если тебе, к примеру, в соседнее село надо, можно лошадку впрячь и трюх-трюх — своим ходом туда добираться. А можно ко мне придти, день-

жат дать — и получай себе цыпу: пользуйся на здоровье, пока она в курицу не вырастет.

То есть как, «пользуйся»? — не понял Громеньков.

Старик в это время занятый окончательным опустошением фляжки, хотнул и закашлялся:

— А ты, кхе-кхе, как я погляжу, совсем темный. Цыпа — она, кхе-кхе, чем ценна? Надо тебе, скажем, за тридевять земель по делу съездить. Сел, глаза закрыл, представил хорошенько то место, куда тебе попасть надобно, и цыпу рукой — ать! А как дотронулся, можно глаза открывать — перенесла она тебя, куда следует.

— Телепортатор! — выдохнул изумленный Громеньков.

— Но главное тут, — как ни в чем не бывало продолжил старик, — цыпу в клетке держать, ну, или в сарае запереть. А то она всё время к людям лезет. Бывает, сидит человек, о своем думает, а цыпа к нему — шасьт и в руку тычется, внимания требует. Только какое там внимание — нет уже человека, занесло его в ту даль, о которой думал. А вернуться он сможет, только когда уснет. А это, как ни крути, совсем не хорошо — считай, целый день насмарку.

Громеньков шумно сглотнул, а старик горестно шмыгнул носом и пожаловался на судьбу:

— И вообще мне в этом луновороте не везет. Почти дюжина цып порченными оказалась. А я их холил, лелеял. А они, перья у них повывлезай, творят, что им вздумается. Я их на внучке пробовал. Она колодец задумает, а они ее на гору закинут, задумает у кузницы оказаться — а они ее опять на гору. Одна морока.

— А нельзя ль этих цып, — Громеньков запнулся, понимая, что сейчас скажет совершенно крамольную вещь, — как-нибудь извести?

Старик, к этому времени окончательно разомлевший от коньяка, громко кинул, удивленно оглядел Громенькова и вздохнул.

— Ох, и странный ты, человек. Кто ж от такого добра сам отказывается? — и, не дождавшись от собеседника хоть сколько-нибудь внятного ответа, продолжил. — Хотя, слушай.

И, взяв с Громенькова слово, что тот никогда и никому не расскажет об услышанном здесь, старик пустился в путаные объяснения. Из сказанного выходило, что для того, чтобы избавиться от надоедливого птенца, надо накормить его самым чистым и горьким, что есть на всем белом свете. Исчезнуть цыпа не исчезнет, а вот качества волшебные потеряет. А если человека опять путешествовать потянет, нужно ему раздобыть курицу, напоить ее самым крепким и сладким, что есть в мире, и ждать, когда эта курица начнет нестись. Все цыплята, что вылупятся в первый луноворот, будут волшебными. Хватай их и в любой конец света — фьють! Главное — не забыть, что всё «чистое, горькое, крепкое и сладкое» должно быть из того места, где цыпу угораздило вылупиться, иначе рецепт не подействует.

Вторая часть сказанного Громенькова интересовала крайне мало. Всё, чего сейчас просила его душа, было прозаично до невозможности: изба-

виться от пернатых преследователей раз и навсегда. Поэтому, наскоро поблагодарив словоохотливого старичка и принявшись составлять в уме списки чистых и горьких продуктов, он торопливо зашагал вдоль берега.

Впрочем, путь его был недолог. Не прошло и получаса, как Громеньков добрался до переброшенного через реку моста, на противоположном конце которого о чем-то неспешно беседовали два человека. Первый из беседующих был высок и щеголял начищенными до блеска средневековыми рыцарскими доспехами, а второй, низенький и толстенький, был одет в одно исподнее, но груда валяющегося на земле железа указывала на то, что и он не чужд рыцарского духа.

— П-простите, уважаемые, — Громеньков, которому никогда прежде не доводилось разговаривать с настоящими рыцарями, запнулся и почувствовал, что колени начинают предательски подрагивать, а по спине бежит липкая струйка пота. — Не будете ли вы столь любезны сообщить мне, где в этом чудесном месте можно раздобыть...

Оба рыцаря, до этого мгновения, кажется, не замечавшие Громенькова, разом повернулись в его сторону, радостно хмыкнули, обменялись многозначительными взглядами и скороговоркой выпалили:

— С-кем-из-нас-благородный-дон-желает-сражаться-первым?

Громеньков икнул, смутился и поспешил объяснить:

— Вероятно, я не совсем ясно выразился. Дело в том...

— С-кем-из-нас-благородный-дон-желает-сражаться-первым?! — уже серьезнее рывкнули оба рыцаря и, не дождавшись ответа, схватили Громенькова под руки и молча поволокли в сторону темнеющего в отдалении леса.

Уговоры отпустить его и не совершать насилия над личностью должно-го действия не возымели, а за попытку вывернуться, Громеньков получил весьма ощутимый удар по уху рукой в железной перчатке.

Возле леса обнаружилась добрая сотня раскинутых под солнцем шатров, верхушку каждого из которых украшал вымпел с затейливо вышитыми вензелями. Приостановившись и основательно тряхнув Громенькова, толстый рыцарь зычно крикнул «Эге-гей» и продемонстрировал добычу выпавшим на поляну собратьям. А когда крики ликования утихли, Громенькова дотащили до крайнего из шатров, заволокли внутрь и оставили сидеть там под присмотром паренька лет четырнадцать.

— Чего им от меня надо? — Громеньков потер затекшие руки и вопросительно покосился на паренька.

— Как чего? Сражаться, конечно.

— С худым или с толстым?

— Со всеми. По очереди. — на лице паренька читалось явное недоумение. — Или благородный дон не знаком со здешними порядками?

— Не знаком. — сознался Громеньков. — Ты бы мне рассказал, а?

— Ну, значит так, — паренек, казалось, был только рад неожиданному слушателю, — в тех шатрах, что вдоль леса, живут рыцари. Дюжин десять, я так думаю. Они сюда три солнцеворота назад на турнир съехались. Турнир давно закон-

чился, а разьежаться никто не хочет — шибко сдружились. Только наскучило им за это время друг с другом сражаться, вот и ищут соперников, где придется.

— А когда находят, что делают? — опасно уточнил Громеньков.

— Ясно что — на поединок вызывают. Только за все три года ни один из пришлых у них еще не выиграл. Если благородному дону будет интересно, я могу показать поляну, где зарывают этих несчастных.

Лицезреть поляну Громенькову не хотелось. Он возмущенно фыркнул и заявил, что лучше бы благородные доны развлекались с амазонками, благо до них рукой подать, а приличных людей не трогали.

Паренек, все это время лениво покусывавший высохшую травинку, удивленно хмыкнул и покачал головой:

— Постыдились бы, благородный дон. Амазонки — они ж дамы, создания нежные и хрупкие. С ними так нельзя. Им только подвиги посвящать можно, ну, или оды слагать.

— Оды, — захихикал Громеньков, вспоминая, что эти «хрупкие создания» вытворяли с ним днем раньше. — Слушай, а чего они сюда сами не идут? Их ведь, небось, тоже скука одолевает.

— Может, и одолевает, — паренек пожал плечами. — Только им за границы их земель строго-настрого выходить запрещено — шуму от них больно много, и урон тоже не маленький. Вот и скучают за своим забором.

Громеньков кивнул и собирался спросить еще что-нибудь, как полотно шатра откинулось и внутрь заглянул давешний толстенный рыцарь.

— Выходи. Сражаться будем.

Сощурившемуся от яркого солнечного света Громенькову предстала достойная восхищения картина. Выстроившись в ряд, перед ним стояла добрая сотня облаченных в доспехи рыцарей. Рыцари поигрывали копьями и мечами и победоносно улыбались. Громеньков сглотнул: дело принимало совсем нехороший оборот. Нечего было даже и думать о том, чтобы справиться со всей этой оравой. Поэтому, Васильвасиличу не осталось ничего иного, как прибегнуть к старому доброму трюку: Громеньков вытянул шею, испуганно распахнул глаза и, тыча пальцем за спины рыцарей, сдавленно поинтересовался:

— Это кто?!!

Рыцари, как по команде, развернулись в противоположную сторону, а Громеньков, прекрасно понимающий, что долго эта заминка не продлится, изо всех сил рванул в лес.

Первую пару минут Громеньков слышал только звук собственного сбивающегося дыхания и хруст веток под ногами, а потом со стороны поляны донесся шум лязгающей брони и крепкие ругательства обманутых рыцарей. Васильвасилич напрягся, припустил еще быстрее, запетлял между деревьями и, наверное, ушел бы от преследования, если бы не споткнулся о выступающую из земли кочку. Перелетев через нее и основательно ударившись коленом, Громеньков непечатно выругался и совсем уж собрался продолжить состязания в беге, как кочка зашевелилась.

Громеньков охнул и попятился. Кочка, между тем, продолжала лениво подниматься, рассыпая с себя комья сухой земли и слипшиеся желтые листья. Несколько мгновениями спустя перед Громеньковым стоял чудовище с телом исполинской ящерицы и головой японского дракона — клыкастой и пучеглазой.

Громеньков громко икнул, развернулся на месте и припустил обратно, в ту часть леса, откуда доносился топот преследующих его рыцарей.

Секунды летели с сумасшедшей скоростью, в каких-то пяти метрах за спиной увиливающего от опасности Громенькова хрипела и плевалась тонкими струйками огня ящерица-великанша, а впереди уже мельками фигуры рыцарей в начищенных до блеска доспехах.

Когда расстояние до преследователей сократилось до критического минимума, Громеньков взвизгнул и с неожиданной для самого себя ловкостью полез на сосну. Сосна была старая, невероятно высокая и начисто лишенная веток на первых пятнадцати метрах от земли. Впрочем, до смерти напуганный Громеньков этого даже не заметил, придя в себя только тогда, когда большая часть пути уже осталась позади.

Выбрав ветку потолще и понадежнее, Громеньков уселся на нее, искренне жалея о лоскуте брюк, оставшемся на заборе у амазонок: поросшая длинными иголками ветка нещадно кололась и мешала наблюдать за происходящим внизу. А происходило там следующее: разъяренные рыцари и пыхающая огнем драконо-ящерица несколько секунд неподвижно стояли друг напротив друга, задрав головы вверх и наблюдая за ушедшей добычей, а потом, словно по команде кинулись друг на друга. Драконо-ящерица плевалась огнем, била хвостом и царапалась когтистыми лапами, каждая из которых без труда могла придавить к земле здорового быка, а рыцари, видимо, решившие потратить боевой задор на более благое дело, чем сражение со странным чужеземцем, резво наседали на рептилию с криком «Во имя трепетных амазонок!»

И, как не сильна была ящерица, силы оказались неравными. Не прошло и нескольких минут, как рептилия была повержена и рухнула на землю, где быстро сменила цвет с темно-зеленого на ядовито розовый, принялась уменьшаться в размерах и вскоре исчезла совсем.

Рыцари постояли под сосной еще с полчаса, уговаривая Громенькова быть мужчиной и спуститься, но, поняв безрезультатность своих попыток, ушли, оставив вместо себя того самого паренька, который так любезно развлекал Громенькова разговорами в шатре.

— Слушай, — окликнул паренька осмелевший и свесившийся с ветки Громеньков, — а куда эта ящерица делась? Вроде была-была и фррр — нету.

— Какая еще ящерица?

— Ну вот эта, пучеглазая, которую твои рыцари только что прикончили.

— А, — понимающе усмехнулся пацан, — это огнепых был. Его убивать можно.

— В каком смысле? — поперхнулся Громеньков, — на них что, сейчас сезон охоты открыт?

— На них всегда сезон охоты, — паренек захихикал. — Огнепых — он зверь необычный. Сегодня помер, а завтра на том же месте возродится. Охоться сколько влезет.

Следующие несколько минут Громеньков молчал, прикидывая, не является ли огнепых родственником фениксу, а когда решил уточнить у своего юного сторожа численность этих дивных созданий, оказалось, что паренек сладко спит, привалившись спиной к стволу сосны.

Громеньков задумался. В принципе, ситуация выходила не такая уж страшная. Если досидеть на дереве до ночи, и уснуть среди ветвей, утром всё равно проснешься в своем мире. Дело портил только один факт: ужасно хотелось есть. Громеньков повертел головой, сорвал с ближайшей ветки шишку в надежде наковырять из нее съедобных семян, но потерпел жесточайшее фиаско — чешуйки лежали одна к одной и ни за что не хотели отламываться.

Впрочем, на вершине соседнего дерева, чем-то похожего на пальму, болтались небольшие коричневатые плоды размером с картофелину. Громеньков осторожно пробрался на край ветки, которая, на его счастье, оказалась достаточно толстой, чтобы выдержать его вес, протянул руку и вцепился в неизвестный плод. Один рывок, и добыча перекочевала в карман пиджака, а еще через пару минут к первому плоду добавился еще пяток новых.

Вернувшись к основанию ветки, Громеньков вытащил из кармана неизвестный фрукт, критически оглядел его, и решился — надкусил. Под коричневой кожурой обнаружилась светлая мякоть, не имевшая ровным счетом никакого вкуса.

— Как картон жуешь! — возмутился про себя Громеньков и с сожалением подумал о шашлыках, которые они жарили на даче у приятеля меньше недели назад.

И стоило мысли о шашлыке придти в голову Громенькова, как коричневатый плод в его пальцах начал менять форму, стал мягче, потемнел и покрылся аппетитной поджаристой корочкой. Громеньков судорожно сглотнул и принохался: плод весьма явственно пах мясом. Васильвасилич закрыл глаза и, боясь, как бы чудесное наваждение не развеялось, впился в загадочный фрукт. Впрочем, через пару секунд он был готов со всей ответственностью подтвердить, что в его руках никакой не фрукт, а кусок самой натуральной баранины, причем зажаренной самым достойным похвалы образом.

Извлеченные из кармана плоды также оказались шашлыком. Насытившись и вытерев пальцы о брюки, Громеньков блаженно улыбнулся и принялся разглядывать сидящего под сосной мальчишку. Но мальчишка спал так сладко, а съеденный шашлык так хорошо улегся в желудке, что не прошло и несколько минут, как Васильвасилич задремал.

— Еще что-нибудь заказывать будем?

Громеньков открыл глаза. Перед ним, нетерпеливо постукивая карандашиком по открытому блокноту, стояла миловидная барышня в белом фартуке. За спиной барышни просматривался дымящийся мангал, а вокруг, за

расставленными прямо на тротуаре пластиковыми столиками сидела и обедала самая разношерстная публика.

Громеньков открыл было рот, собираясь ответить официантке, но в этот момент во внутреннем кармане пиджака завибрировал и запищал телефон:

— Да, солнышко, — притворно ласково отозвался Громеньков, увидев на определителе номер жены.

— Где тебя черти носят?! — хрипло рявкнули в трубке. — Вчера по бабам шлялся, а сегодня решил, что домой можно не вообще приходиться?!

На этом и без того короткий разговор оборвался: жена бросила трубку, а Громеньков спрятал телефон обратно в карман и задумался. Возвращаться домой было опасно (кто знает, что может прийти в голову разъяренной женщине?), идти на работу в таком виде, с прорехой на штанах и в пыльном измятом пиджаке, Громенькову не позволяла гордость. Васильвасилич вздохнул и затарабанил пальцами по столу, выстукивая услышанную накануне простенькую мелодию. Секунду спустя сверху донесся аналогичный стук. Громеньков вздрогнул и поднял взгляд.

На ветке старого каштана, тесно прижавшись друг к другу, рядом сидели десять цыплят и слаженно стучали клювами по коре. Громеньков судорожно дернулся и даже начал отодвигать пластиковое кресло в надежде сбегать подальше, когда вспомнил, что теперь у него есть рецепт избавления от этих надоедливых пернатых. Как там говорил старик? «Самое чистое и горькое»? Хе-хе. Где взять самое горькое Громеньков уже знал и не минуты не сомневался, что с «чистым» тоже разберется. Но для этого надо опять попасть туда, в тот мир. Громеньков ехидно ухмыльнулся и полез на стол.

— Мужчина, вы что делаете?! — официантка вытаращила глаза. Слезайте сейчас же!!!

Но Громеньков только отмахнулся и привстал на цыпочки, стараясь дотянуться до ветки с цыплятами. Но пернатые поганцы, раньше так и норовившие попасть под руку, на этот раз возмущенно распищались и, разделившись на две группы, торопливо разошлись к противоположным концам ветки.

Громеньков чертыхнулся и подпрыгнул на столе, что привело к весьма ожидаемым последствиям: стол, не предназначенный для таких акробатических этюдов, закрипел, плюнул в сторону официантки отломившейся ножкой и завалился на бок, а Громеньков, успевший таки уцепиться за ветку, болтался в полутора метрах от земли, потешно размахивал ногами и предпринимал не слишком успешные попытки взобраться на дерево.

И только тогда, когда раскричавшаяся официантка наконец умолкла, Васильвасиличу наконец удалось закинуть ногу на ветку и, подтянувшись, усестись на ней верхом. Однако напуганные подобными экзерсисами цыплята ловко поперескакивали на соседние ветки и теперь наблюдали за Громеньковым оттуда.

Следующие десять минут были ознаменованы шнырянием между ветвей каштана, не вполне цензурными обращениями к потенциальной пернатой добыче и свалившимся с ноги Громенькова ботинком. И только тогда, ког-

да на зов охрипшей от криков официантки явился милиционер, Громенькову, наконец, удалось вцепиться в крыло одного из цыплят.

В ушах еще стояла трель милицейского свистка, а Громеньков уже восседал в ставшем родным гнезде и, стараясь отдышаться, наблюдал за бегущими по небу облаками.

Дальше все пошло как по нотам. Пружинящая гора, кусты у ее подножия, воинственные крики амазонок, топот преследования за спиной, деревянный частокол и речка, из которой днем раньше Громеньков вытащил горюливого старика.

Впрочем, старик оказался у реки и на этот раз. Едва завидев идущего по песку Громенькова, он, ковыляя и опираясь на палку, зашпешил навстречу.

— Здравствуй, папаша! — улыбнулся Громеньков. — Как жизнь? Не простыл после вчерашнего?

Однако, вопреки всем ожиданиям, старик не изъявил ни малейшего желания перебраться с Громеньковым парой-тройкой любезной. Вместо этого он мертвой хваткой вцепился в лацкан Громеньковского пиджака и недобро прищурился и прошипел сквозь зубы:

— Ты меня чем опоил, чужеземец?

— Коньяком, — честно признался Громеньков. — Только я опаивать не планировал. Я просто так дал — для сугреву.

— Врёшьшь! — прошипел старик. — Сначала опоил, потом тайну выведал!

— Ничего я не выведывал! — возмутился Громеньков. — Делать мне больше нечего. Я спросил, ты ответил.

— Слушай, — старик вдруг перешел на просительный тон. — Раз уж я так опростоволосился, будь человеком, никому про рецепт мой не рассказывай, а? У меня и без того забот хватает — пяток дней назад целый выводок цып в дырку пространственную провалился, где теперь бегает — не знаю. Они хоть и порченные были, а всё равно жалко. А тут еще и я опростоволосился — проговорился о чем не надо.

Громеньков едва слышно хмыкнул, подумав, что уж кто-то, а он точно знает, куда занесло беглых цыплят, пообещал старику не рассказывать его секрете ни одной живой душе и двинулся дальше.

До моста, где вполне могли ошиваться скучающие рыцари, Громеньков не дошел — перебрался вброд через речку в полукилometре оттуда. А выбравшись на берег и вылив воду из единственного ботинка, осторожно потопал в сторону леса.

На цыпочках обогнув мирно спящего огнелыха, отыскал нужное дерево и, стараясь не шуметь, полез вверх. Среди листьев обнаружилось столько плодов, что ими запросто можно было бы накормить два десятка человек. Более того, с вершины дерева открылся замечательный вид на лес, и Громеньков радостно присвистнул, заметив, что то тут, то там, через ветви сосен и елей пробиваются верхушки таких же волшебных деревьев, на одном из которых он восседал в данный момент. Впрочем, решив не тратить время на излишние размышления, Васильвасилич сорвал ближайший из пло-

дов, зажмурился и представил стручок горького перца, который его теща все время норовила нашинковать в борщ. Плод послушно изменился: вытянулся, покраснел и через минуту его уже было не отличить от настоящего горького перца. Но Громеньков решил не рисковать: заранее кривясь, он осторожно откусил самый кончик стручка, тщательно разжевал и принялся отплеиваться, ликуя всем сердцем — сработало!

Опустив стручок на самое дно внутреннего кармана пиджака и для верности закрыв его парой сорванных листьев, Громеньков осторожно спустился с дерева. Теперь надо было найти второй компонент волшебного зелья. Нечто «самое чистое».

Вариант воды из реки Громеньков отмел сразу. Зеленоватая и отдающая запахом тины она никак не могла быть искомым компонентом.

Побродив среди деревьев, Васильвасилич наткнулся на узкую тропинку, которая уже через какие-то полчаса стала ощутимо шире, а еще через час вывела его на мощеную булыжником дорогу. Возликовав, он пустился по ней легкой рысью и совсем скоро вышел к окраинам небольшого городка. Некоторое время Громеньков бродил по улочкам, заглядывая в небольшие окошки харчевен, внимательно осматривал товары уличных торговцев, а один раз даже проехал пару кварталов на телеге, куда ему благосклонно разрешила сесть пышнотелая девица с гусем подмышкой.

Телега вывезла Громенькова на площадь, посредине которой журчал и плевался тонкой пенистой струей небольшой фонтан. У фонтанчика толпились люди с кувшинами. Громеньков радостно потер руки, понимая, что искомый компонент с кодовым названием «самое чистое» сейчас находится перед ним. Однако, стоило ему подойти ближе, как его радость мгновенно рассеялась: вода в фонтане имела желтоватый оттенок, а в воздухе висел густой запах спиртного. Громеньков протолкался сквозь толпу, стал одним коленом на опоясывающий фонтан каменный борт и пригоршней зачерпнул воду. Сделав глоток, Васильвасилич поперхнулся и вновь уставился на фонтан, решительно отказываясь верить своим глазам: к августовскому небу из медных труб била струя крепчайшего самогона.

— Ну и дела! — охнул Громеньков, когда к нему вновь вернулся дар речи.

— А у нас все неместные поначалу удивляются, — поддакнула ему тётушка в цветастом переднике. — Говорят, в других землях такого нет.

— Нету, — кивнул Громеньков и, решив не упускать подвернувшийся случай, поинтересовался. — Не подскажете, где бы мне тут водицы почище раздобыть?

— Подскажу, как не подсказать. — тётушка опустила на землю наполнившийся самогоном кувшин и указала в сторону городской стены. — Вот там ворота есть. Выйдешь через них и пойдешь по дороге, справа от тебя луг будет. А как он кончится, увидишь старый дуб. Сворачивай к нему. Он на самом утесе стоит. Внизу море, на море остров... Да не смотри ты на меня так, он не далеко. Любой мальчишка доплывет. А на острове родник — чище этой воды нигде не сыщешь.

Громеньков, порядком расстроенный тем, что придется проделать такой долгий путь, все же не забыл поблагодарить добросердечную горожанку и даже предложил ей помочь донести кувшин до дома.

— Иди уже, герой, — усмехнулась тётушка. — какой из тебя помощник? Ты вон второго ботинка — и то раздобыть не можешь.

Громеньков покосился на собственную ногу. Выглядела она и в самом деле жалко. Когда-то черный носок теперь стал серым от пыли, а на большом пальце зияла дыра.

— То-то же, — тётушка по-родственному потрепала Громенькова за щеку, водрузила кувшин на плечо и скрылась в переулке, а Васильвасилич вздохнул и направился к городским воротам.

Спустившись с обрыва по тоненькой, вихляющей из стороны в сторону тропинке, Громеньков бросил прощальный взгляд на дуб, сунул руку в карман, удостоверившись, что стручок перца никуда не делся, перекрестился и полез в воду. До острова было не более пятисот метров, но Васильвасилич добрался до него гораздо позже, чем планировал: сквозь нежно-голубую воду идеально просматривалось песчаное дно, поросшие дивными кораллами камни и сотни ярких рыбок, стайками снующих среди колышущихся водорослей. Не засмотреться на эту красоту было просто невозможно. Однако оба солнца, которыми был одарен этот мир, опускались все ниже и ниже к горизонту, и Громеньков заторопился на сушу.

Найти родник не составило ни малейшего труда. Строго говоря, на крошечном островке не было ничего, кроме него и двух десятков поросших мхом камней. Громеньков подставил руку под струю, отхлебнул воды и блаженно улыбнулся — вода была ледяной и на удивление вкусной.

И только в этот момент Громеньков с ужасом осознал, что не запасся никакой, хоть самой плохонькой тарой. Наливать воду было решительно некуда.

После минутных раздумий, Васильвасилич стащил с ноги ботинок и зачерпнул им воды из крошечной запруды между камнями. Но ботинок, которому за последние несколько дней досталось ничуть не меньше, чем его хозяину, воду удерживать категорически не хотел. Она вытекала сквозь мелкие трещинки в коже, сочилась сквозь отверстия для шнурков и мощным потоком выливалась из носика ботинка, который с самого утра «просил каши».

Громеньков был готов взвыть от обиды. Если бы переход в его собственный мир осуществлялся по мановению руки, можно было бы просто набрать воду в пригоршню, но это было, увы, невозможно — за то время, которое понадобится Громенькову, чтобы уснуть, вся вода успеет вытечь.

Пробродив по острову и с грустью отметив, что до захода обоих солнц осталось совсем немного, Громеньков решил на крайний шаг. Набрал в рот воды, уселся на песок, прислонился спиной к большому шершавому камню, поднял с песка обточенный морем гольш, попросил у судьбы хоть капельку везения и со всей силы саданул себя по лбу.

За окном, надрываясь, выла сигнализация соседской машины, рядом, тихонько посапывая, спала жена, а Громеньков лежал в кровати, смотрел в потолок и боялся вздохнуть. Получилось! Все-таки получилось! Во рту плескалась и вкуснейшая вода, а в кармане, больно утыкаясь Громенькову в бок, лежал стручок горького перца.

Осторожно выбравшись из-под одеяла, Васильвасилич протопал на кухню, вытащил из сушилки фарфоровую тарелку, склонился над ней и, стараясь не потерять ни капли, открыл рот.

Дело оставалось за малым — отыскать желтоперых негодяев, которые так изощренно портили ему жизнь последние несколько дней. Громеньков обошел всю квартиру, посмотрел в ящиках стола и платяном шкафу, заглянул под кровать и даже не поленился открыть сейф — цыплят не было нигде. Васильвасилич тяжело вздохнул и решил, что пернатые разбойники вполне могут ждать его и на работе, как из коридора донесся оглушительный мяв, и на кухню влетела кошка Жози. В полуметре от нее, пища и дико молотя крыльями по воздуху, несся цыпленок. Громеньков было дернулся в его сторону, но вовремя одумался и даже влез с ногами на стул — рисковать сейчас, когда все необходимые для зелья ингредиенты уже лежали на столе, было крайне неосмотрительно.

И, не прошло и нескольких секунд, как Васильвасилич убедился в том, как правильно только что поступил: Жози таки догнала цыпленка, прижала его лапой к полу и даже успела раскрыть рот, как в кухне раздался легкий хлопок и кошка пропала.

Не желая повторить судьбу пушистой красавицы, Громеньков дотянулся до подоконника, где стояла пустая двухлитровая банка, вцепился в нее, аккуратно перевернул вверх ногами и мгновение спустя опустил на пол, запирая цыпленка под прозрачным куполом.

С остальными девятью красавцами тоже удалось справиться без особых проблем — семеро из них нашлись в кошачьем домике, а еще двое — в новом сапоге жены. Аккуратно собрав всех пернатых в коробку из под принтера и опустив туда тарелку с водой, в которую предварительно был мелко покрошен сорванный с волшебного дерева горький перец, Громеньков выволок временную цыплячью тюрьму на застекленную лоджию, закрыл крышкой и для надежности заклеил скотчем. Потом, натыкал в стенах коробки небольших дырочек, которых, по его расчету должно было хватить, чтобы птенцы не задохнулись раньше времени, и с довольным видом пошел принимать душ и переодеваться из подранного костюма во что-то более приличное.

Весь день супруга Громенькова разыскивала неизвестно куда запропастившуюся кошку и очень удивлялась странностям мужа, накрепко запретившего ей выходить на лоджию, где, по его словам, стоял ящик с безумно дорогим японским оборудованием. Впрочем, жену Громенькова в тот день крайне мало заботили какие-то коробки. Сказав, что убегает по делам, Васильвасилич ушел рано утром, и вернулся через два часа с огромным букетом роз и не менее огромным золотистым пакетом, в котором, к неописуемой радости любимой супруги, обнаружилась шикарная норковая шуба.

Через два дня, решив, что к этому времени цыплята почти наверняка должны были отведать оставленной им воды с перцем, Громеньков осторожно открыл коробку и опустил туда пытающуюся вырваться из рук Жо-зи. Потыкав кошачьей лапой в каждого из цыплят и убедившись, что кошка никуда не делась и деваться не собирается, Громеньков по-детски захопал в ладоши, и заплясал вокруг открытой коробки. А полчаса спустя та же коробка уже в качестве подарка перекочевала в руки консьержки Клавдии Ивановны, не раз рассказывавшей Громенькову о том, что живет в пригороде и мечтает разводить хоть какую-нибудь живность.

Всю следующую неделю Громеньков был невероятно счастлив. Улыбался всем без разбору, не переставая, напевал что-то бравурное и даже выдал каждому сотруднику по внеочередной премии. Но этой безмятежности было суждено кончиться.

Громеньков проснулся среди ночи, какое-то время лежал, глядя в потолок, а потом прошлепал на кухню, закурил и тяжело вздохнул. Родившаяся идея была простой как две копейки и гениальной до невозможности: Василь-василич решил организовать турфирму «Рай для настоящих мужчин». Название выходило длинноватым, но Громеньков ни секунды не сомневался в том, что дело окажется прибыльным, а от клиентов не будет отбоя — мало кто способен отказаться от всего того, что можно испытать за сутки пребывания в волшебной стране. Громеньков даже представил себе красочные рекламные буклеты. Они зазывали клиентуру и за весьма небольшую сумму обещали каждому мужчине все возможные развлечения и радости жизни: экстремальное скалолазание, дайвинг, ночь в компании знойных амазонок, любые блюда любой кухни мира, неограниченное количество спиртного, возможность поохотиться на дикого зверя или даже совершить ратный подвиг.

Перебрав в голове все вышеперечисленное, Громеньков еще немного побродил по кухне, улыбнулся собственному отражению в чайнике и, почувствуя скорую наживу, довольной потер руки.

На следующее утро секретарша Лерочка, приходящая на работу раньше всех, заглянула в кабинет шефа и обомлела. На столе Громенькова стояло пять бутылок водки и огромная банка меда, в углу кабинета громоздились ящики, из которых доносилось недовольное кудахтанье, а сам шеф, зажав подмышкой вырывающуюся курицу, с улыбкой выводил на стеклянной доске загадочную надпись «самое крепкое и сладкое».

АЛЕКСАНДРА БОЛГОВА

ЛОГОС

Все совпадения личностей и событий с реальными являются случайными в той мере, в какой их сочтет таковыми читатель.

Автор

Е ЗНАЮ, КАК ВЫ, А Я ВЕРЮ В БОГА. С СЕГОДНЯШНЕГО дня. И сейчас, пока метро качает меня по ветке, тянущейся через весь город, я могу вспоминать...

Все, конечно, знают, что было в Начале. Ну и у меня тоже сначала было... школьное сочинение. Которое я писал у одноклассника, в гулкой и сумрачной квартире академического дома, где комнаты были не просто комнаты, как в нашей коммуналке, а имели имена собственные: Столовая, Кабинет, Спальня, Гостиная, Детская. Мы располагались, конечно, в детской.

Виталик, Талька, не взирая на необъятную библиотеку и соответствующее квартире воспитание, к урокам русского и литературы относился прохладно. Ему для занятия столь неинтересным делом был нужен стимул. И стимулом этим был я. Попросту говоря, мы с ним соревновались — и в количестве и в качестве написанного. Наши черновики на банальную тему «Как я провел лето» достигали объема тонкой тетрадки, а уж по более серьезным темам мы писали трактаты. Все это читалось вслух, потом я красным карандашом редактировал оба черновика, и мы старательно переписывали ровно столько, сколько нужно было нашей русичке. Его родители радовались очередной пятерке, меня поили чаем с пирожными и приглашали приходить почаще. Но почаще не получалось: моя жизнь сильно отличалась от Талькиной, и уложиться в его скользящий график музык, репетиторов, бассейнов и иностранных языков я не смог бы при всем желании. От сочинения до сочинения мы только здоровались в классе. Ну, может быть, еще были какие-то пионерские дела, типа сбора железного мусора по окрестным свалкам, куда мы тоже ходили вместе, и все. Талька даже не гулял в моем понимании: не гонял банку зимой или мяч весной, не лазал по гаражам, не ловил рыбу в пруду ведомственной больницы, не строил снежных крепостей. Попросту говоря, он не был моим другом, хотя я не задумывался тогда об этом.

С каждым разом нам становилось все сложнее определять победителя. Талька неплохо поднаторел писать разную привычную галиматью, поэтому по объему мы друг друга не обгоняли: просто писали, пока тетрадка не кончалась. А вот качество... Мы быстро поняли, что наковырять в чужом тексте различных огрехов можно всегда, и обсуждения превратились в бои без правил. В конце концов Талькиной маме стало интересно, почему мы пишем сочинение с таким шумом и, главное, так долго. Мы обрадовано усади-

ли ее слушать. Наталья Павловна выдержала только полчаса. Потому что в то время, когда один из нас читал текст, другой развлекал его ехидными подковырками, которые не оставались без ответа...

Так наши творения попали на суд к Талькиному деду. Пока он читал, мы сидели на жестких деревянных стульях у двери кабинета, чувствуя себя экспонатами в музее. Дед читал молча, изредка хмыкая, словно в такт какой-то фразе. Потом отложил тексты и сказал: «У Сергея лучше. Объяснить почему?». И после нашего кивка выдал короткие, но полные характеристики одного и другого текста. Получив тетрадки, мы поспешили восwoяси, но у двери меня догнал густой голос Талькиного деда: — Ты, Сергей, сам-то чувствуешь, ЧТО пишешь? — Ну, наверное... — промямлил я. Разговор был неуютен, как осмотр врача. — Тогда пора уже быть поосторожнее... — непонятно закончил дед и кивком отпустил нас.

После этого дед сказал Тальке, что мы можем в любое время давать ему свои творения, но в кабинет больше нас не звал. Просто наши черновики возвращались с его пометками. Иногда это было одно-два слова: «Чушь!» или «Стыд!». Но чаще дед писал подробнее... Не скажу, что это не помогало нам, но исчез какой-то задор в наших состязаниях. Можно было писать и раздельно. Можно было вообще не писать. Я стал бывать у Тальки реже и реже. Потом он перевелся в математическую школу и пропал из виду на несколько долгих лет.

Было это в середине выпускного класса, на том рубеже зимы и весны, когда и погода, и авитаминоз не способствуют хорошему настроению. У нас опять запил сосед. Делал он это тихо, но удивительно тоскливо, и каждое утро начиналось с его пустого взора на общей кухне. В общем, в школу я пришел в том настроении, которое хочется на ком-то сорвать. А после уроков меня на крыльце встретил Талька. — Пойдем, — сказал он сухо и даже сердито, — Дед просил тебя привести. — Зачем? — сказал я, озираясь. Вот-вот должны были вывалиться из дверей наши парни, мы собирались купить пива и посидеть в сквере за фабрикой. И вряд ли наши оставили бы без презрительного внимания приход Тальки. Заодно и мне досталось бы за общение с перебежчиком. И так мне перепало за статьи в школьной стенгазете и за никому не понятный литературный клуб при районной библиотеке. — Не пойду я никуда! — прошипел я, отпихивая Тальку. — И ты вали отсюда, математик! — Сергей, прекрати, тебя дед зовет! — вцепился мне в рукав Талька, но я стряхнул его руку и почти побежал со школьного двора. Сзади уже хлопала дверь, кто-то свистел. Я не оборачивался. У самой троллейбусной остановки Талька догнал меня и рванул за плечо так, что я крутанулся на месте. — Дед умирает. — сказал он каким-то скрежещущим голосом. — Он знал, что ты не придешь. И велел передать тебе вот это, — в руке у Тальки был толстый коричневый конверт, но он не протягивал его мне, а наоборот, прятал в карман. — Только я должен знать, что ты прочтешь. Дед сказал — это очень важно. — Талька задыхался, но не от бега, мне показалось, что он вот-вот разрыдается, но глаза смотрели на меня сухо и зло. —

Умирает? — по-дурацки переспросил я. Все, что стояло за этим словом разом вошло в меня, как холодный ветер: вместо того, чтобы быть там, с дедом, с родителями, Талька бегает по хлюпким улицам за каким-то идиотом, которому надо срочно отдать конверт, будто нельзя... после. Когда отпустит боль, когда пройдет время.

И мы побежали. Талькина квартира встретила нас запахом лекарств и дешевого столовского компота. Я мялся у вешалки, пока Талька прямо в ботинках бегал к кабинету. Потом мы ждали в коридоре, и мимо нас ходили какие-то тетки, никогда прежде мною здесь не виденные, и я не спрашивал, кто это, и Талька молчал.

К деду меня пустили, когда окна уже затягивала оранжевая муть включившихся на улице фонарей. Старик даже лежа не выглядел больным, и постаревшим он мне тоже не показался. Но начал он говорить не сразу. Талька поймал его взгляд и молча вышел. — Сергей? Ты пришел все же? Ну ладно, много я сказать не успею, сейчас Наталья тебя прогонит, — он даже усмехнулся, — а главное для тебя в конверте. Будь осторожен. Не берись за невозможное. У тебя получится. — Что? — не выдержал я. — Что получится? — Изменить... мир... Теперь стало видно, что слова ему даются с трудом. Но он продолжал говорить, а я — ловить эти сухие обломки фраз, которые походили бы на бред, если бы не ясный взгляд старика. Я слушал про Слово, которое он называл Логос, подобное жемчугу в тоннах песка, обладающее силой воплотить мысль в реальность. Редкий дар, большая мощь. Не потерять. Не дать отнять. Найти других.

Голова у меня начинала кружиться то в одну, то в другую сторону, стены медленно плыли, готовясь расплавиться. Надвигалось, приближалось большое и холодное, и только слова не давали ему войти в комнату, поглотить, растворить. Мне казалось, я раз десять прослушал одну и ту же фразу. Наконец старик замолчал, откинулся на подушки. Я попытался что-то ответить, но надвигающееся давило, давило. Потом оно минуло меня и вошло в старика, резко затенив ему подглазья и губы, сбив дыхание. Не помню, как я вышел из кабинета. Талька снова вел меня по коридору, я видел, как он озирается на мать, входящую в кабинет и больше всего я хотел тогда поскорее уйти, но мы оказались на кухне, где странные тетki варили в большой кастрюле рис с изюмом. Нам налили чаю, я выпил его залпом, как лекарство, и начал прощаться. Талька остался сидеть на кухне, когда я бросился к двери. Позже я узнал, что Талькин дед умер через час после моего ухода. В конверте оказались куски моих черновиков, которые я оставлял у Тальки, Некоторые фразы были подчеркнуты рукой деда. И несколько адресов: московских, ленинградских и даже сибирских. Я засунул конверт в альбом с моими фотографиями, а весной подал документы в медицинский...

Студенческая жизнь в чужом городе — что ее описывать? Общага, приработки, письма домой. Здесь тоже нашелся литературный клуб, вернее группа «литераторов» моего возраста, кочевавшая по школам и красным уголкам. Что-то не заладилось в верхах с молодежными клубами, за

пять лет место сбора менялось раз пятнадцать. Кто знает, чем тогда занимались в этих клубах, тот и сам представит, а кратко: были и конкурсы, и веселые праздники, пикники на природе и поездки в другие города, разговоры до утра, первые рукописи, отправленные в «настоящие» редакции, и самодельные альманахи. И слова, слова: то непокорные, корявые, то легкие, послушные. Мы наслаждались ими. Играли. Меняли. Выворачивали их, как флексагон, собирали, как кубик Рубика. Мы фехтовали словами и швырялись ими, как булыжниками. Мы попадались в собственные ловушки. Мы творили.

Были первые ответы редакторов: «Ознакомившись... к сожалению... отдельные недостатки...». А потом — даже пара рассказов, всплывших из безответного небытия, в честь каких-то молодежных конкурсов, проводимых крупными журналами... Восторг, гордость, попытки сесть и немедленно написать еще лучше...

После второй моей публикации -я как раз перешел на третий курс — к нам на заседание клуба пришел мужик. Лохматый, заросший бородищей, похожий то ли на геолога, то ли на заматерелого хиппи. Впрочем, оказался он всего на пять лет старше меня. Что уж мы в тот раз обсуждали, не помню, но каждый посматривал в угол: не выскажется ли гость? Одна из наших девушек, Дэнка, угостила его бутербродами в перерыве. Мужик бутерброды съел, закурил, и завел разговор про переводной самиздат. Себя он назвал Александром, вот так, без сокращений. Александр Орляков. Дэнка передразнила его:

— А, Лександы-ыр! Почему-то это нас насмешило. Но никто так и не перешел на Сашку или Шурку. Мы вышли из клуба с ним вдвоем: мне хотелось спросить про самиздат, да и ехали мы в одну сторону. Вечерний автобус полз неторопливо, нарезая круги по микрорайонам, Александр вынул из «дипломата» пачку машинописных листов: то ли Хайнлайна, то ли Азимова. Полистал, показывая мне названия. А потом, внезапно, без перехода, сказал: — А я, в принципе, по твою душу приехал. Рассказик на конкурсе был твой? — Мой, — испытывать удивление и гордость одновременно мне еще не доводилось. Щеки ощутимо залил жар. — Вроде бы ты еще где-то печатался? — Александр смотрел на блеклые листы — третья, а то и четвертая копия. В его голосе было что-то непонятное. Мелькнувшие были мысли о приглашении какой-нибудь редакции разбилась об этот тон. А кому еще это надо? Во рту пересохло: ведь есть люди, которым всегда от всех что-то надо. Особенно в неформальной среде. Связь с самиздатом... — Я не из Конторы, — усмехнулся Александр. — Я сам такой же... писатель. — слово «писатель» он произнес с легкой насмешкой. — Печатался кое-где, ну и тебя заметил. Решил познакомиться поближе, когда в ваш город занесло. Но что-то было за его отведенным взглядом, что-то приближалось ко мне так же ощутимо, как когда-то ощутимо шла по коридору Талькиной квартиры Смерть. Я вспомнил тот день — весь, от дребезжания будильника, от тоскливого запойного соседа, до мутно-оранжевого вечера, когда я шел домой,

как Иван-дурак, нашедший волшебную палочку. Ненужную, опасную, но сулящую так много... — Логос, — я не спросил, а скорее озвучил свои воспоминания. Но Александр кивнул: — Угу. Значит, ты знаешь. Пора браться за дело, а то пишешь без разбору, как попало, а людям за тобой следи... Мне представились курсы для начинающих Иванов-дураков: для тех, что с палочками, для тех, что с перьями Жар-птицы, и для всяких с кладенцами, самобранками, сапогами и горбунками... Потом они все становятся Иванами-царевичами, находят своих лягушек... Меня разобрал смех. Краткосрочные курсы демиургов. Повышение квалификации — от творчества до Творения. Я всегда знал, с тех самых сочинений, как звенит в душе удачная фраза, как меняется лицо человека, в которого попал этот заряд. Один на тысячи пустых слов. Как сложно плетется сеть повествования, словно неумелыми пальцами — за коклюшки мастерицы, и через каждые сто узелков — бисеринка... пробовал я у тетки-кружевницы в деревне когда-то. Но вот объединяться с кем-то, учиться чему-то у других, может быть даже реально ощутить то, что я могу сделать, увидеть результат — не хотел. Боялся или даже брезговал. Боялся себя, и брезговал себя же: со своими желаниями, страстями и комплексами я никак не годился на такую роль. Потому я и не писал по адресам из коричневого конверта. Сам по себе я был обыкновенен, а с силой Логоса — страшен. Маленький фюрер в моей душе пока не имел надо мной власти... Я хотел тогда просто писать.

Как странно помнить эти мысли — теперь не имеющие ко мне отношения, словно чужие, но так и оставшиеся внутренними, слова. Но так я тогда думал, и появление Орлякова стало поводом к новым самокопаниям. Пробыл он у нас с неделю, и разговоры с ним были как уроки фехтования: он острил, язвил, цинично огрублял, я сопротивлялся, уходил, пробивал защиту, отступал. Потом я мотался к нему в Москву. Мы сидели летним днем в стеклянном аквариуме молодежной редакции, приходили и уходили разные люди, плавали невероятные пласты сигаретного дыма, редактор Павел Мухин иногда выбирался с нами в кафетерий, и никто не вербовал меня вставать стройными рядами. Просто несколько раз приносили рукописи: отпечатанные или написанные на листах из тетрадки, и просили: найди кусок и переделай. Я двигался по тексту, как минер, напряженный до тошноты, находил, исправлял. Иногда это были почти безобидные кусочки: кого жадность заела, кого обида, кто простенько мечтает о славе. Законы Логоса постигались мною как бы изнутри, и в то же время за каждым законом стоял конкретный текст.

Допустим, мои школьные сочинения мало кого могли бы взволновать. Я не рассчитывал на аудиторию, их читали Талька да учительница. Значит, даже чисто выписанный кусок не мог «сработать» — у него не было адреса. Статьи в стенгазете — уже немного сильнее, но там необходимость всем угодить: редколлегии, учителям, одноклассникам, как бы размывала силу слова. Во всяком случае, у меня. Какие-то наброски, написанные «в стол» так же мало действовали, как пустая гильза — стреляет. Пиши сколько

угодно. Пока не решишь, что получается, пока не почувствуешь: пора поделиться с другими, неважно, друзьям почитать или в журнал отправить. А то еще проще: письмо. Конкретно адресованное слово. Многое зависело и от того, насколько одарен автор...

То, что пытались делать эти люди, знающие про Логос, казалось мне бессмысленным, как попытка грести против водопада. Никакой у них тайной организации не было, просто по цепочкам передавалось то, что найдено, узнано где-то, или что нужно сделать. Мне казалось странным, как это может работать, и не было желания участвовать в массовом самобмане. На одну разминированную мною рукопись наверняка есть сотни других, уходящих к чужим людям, которые ничего не знают, и любая из них может нести в себе Логос — как радиоактивный кусочек, как глоток живой воды. Я не спрашивал никого: зачем и что дальше. Не пытался узнать: давно ли люди поняли, что пытались сделать и что — смогли. Я придумывал разные ответы сам, и они мне не нравились. Радовало хоть то, что никто из моих новых знакомых не стремился воплощать какие-то утопии, осчастливливать мир в добровольно- принудительном порядке. Потом я на время перестал приезжать к Орлякову, и общение с московскими книголюбями стало периодическим.

Скажу честно: я пытался что-то сделать сам. Лечить. Делать счастливыми. Мстить. Подталкивать судьбу. Так, когда я был на четвертом курсе, родители переехали в город, где я учился, получили квартиру. Девушка из группы избавилась от астмы. Отчислили комсомольского стукачка, весьма неприятного типа. Помирились несколько знакомых. То я верил, что это моих рук... то есть ручки дело, то не верил. Писать в стол я тоже продолжал. Уже не мог не продолжать.

Самый безопасный жанр для того, кому подвластен Логос, конечно же, фантастика. Был это мой вывод, или его подсказал кто-то, уже не важно. Очень простое решение: не можешь не писать, пиши про выдуманный мир. Одна-две детали, типа, «он проснулся», «она выключила телевизор» в последней фразе, конечно тоже помогают, но создание своих миров с этим не сравнить. Вселенные — здесь и сейчас! И люди — живые. Только ничего из написанного никогда не придет в этот мир. Поэтому бисеринки Логоса я не прятал, не убирал из текста. Я мог написать совершенно бессмысленную фразу и развить из нее сюжет. У меня в голове поселилось множество различных людей, через некоторое время я не мог сказать, кого из них я придумал, а кто встретился мне в жизни. Хитрый дедок-ложкорез и уставшая от запаха еды повариха, чертежник, рисующий по вечерам крохотные миниатюры отточенным карандашом и девушка, которая не умеет петь, большая семья и одинокий астронавт, мальчик-солдатик на заставе среди заросших морошкой сопок и кассирша из огромного универсама, которая на балконе пытается вспомнить названия почти неразличимых в городе звезд... Все они толкались, стремясь попасть на бумагу, доказывали мне, что вот именно тут им самое место. Мои рассказы никогда никто не «чистил». Ну,

могли изуродовать в праведном стремлении «довести до ума» те, кто не только про Логос — про русский язык мало что знали...

Закончив институт, я работал в больнице, писал по ночам или по утрам, отоспавшись после дежурства. В это время мне довелось поездить на творческие семинары. Приглашения всегда присылали из Москвы, но мотался я по многим городам. Ощущение свободы и легкий снобизм этого образа жизни пьянили. Там встречались старые знакомые — и Орляков в том числе. Мы пили, уже не только чай, а разговоры все так же напоминали изящный танец с клинками в руках. Приятное времяпровождение, споры, после которых рождались сюжеты, или исчезала досада на очередную неудачу. Разговор о соавторстве зашел во время какой-то конференции. Я уже пробовал писать в тандеме, другой начинающий автор тоже имел такой опыт. Так что мы начали обмениваться впечатлениями: чем это лучше, чем хуже. Присутствующие, конечно, разделились, как и мнения: смех и серьезные доводы, выкрики и шепот на ухо. Вспоминали разные пары соавторов, которые одним нравились, другим нет. Этот спор мы с коллегой решили продолжить наедине: что-то он затронул в нас обоих. Заодно познакомились ближе. Петр, которого иначе, чем Пит, никто не звал, был осведомлен о Логосе. Более того — он несколько лет был рабочей лошадкой на этой ниве. Правда, не в Москве. — Я был тогда, можно сказать, пацан. А тут такие люди, понимаешь? — усмехался он, сидя на подоконнике в моем номере. — Я был готов на что угодно для них. Ходил на семинары и чувствовал себя приобщенным. В это время как раз пошла первая волна мистической чернухи: газеты, тоненькие книжечки. Меня бросили на Кочеткова, как на амбразуру. Исправлять свои тексты он бы не дал, маньяк. Я даже не знаю, пытались к нему подступиться или нет. Скорее всего, про Логос он не знал. И, к счастью, дано ему было немного. Но писал — как в три руки. Оставалось одно: издавать такие же дешевые лотошные книжечки, и в них печатать нейтрализующие вещи. Он про конец света — я про рождение Вселенной, он про монстров — я про добрых пришельцев, — Пит пожал плечами и снова наполнил эмалированную кружку чаем. — Так и начал писать. Перестал чистого листа бояться. Сперва гнал количество. Такая шелуха была, главное Логос вложить. Конечно, менял псевдонимы. Потом устал. Пока отдыхал, придумывал разные способы обезвредить Кочеткова: письмо ему послать или рукопись подсунуть, например. Даже пытался написать это письмо... — Пит замолчал, видимо припоминая текст письма.

— А потом, — спросил я, потому что мне показалось: это обо мне, только я из той реальности ускользнул, не дал поставить себя послушной гирькой на чашу весов. Шел, судя по всему, четвертый час утра, когда даже у трезвого-то человека голова слегка кружится и развязывается язык. — Что сделали с Кочетковым? — Сделали, не знаю, кто, только не я. Теперь в его книжках Логоса нет. Проверяют, конечно, наверняка, но уже для подстраховки. — А ты? — А я в это время занялся переводными текстами. Понимаешь, переводчик — он вроде как соавтор писателю. Если они одинаково видят мир —

Логос усиливается. Если по-разному — ослабляется. Халтура вообще на нет его сводит. Это очевидно. И редко, но бывает, когда переводчик Логосом владеет, а писатель нет. Вот я занимался тем, что сравнивал переводы. Не столько для издательства, сколько для анализа. Пробовал сохранить Логос, отходя далеко от изначального текста. Иногда получалось. Ну, ты знаешь. — А соавторство? — Это попозже было. Несколько кусков мы погубили — не вышло компромисса, а так ничего. Вроде как тоннель копать с двух сторон: может встретиться на середине, а может, будет два тоннеля. — У нас не так было, мы вроде бы играли... допустим, мяч перебрасывали. Когда в руки, когда в стенку, а когда и по очкам. — У тебя ж нет очков... А, понял! — Ну да... — мы посмеялись. — Там есть несколько кусков... Скажем так, неожиданных. — Когда такое получалось, мы их просто не трогали. Все-таки нельзя разделить — кто что написал. Это словно третий человек был — состоящий из нас двоих... — Если бы можно было найти идеального соавтора! — Пит потянулся и перебрался на кровать. Лег на спину по диагонали. Пожалуй, мы с ним могли бы попробовать... когда-нибудь... — А какой он, идеальный? Это ведь не экипаж космонавтов подбирать или там супружескую пару, — Я размышлял вслух или ждал ответа? — Ну, начнем с того, что она негр... — вспомнил Пит старый анекдот. — Пожалуй, она — это правильно. Женщина должна лучше дополнять мужчину. Давай подумаем... Значит, чтобы никаких перерасходов энергии, должна быть сильно старше... никакого секса, только творчество... — Худенькая, маленького роста, блондинка со светлыми глазами, не врач, а наоборот — это милиционер, что ли? — Патологоанатом. Думаю, внешность тут не причем, даже наоборот: как представляю себе тощую старуху, вот она смотрит, как я кусище мяса себе жарю, и губы поджигает... Не пьет... Не курит... — Ладно, внешность оставим, а профессия? — Тоже неважно. Важно, чтобы она до встречи со мной не писала, а тут вдруг начала... — Творческая дефлорация? — Пит фыркнул. — Да нет, просто мы же придумываем МНЕ соавтора, а не ей, значит я в этой паре ведущий. Бывает же, что люди на старости лет начинают рисовать или петь, а вот она — писать! — Фантастику? — Ну и что? — Ладно, давай дальше. Значит, лет ей будет около... — Шестидесяти! — М-м... не многовато? Впрочем, кое-кому столько и есть, а как пишут! Трудная комсомольская юность, войну на заводе... или в эвакуации? Взрослые дети, взрослые внуки и еще ни одного правнука, а то будет дергаться. Гуманитарное образование... какое образование может быть в эвакуации? — Сельскохозяйственное. Верблюдоводство и ассенизация... то есть мелиорация. Мы еще немного поохмили, но разговор уже не клеился: слишком хотелось спать. Все это казалось несерьезным трепом, который забудется через неделю...

Но ровно через неделю — уже дома — я проснулся с твердой уверенностью: я сделаю это. Чего бы мне это не стоило, сколько времени бы не заняло, я создам себе этого идеального соавтора. Я начал с пробы пера, с набросков. Несколько неудачных экспериментов мой пыл не охладили. Придуманный давний друг (я написал только сцену прощания в пионерлагере)

приехал на два дня, по дороге в горячую точку. Он был весь ужасно правильный и говорил какими-то книжно-пионерскими фразами. Он рвался совершить подвиг. Похоже, я его сильно разочаровал. Потом я описал в порыве вдохновения дочку маминой подруги, которую должен был встретить на вокзале. Я ее никогда не видел, и решил порадовать себя общением с интересным человеком. Женщина, наделенная на бумаге различными достоинствами, во-первых, оказалась низкорослой худышкой, с жутким акцентом и сутулой спиной, во-вторых даже не заговорила со мной, только поздоровалась. Она, несомненно, была умной, доброй, чуткой, обладала чувством юмора и замечательной интуицией, но оказалось, что без образования, хорошей одежды, нормальной работы, здоровья и прочих, опущенных мною в тексте мелочей, все это не имело значения.

Экспериментальные куски я вставлял в свои рукописи, чтобы они действовали. А вот Ее, соавтора, начал «делать» отдельно. Провалились у меня эти наброски несколько лет. Смысл кропотливой работы с текстом сводился не только к тому, чтобы Логос был практически в каждой фразе, но и к подгонке деталей к реальности. Так, я замкнул цепочку знакомств, через которую должен буду потом найти ее, на Орлякова. Потом пришлось рыться в исторических книгах — пытаться воссоздать детство, юность. Я уже знал, что достаточно одной фразы для их возникновения, но фраза эта не получалась. Не видел я ее — ни в довоенной Москве, ни в военном Казахстане. Не чувствовал. Более того — начало появляться отчуждение. Я не мог быть так един, как задумывалось, с человеком из того времени. Хотя у меня были знакомые вдвое и даже втрое старше, с которыми мы находили общий язык, общие интересы, но не до той степени... Иногда мне казалось, что создать на бумаге просто женщину для себя я смог бы с меньшим трудом. Но жена у меня уже была, вполне реальная и любимая.

Читал эти наброски я всем, кому не лень было слушать. И надеялся получить совет, и давал возможность Логосу прорасти в жизнь. Потом правил куски. Снова читал. Снова правил. Я возвращался к ним, когда писалось легко и когда наступал кризис, дома и в разъездах. В Москве я бродил по улицам и выбирал — где ей жить? Какой двор, какой парк она вспоминала в пыльной степи? Но город слишком поменялся за сорок лет, то и дело мой пыл охлаждали воспоминания старожилов: то было не так, того вовсе не было, а это перекрасили... На небольшом сквере, окруженном кирпичными домами послевоенной постройки, бабуся с коляской рассказывала, что еще 20 лет назад вместо сквера были деревянные бараки, а до войны вообще начинались огороды... Бывая в маленьких городках, я думал: может быть здесь ее семья сошла с поезда и осталась?

В общем-то жизнь моя не изменилась: думает человек о своем и думает. Были люди, которым я рассказывал о своей задумке. Кому — прямым текстом, кому — как о сюжете книги. Многие из них знали про Логос, поэтому порой обсуждали мы это до хрипоты, до сухого першения в горле. Поминали и греческих философов с их слово- смыслом, и стойков с эфирно-огнен-

ной душой космоса и семенными логосами, порождающими материальные вещи. Христиане, отождествляющие Логос с ипостасью Сына как абсолютного Смысла, вообще завели нас в жуткие дебри, только шуршали страницы книг и выкрикивались найденные цитаты. Равнять себя с Троицей было лестно: я — память, она — любовь, и между нами Логос — мысль. Однако, православие толковало все иначе, чем католичество, и разбираться в этом можно было бесконечно и безрезультатно.

Еще один московский разговор привел меня нечаянным зигзагом обратно к теме соавторов. Как обычно, к полуночи мы вяло договаривали, готовясь встать и попытаться успеть на метро. Собралось нас человек пять, не больше. Хозяин, Вадим, никуда не торопившийся, ненавязчиво занимая половину дивана, подкидывал фразы, как дровишки в камин, а мы отвечали наспех. И уже в коридоре, чуть ли не в спину нам, он добавил:

— Вообще-то один крайне успешный авторский коллектив добился многого... почти две тысячи лет назад.

Что-то дрогнуло во мне. Почему-то мгновенно поплыли в голове картины: вот они собираются и решают, что делать. Они пишут — порознь, чтобы в спорах не утратить ни единой крупинки Логоса. И написанное обретает реальность, водоворотом затягивающую сперва двоих из них, а потом весь мир... В какой миг, на какой строке они увидели то, что описывали? Что почувствовали, когда ОН шел по волнам? Сколько строк было рождено вдохновением, а сколько — уже свершившимся чудом?

Боясь утратить зыбкую сопричастность, я заторопился уйти — от дружного смеха, от разгоревшегося спора, от уже существующей реальности. Пожалуй — так думалось мне в темных проходных дворах сталинских домов — мне придется учитывать написанное ими, вернее, НАМ придется учитывать. Когда мы начнем...

Той ночью я здорово продвинулся вперед. Образ рождался у меня где-то на пределе бокового зрения, и я описывал его, не поворачивая головы. Плескались ее волосы и глаза сияли — для меня, я был уверен, что узнал бы ее в толпе — или в куче фотографий. Я знал — когда мы будем вместе, это поглотит нас обоих. Я должен буду слиться со своим орудием, чтобы направлять его... ее. Это будет ближе телепатии, ярче секса, страшнее смерти. Почти как любовь. Больше, чем любовь. А пока что эта нарастающая мощь действует только на нее, как кисть — на холст, как резец — на мрамор. По мере обретения сознания в нее ворвется необъяснимая боль, неосознанная жажда, несмолкающий зов. Потом все это обретет для нее имя... мое имя.

Но какая-то неправильность сбила меня под утро, пришлось бросить ручку. Комната, где я жил в тот приезд, принадлежала знакомой Орлякова, которая куда-то уехала, или специально ушла, а сам Орляков приехал перед работой проведать меня. Ему я зачитал ночной отрывок — пытаясь поймать ту запинку, которая мне мешала. Орляков вальяжно развалился на кухонной табуретке, на которой я сидеть-то опасался, так она была расшатана. Полуприкрыв веки, он нарочито медленно изрек: — А ты... мнэ-э... когда соби-

раешься... мнэ-э... сию вещицу закончить? — Понятия не имею, а что? — нарочитое мнэканье меня то смешило, то раздражало. Не лучшая цитата! — Так... мнэ... определиться бы не мешало, к скольким годам, допустим... — Ну, к тридцати! — выпалил я. Действительно, не к пятидесяти же. — Ну и прикинь, друг мой, что за реальность будет окружать тебя, когда ты... мнэ...разменяешь четвертый десяток? Кстати, подумай также, как она живет сейчас, пока вы не встретились... Ведь она же где-то здесь, как я понимаю?

Мы поспорили на эту тему, углубившись попутно в непроходимые дебри политики и экономики. Наши прогнозы на будущее не совпадали, но что-то прикинуть получилось. — Более-менее понятно, а теперь пора поместить твой...мнэ...персонаж в эту реальность, — вытягивая ножищи через всю кухню, продолжал Александр. — И посмотреть, чего хочется, а что получится. — Ну, хочется чего-то спокойного. Примерно... ну как там у Пушкина: привычка свыше нам дана... В молодости ей мечталось, потом работа, замужество, дети, она не сломалась, а как бы успокоилась, даже не ожидая ничего. Просто такой потенциал нерастраченный. Пусть пишет с детьми сочинения и чувствует Логос всюду — даже в женских романах. Не пытается даже графоманить — например, раз-другой ее раскритиковали... — А потом явится ей твой светлый лик и позовет в сияющую даль? И она, забыв про радикулит, вставную челюсть и дачный огородик, вдруг воспрянет духом... — Можно и без огородика... Мне будет тридцать, ей вдвое больше, сначала, может быть, материнские чувства, потом ей захочется мне помочь, ее захватит сюжет, она поймет, что этого ждала... — Я понял, понял. Ты...мнэ... когда-нибудь задумывался над процитированным местом у Пушкина, кстати? — Ну, я наизусть не помню, как-то там она служанок звала, типа Селеной, а потом начала звать обычно... Стишки писала... Я думаю, что у нее должна быть в общем-то достаточно счастливая жизнь, но без чего-то сверхординарного, никаких взлетов, никаких трагедий. Может быть, безответная любовь, не более... Или там неудачные роды... Чисто женское. — У Лариной или у твоей... персонажики? — Да у обеих. Как там было еще: Ларина проста, но очень милая старушка. Понимаешь? — Да, — Орляков поднялся, — теперь вполне понимаю. Милая старушка. И лет ей, по-твоему, примерно... — Шестьдесят! — Да нет, мой юный талантливый друг, ошибаешься. Лет ей около тридцати, тогда замуж рано выходили, самой Татьяне, если я еще не забыл, лет тринадцать. Сколько там времени прошло по тексту, но не позже шестнадцати она уже замужем. Если сложить — получится двадцать девять, плюс девять месяцев, а это значит, что ты пытаешься описать свою ровесницу. Или мою в крайнем случае. Вот и не выходит у тебя отправить ее в эвакуацию в то время, когда ее родители, возможно, еще не зачаты. Подумай!

Он ушел, а я отправился на телеграф, звонить домой: мне почему-то показалось, что я начал забывать лицо жены, или видеть вместо него другое...

После этого разговора действительно что-то стронулось. Через год я уже начал опасаться, что встречу ее во время приезда в Москву. Рано. Она еще не такая, как мне нужно. Я с опаской ловил в разговорах с друзьями женс-

кие имена: любая из упомянутых могла оказаться ею. Ведь я сам решил, что она будет знакома с Орляковым. Имени я ей не давал. Мне придумывалось то что-то с певучим -ня или — ля на конце, то вовсе немыслимые сокращения от привычных имен, типа Ри от Екатерины или Эль от Елены. В конце концов я написал, что ей нравится собственное имя, ведь это важно, потом добавил, что среди разных его вариантов она предпочитает один, из детской книжки. Книжек много, девочек в них описывается тоже предостаточно. Так же вольно я обошелся с ее детством, предположив, что не начать писать она могла, скажем, при отсутствии поддержки. Вот и вышли у меня несколько фраз о непонимании, неуверенности. Приходилось много рыться в книгах по психологии, но делать живого человека по учебнику я не собирался. Так, компоновал факты, разминал, как пластилин в руке и лепил. Иногда мне казалось — да, я ее знаю; иногда — глухо. Ну что мужчина может знать о женщине? Кем работает? Сколько детей? Замужем ли? Со скольких лет живет половой жизнью? Чем болела в детстве? Пил ли отец? Красивая? Как готовит? Даже написав все это, я бы ее не узнал, зато когда я придумал ей маленькую детскую тайну — поляну первоцветов под старой эстакадой, легкое дыхание вновь возникло у меня за плечом.

То, что я делал, можно сравнить с попыткой вручную создать человека из набора генов. Кирпичик к кирпичику подбирая их, чтобы не изуродовать, чтобы добиться нужного пола, роста, чтобы на папу была похожа глазами, а на маму — волосами, чтобы не было болезней, дефектов, чтобы от прабабки передалась выносливость, а от прадеда — интуиция, или наоборот. И весь этот набор должен быть продолжением, дополнением моих качеств и черт... Она должна уметь писать, должна владеть Логосом, и в то же время — не начинать писать, чтобы стать потом ведомой в нашем тандеме. Конечно, вторая роль обычно привычна для женщины, но я не собирался тратить силы на борьбу. Порой я думал, что взять грудную девочку и вырастить себе из нее идеальную любовницу и то более морально, иногда — что я не первый на этом пути, и должно получиться у меня это лучше, чем у предшественников. В любом случае, я не мог бросить эту работу. Идеальным она должна быть только соавтором — повторял я раз за разом, ловя себя то на попытке одарить ее прекрасным голосом, то на описании ее талантливых рисунков. Нет, нет, это не ее, иначе она ускользнет, уйдет другой дорогой, не встретится со мной.

Я мог бы описать всю ее жизнь — час за часом, но сделал по-другому. Я брал что-то свое — чувство, знание — и дарил его ей. Нам нравились одни и те же книги. Мы слушали одну и ту же музыку. Мы так похоже теряли друзей и находили новых. Я вложил в нее радостную усталость над законченным текстом и боль от попыток перечитать его, поправить. Дребезжащая машинка «Москва» — из ближайшего проката, по пятьдесят копеек в сутки, от которой ноют пальцы. Письма в журналы, знакомая прокуренная редакция. Я не позволил ей повзрослеть — возможно потому, что не собирался пока делать этого сам. Россыпь важных дат своей жизни я переписал для нее. Я сде-

лал так, что в год, когда я держал в руках свой первый изданный рассказ, она родила сына — и пока мне писалось, я понимал, что это почти одно и то же.

Когда-то, на другом конце мироздания, я начинал лепить гомункулуса, игрушку моей самоуверенности. Теперь мне не нужно было решаться менять мир — с каждой написанной строкой он сам все послушнее льнул ко мне, ожидая изменений.

Все, не относящееся к этому процессу, я не буду пересказывать. Где я жил, что делал, сколько зарабатывал, о чем говорил с женой или с друзьями... словно два радиоканала, две эти реальности почти не пересекались. Уверен, их пересечение могло осуществиться только в миг нашей встречи. Точнее, в миг нашей осознанной встречи, потому что не исключено, что мы сотни раз сталкивались в толпе, или даже смотрели друг на друга, не узнавая, на каком-нибудь литературном вечере, в душном зале, наполненном незнакомыми, полузнакомыми и забытыми людьми. Почему же почти? Потому что эхом созданного, отзвуком моих собственных, посеянных в реальности, слов, дотягивалась до меня ее душа. Обычно это происходило на грани яви и сна, реже — во время ночных бдений. К тому времени у меня появился компьютер, а с ним и виртуальные собеседники. Я не пишу стихов, но ночью иногда получались строки — она пыталась мне что-то сказать.

*Я задумана кем-то назло судьбе
от шестнадцати до двадцати,
и сама я всегда кажусь себе
там, в начале всего пути.**

Конечно, соглашался я, начало у нас еще впереди. Пока мы друг для друга — только сон, только светотень, различимая даже не шестым, а сто шестым чувством.

*Отличите от приснившегося бред,
распознайте в людях тех, кого здесь нет,
распахните окна в замке поутру,
перепутайте игрушку и игру.
Расскажите правду лютному врагу,
разложите свой костер на берегу,
задержите чью-то руку на плече,
подарите пламя тающей свече.
И тогда поверю я в конце концов,
и сомкнется мир в польнное кольцо,
путь к началу, путь к истоку темноты,
где с непознанным я сделаюсь на ты.
Горячо прорвется знания росток,
и неважно станет, запад ли, восток,
ты — в стремлении подняться и идти,
от меня меня попробуй, защити.**

Именно это я и собирался сделать: защитить ее, а заодно и весь наш мир, от пустоты нереальности. Мир, которого еще не существовало. Я не пытался

ся придумывать план, по которому мы будем писать. Чего я хочу, я знаю и так. Мне бы только суметь воплотить это. Я понимал, что бродит в ней, какие силы захлестывают сознание. Наверное, если бы мне пришлось вдруг перестать писать, я бы сошел с ума, а ей даже невдомек было, что она может. Стихи, во всяком случае, были посредственные. Как и у меня когда-то. Вложить Логос в рифмованные строки почему-то гораздо сложнее, чем в прозу. Не говоря уж о технике...

*Все боли принять, и все страхи понять,
весь мир в душе уместить,
и на ноги после подняться опять,
и слез не стирая — жить.
Свои и чужие дела и грехи
увидеть и осознать,
тогда то что пишешь и будет — стихи,
другого не стоит писать.
И Слова изведав бесплотность и вес,
и горечь, и дивный мед,
по буковке взвешивать груз словес,
по строчке пускать в полет.
Пусть медные трубы ревут — но другим,
соблазны в твоей руке.
Познавшему мир фимиама дым -
как капля дождя реке.
И знанье войдет в тебя, будто удар,
прозреет ночная тьма...
До той же поры не растратить свой дар
себе помощи сама!**

А может быть, все она понимала, но, подвластная моему замыслу, не пыталась обрести свободу? Я мог бы поискать эти стихи в Интернете, наверняка они там где-то лежали, ведь я не собирался, осваивая виртуальное пространство, позволить ей отстать от меня. Мы начали бы переписываться, потом договорились бы о встрече. Но я не торопил события. Мне не хватало каких-то мельчайших деталей, чтобы сказать: готово, можно начинать. И эти мелочи не получались наспех. А, значит, время терпело.

А потом пришел этот день, такой же неопределенно-мутный день недовесны, как был тринадцать лет назад. Я перечитал все, что теперь знал о ней. То есть, знал я, конечно, гораздо больше написанного. Знал ее страхи. Ее маленькие победы. Привычки и вкусы. Любимые цвета и запахи. Безошибочно мог повторить ее выбор на книжном развале и в продуктовом супермаркете. Знал, как все сильнее в последние месяцы становится неодолимый зуд творчества. Как приходят и уходят образы и сюжеты. Накапливаются силы. Возможно, когда я приду к ней, она уже будет во власти этой стихии, и строка за строкой на экране будут наполняться силой Логоса, когда я наклонюсь прочитать их.

Я так и не стал потрошить ее жизнь день за днем. Какая разница, в какой реальности она дожидалась меня. Эта пустота заполнится. Я узнаю при встрече, кем она работает и как ее зовут... А сейчас я дописал последний абзац. И переставил телефон поближе к компьютеру, в ожидании звонка Орлякова. Он должен попросить меня отвезти что-то срочное одной его давней знакомой. Если ее не окажется дома, мне предстоит открыть квартиру запасным ключом и положить сверток на видное место. Ключ отдать соседке.

Орляков повторил мой текст без изменений. Логос набирал силу, ведь каждый новый кусок я отправлял прямым в Сеть. Там всегда ждут новых набросков, возможных начал будущих книг. До прихода Александра я оделся. Волнение было как легкая прохладная дрожь в груди, в горле. Эта встреча важнее визитов к издателям и творческих вечеров с читателями, гораздо больше, чем свидание с женщиной. Когда я брал сверток, ключ упал у меня из рук и отлетел глубоко под книжный шкаф. Орляков сострил что-то про мои дрожащие руки. Но, встретившись со мной глазами, посерьезнел. — Если бы я не был с ней знаком уже лет шестнадцать... — начал он и запнулся. Видимо, ему только что пришла в голову мысль, что для Логоса это не имеет значения. Я мог написать ее от рождения до сегодняшнего дня за одну ночь, и поутру он был бы уверен, что сидел с ней на соседних горшках в яслях. — Сергей, ты же не... — он мотнул головой, уже зная ответ, — Прямо сейчас? — Да, — ответил я, опуская ключ в карман куртки. — Иначе она уйдет на работу. — На работу? — переспросил Орляков, как будто впервые услышав, что люди ходят на работу. — Ерунда. — у меня не оставалось сил на этот разговор. То, что предстоит, важнее. — На работу, в магазин. Я иду. Не знаю, ждал ли я от Александра какой-нибудь особой реакции, вопросов или речей. Но он молча спустился со мною в лифте и так же молча направился в сторону трамвая.

Я шел к метро, и что-то происходило. Все, что я видел, на глазах менялось, плыло в невидимом мареве, будто стоял июльский полдень. Лица, цвета и звуки составляли огромный медленный калейдоскоп, вращавшийся вокруг единой неизменной точки — меня. Я не запоминал ничего специально, но некоторые картинки откладывались: вот автобус из желтого ЛИАЗа с драным кожаным «намордником» стал новым зеленым «Икарусом». Вот исчез черный сугроб из снега пополам с мусором, на сухом асфальте сидела и умывалась полосатая кошка. Наверное, та, чей трупик провалился здесь всю осень, пока не исчез под снегом. Прервался ритмичный скрежещущий вой из динамиков на ларьке с кассетами, поплыла смутно знакомая мелодия, только слова не долетали. Я мог бы их вспомнить, но не хотел задерживаться. Я шел и в то же время продолжал писать. Гудели машины и шуршал винт компьютера, я привычно крутил уставшей кистью правой руки, я спускался к переходу. Пальто женщины передо мной поменяло цвет с бурого на светло-брусничный. В буром обычно ходила вокруг ларьков охотница за стеклотарой — опухшая баба с пустыми глазами. Я оглянулся, обгоняя ее. Спокойное лицо, задумчивая улыбка

ка, мягкий взгляд учительницы рисования... Я мог бы узнать, как ее зовут — вот так, не останавливаясь, не открывая рта. Я просто набрал бы это имя и прочел его. Но я не хотел. И так хорошо.

Не знаю, как вы, а я верю в Бога. Трудно не верить в самого себя, особенно когда ткань реальности послушно ложится тебе в ладони. Я приближался к цели, совершенно не думая, какая это будет станция, какая улица. Дорога длилась и длилась, метро, автобус — но только потому, что я наслаждался этим движением. Я тянул удовольствие. Потом будет работа, многомного работы, а сейчас я мог не спешить. Ведь если я пожелаю, я смогу войти в любой дом — и это окажется тот дом, который мне нужен. Но лучше соблюдать правила игры — так интереснее. Я вышел из автобуса. Одновременно я сидел за компьютером, спускался под музыку к переходу возле своего дома — вслед мне долетело-таки: «...но что они сделают нам, мы с тобою бессмертны...», ** ехал в метро, ждал автобуса...

Ключ повернулся в замке совершенно бесшумно. Потому что я знал, что эту дверь нужно немного потянуть на себя. Компьютер у нее стоял в дальней комнате. Длинный коридор, запах мыла, молока и мимозы, гудение кулера, скрип стула. Где я? Кто я? Яркими стеклышками переворачивались во мне то армейский плац — разве я служил? — то операционная, свет лампы в глаза, далекий потолок. Женщина, которую я тяну снизу за вышитый фартук, улицы странного, но знакомого города, дыхание близких гор, тугой, забивающий горло воздух, когда парашют еще не раскрылся, неестественно бледное, неподвижное личико грудного ребенка, резкие контуры фотоснимков в красном колыхании проявителя, северное сияние в полярном небе, полуденное море, теплое и соленое. Меня растворяло в потоке судеб, ни одну из которых я уже не мог назвать чужой. Меня несло среди срезов моих жизней, мягко и властно. Это не важно, пусть я тоже меняюсь в свершающемся мироздании, я сумею овладеть этой мощью, я смогу ее направить.

Невольно задержав дыхание, я подошел к ней вплотную, не различая очертаний фигуры, только два пятна — футболку и волосы. Я боялся увидеть ее? Легкий запах, живое дыхание, взмах затекшей правой руки, неровные щелчки клавиатуры... Сейчас она обернется и мы войдем друг в друга, как последние детали огромной головоломки. Невольно бросив взгляд на экран, я прочитал: «... как последние детали огромной головоломки.» И калейдоскоп реальности взорвался зелеными осколками ее взгляда...

АЛЕКСАНДР РУБАН

ТАРАКАНЫ ГОСПОДНИ (ГИМН ЛЮБОПЫТСТВУ)

ЕКТО ОБУСТРОИЛ СВОЙ ДОМ. В ДОМУ ЗАВЕЛИСЬ ТАРАКАНЫ. Они стали искать пропитание и смысл жизни.

Тараканы мутируют. Порой мутации заходят так далеко, что отдельно взятый таракан становится умнее своего хозяина. Т. е. не хозяина, конечно, а миросодержателя, а то и миросозидателя, творца обозримой Вселенной...

Но век тараканий недолог.

Глава 1

«Не делай этого!» — сказал таракан Юре Кутову, уже занёсшему над столом сложенную вчетверо «Пионерскую правду» и поджидавшему удобный момент, когда можно будет прихлопнуть наглеца, не задев ни чашку, ни тарелку, ни стеклянную, «под хрусталь», сахарницу, ни тем более рюмку с мамкиной горилкой.

Рюмка нужна была Юре для исполнения экспериментального этического этюда. Мамка вот-вот должна была вернуться с работы, калитка была видна через окно. Как только мамка её откроет, горилку надлежало выпить и сразу же наполнить рюмку снова, а если Юра сделает это заранее, то может и уснуть, не дождавшись мамки...

Наверное, этот замысел и стал причиной появления таракана. Но Юра предпочел предположить, что тараканьи слова «Не делай этого!» имеют отношение не к предстоящему эксперименту, а к занесённой над ним, тараканом, газете.

— Ага, «не убивай меня, я тебе пригожусь!» — иронически процитировал начитанный в свои 13 лет Юра Кутов.

Таракан ничего не ответил. Он просто перестал ковылять к дальнему краю стола, резко свернул из-под тарелки направо и, поникнув усами, уселся на самом виду, на открытом пространстве, где никакая посуда не могла помешать его убийце.

— Ладно,— буркнул Юра, уважавший мужество в любой твари, и отложил газету.— Ползи давай...

То, что таракан заговорил с ним, Юру Кутова ничуть не удивило: это был не первый говорящий таракан в его жизни. Самый первый выполз из трёхрублёвой бумажки, которую Юра нашёл в двадцати четырёх шагах от калитки, направляясь в булочную.

Это случилось пять лет тому назад. Несметное богатство лежало на траве, придавленное упавшим прямо на него каштаном в лопнувшей колючей

кожуре. В левом кулаке Юра сжимал двугривенный: тринадцать копеек предстояло отдать за буханку серого хлеба, а остальными семью он имел право распорядиться по своему усмотрению. И он уже усматривал в своём воображении разноцветную горку слипшихся развесных леденцов, когда, нагнувшись за перезрелым каштаном, обнаружил под ним трёхрублёвку. Юра произвёл в уме молниеносный расчёт, вспотел кулаками и оглядел улицу. Улица была пуста.

Три рубля. Триста копеек. Почти в сорок три раза больше всей принадлежавшей Юре наличности. А если отказаться от леденцов, получится три рубля семь копеек. Почти десять процентов стоимости фотоаппарата «Чайка-П»...

И вот, когда он уже начал разворачивать мятую, всю в мелких капельках банкноту, в ней еле слышно заскреблось и наружу высунулся тоненький надломленный тараканий усик. «Не надо!» — услышал Юра и опять насто-роженно огляделся. Улица была пуста. Неподвижные в сонном безветрии лужи проблёскивали сквозь слой «вертолётиков», осыпавшихся с клёнов, и отражали душное влажное небо. Пахло вчерашним дождём, прелой соло-мой у калиток, увядшими вьюнками в палисадниках...

Когда он снова посмотрел на зажатую в пальцах трёхрублёвку, таракан боком-боком выбрался из неё почти весь и, скребя лапками, тужился выта-щить наружу второй ус.

— Чего не надо? — спросил Юра, смело подвергая сомнению общеизве-стную истину о том, что тараканы не разговаривают.

«Положь на место», — распорядился таракан, отчаянно и грозно подраги-вая усами, один из которых так и остался надломленным.

— Твоя, что ли? — спросил Юра. — Ты в ней живёшь?

«Да нет... — сказал таракан. — Просто...».

— Чего просто?

«Ладно, как знаешь. — Ни в голосе, ни в движениях таракана уже не бы-ло никакой грозности, сплошное отчаяние. — Я предупредил, а ты — как знаешь...». Он опустил усы и заковылял, подволакивая левую среднюю ла-пу, к краю банкноты, явно намереваясь спрыгнуть в траву.

Юра положил трёхрублёвку на место и даже придавил её тем же самым каштаном — осторожно, чтобы не повредить таракана, опять заползшего внутрь. Если таракан заговорил, то уж наверное не зря. Наверное, знает что-то такое, что Юре неизвестно...

Через час после Юры трёхрублёвку нашла соседка баба Устя. Она же, как выяснилось, и потеряла её вчера вечером, расплачиваясь с водовозом за три последних месяца и за месяц вперёд, потому что получила не только пенсию, но и перевод от внучки из Киева. Юра узнал об этом после школы. Баба Ус-тя успела рассказать свою новость почти всей улице Октябрьской, начав со своей стороны, пройдя до конца и возвращаясь обратно по той стороне, где жили Кутовы. Как раз когда Юра вернулся из школы, баба Устя добралась до них и пересказывала мамке все подробности: и про каштан, и про таракана, и про то, какими «странными» деньгами водовоз дядька Трофим выдаёт

сдачу — и мелочь-то у него вся битая и гнутая, и бумажки рваные да мятые, а бабы Устина пятёрка совсем новая была, только что с почты...

В доказательство того, что это та самая трёхрублёвка, полученная на сдачу от дядки Трофима, баба Устя показывала мамке надорванный и заклеенный папиросной бумагой краешек банкноты, которую она вчера сунула мимо кармана передника и ушла себе, а сегодня хватилась, побежала искать и нашла под каштаном — вон под тем, рядом с Мелентиевым огородом... А ещё Юра увидел на трёхрублёвке, рядом с наклеенной папиросной бумажкой, какое-то пятнышко, очень похожее на прилипшую тараканью жопку. Таракана баба Устя, наверное, раздавила и стряхнула, а жопка осталась.

Недолго тараканий век...

Таких разговорчивых тараканов, как тот, самый первый, Юра Кутов больше не встречал. Все остальные ограничивались двумя-тремя словами: «Не надо!», «Не делай этого!», «Даже не думай!», — и тому подобное, а на уточняющие вопросы отмалчивались. Правда, один из говорящих тараканов обошёл без уже привычной частицы отрицания и сказал: «Навешай ему по соплям!» — после чего моментально ретировался с Юркиного портфеля. Навешать по соплям Вовке-Барбосу Юрка не сумел. Более того: сам вернулся домой с огромным синяком под глазом и всё ещё зарёванный. Но всё-таки Барбос его зауважал и больше не приставал со своими вымогательствами, требуя ежедневно те 10 копеек, которые мамка выдавала на школьный завтрак...

— Ползи-ползи! — повторил Юра. — А то здесь не только газета. Я тебя и рюмкой могу... ненароком...

Но таракан продолжал сидеть на столе, на открытом пространстве между тарелкой и подоконником, и брезгливо вздрагивал усами в сторону рюмки. Значит, именно про мамкину горилку он и сказал Юре своё «Не делай этого!»...

А почему Юра должен их бояться и слушаться? Тоже мне, воспитатели нашлись! Он даже Вовки-Барбоса не испугался — и правильно сделал. Ему тогда просто стало любопытно: а что будет, если он послушается таракана? Вот и сейчас ему просто любопытно: а что будет, если он НЕ послушается? Убедится мамка в его правоте, или просто выпорот и забудет?

И вообще, при чём тут Барбос? Он же Вовка Барбисов — хам, дурак и любитель подраться, не важно на чьей стороне... Юра не любил драться, никогда не умел драться и не хотел этому учиться, но отнюдь не считал себя трусом. Он даже учителя математики не испугался, однорукого Александра Ивановича, когда тот сказал ему, что не надо пороть чушь, а надо почитать учебник стереометрии для десятого класса — если, конечно, Юра сумеет его осилить. Известно ли Юре, что такое бесконечно малая величина?

— Чушь тараканья, вот что это такое! — храбро сказал Юра, перекрывая гомон веселящегося класса. — Бесконечно малых величин не бывает!

Это убеждение он вынес как раз из учебника по стереометрии. А теперь совершенно точно знал: совсем не обязательно рисовать эти дурацкие квад-

раты и треугольники, чтобы доказать теорему Пифагора! Надо просто вывернуть наизнанку два конуса, которые получатся, если поставить этот треугольник гипотенузой на стол и крутануть вокруг высоты...

— Ну и как же ты их вывернешь? — спросил однорукий Александр Иванович.

«Только без рук!» — неслышно для всех, кроме Юры, предупредил таракан, сидевший на его парте, в ложбинке для ручки, но на этот раз Юра таракана не послушался.

— Я-то? Да я-то запросто выверну! — сказал он. — Одной рукой буду держать, другой выворачивать!

Класс грохнул и сразу же испуганно притих, и только Вовка-Барбос продолжал визгливо хохотать, потому что он был дурак и хам. Юра почувствовал себя точно таким же хамом, ничуть не умнее, и ему стало стыдно, а однорукий Александр Иванович побагровел, выгнал Барбисова на улицу и вкатил Юре двойку в журнал.

После уроков они вдвоём дотемна сидели в учительской и рисовали в Юриной тетради эти вывернутые наизнанку конусы. То есть Юра рисовал, а Александр Иванович хмыкал, шурился, морщился и то почёсывал левой рукой правую культю через пиджак, то принимался поправлять Юрины рисунки. В конце концов он вздохнул и сказал, что у Юры аксиоматическая путаница в голове и что ему надо поскорее изучить хотя бы основы топологии: тогда Юра поймёт, что он сам себя кусает за хвост. На прощанье Александр Иванович нарисовал змею Уроборос, которая заползла в бутылку Клейна, и предложил Юре подумать, как она могла бы выбраться наружу, не выпуская из пасти своего хвоста... Потом он проводил Юру до самого обрыва над Тикичем, откуда до Октябрьской улицы уже было рукой подать, и всю дорогу рассказывал о физико-математической школе в Обнинске, в которую он сам поступил сразу после восьмого класса, и, если бы не тот случай на стройке...

Юра моментально подсчитал: пять лет в институте, плюс три года в Юркиной школе, плюс девятый, десятый и одиннадцатый классы (тогда их было одиннадцать)... А в армии Александр Иванович, наверное, не служил... Получался 1965 год, когда Юрка ещё не встретился со своим говорящим тараканом и сам только-только начинал говорить, а Юркин папка был ещё живой и работал в милиции инструктором по самбо и стрельбе.

Чтобы попасть в физматшколу, которая теперь была не только в Обнинске, но и в Киеве, надо было сначала победить на областной олимпиаде по математике в Черкассах. Но время поездки на олимпиаду совпало с мамкиным запоем, и в прошлом году Юра поехать не смог. Мамка работала токарем в депо и пила по-чёрному с тех самых пор, как на папку пришла похоронка из Чехословакии...

Правда, запои у неё бывали не так уж и часто, но Юра научился вычислять их приближение. Как раз вчера мамка не ограничилась обычными дву-

мя рюмками после работы, а выпила третью и уснула прямо за столом. Значит, не сегодня завтра снова зайдёт, а время олимпиады неумолимо приближалось. Вот пусть и выбирает: или Юра тоже станет токарем в депо и будет пить по-чёрному, или всё-таки поедет в Черкассы на той неделе...

Он услышал, как хлопнула крышка почтового ящика, и выглянул в окно. Мамка, на ходу разворачивая газеты, быстро шла к дому по кирпичной дорожке. Таракан укоризненно вздрогнул усами, когда Юра взял рюмку. Крепко зажмурившись, он через силу выцедил её содержимое.

Горилка подействовала на удивление быстро — гораздо быстрее, чем на мамку. Крест оконного переплёта расплылся в глазах, потом снова сфокусировался, но раздвоился. Тараканов на столе тоже стало два и, немного подумав, Юра поставил рюмку между ними. Закрыв глаза, нашарил на столе бутылку, снова открыл глаза и понял, что не знает, какая из двух рюмок настоящая. Быть ему сегодня поротым, и не видать ему Киевской физматшколы, как своих ушей! Ну и не надо. Он снова зажмурился, наощупь отхлебнул прямо из горлышка (горилка пролилась на подбородок и на рубашку) и наощупь же остороженько поставил бутылку обратно. Под ней хрустнуло.

Тараканы живут недолго и умирают глупо.

Глава 2

В студенческих общежитиях Старосибирского политехнического института было полным-полно тараканов, но говорящих среди них не водилось. Впрочем, они были не нужны молодым богам, слетевшимся в одну из атомных столиц Советского Союза со всех концов необъятной страны. Никому из тараканов не светило оказаться умнее обитателей физфаковской общаги, прошедших сквозь частое сито физико-математических школ. Тараканы вели паразитический образ жизни, привычный для своего вида, отъедались до невероятных размеров, массово гибли в процессах периодических «декопаций» и размножались по-новой.

Век тараканий недолог, но вид их неистребим.

— Ско-оро? — выдохнула Тиночка в паузе между двумя короткими вдохами.

— Угу... — не разжимая губ, отозвался Кутов. Потёрся щекой о Тиночкину правую лопатку и стал ритмично пощипывать набрякшие изюминки сосков, едва ощутимых сквозь её толстовязаную хлопчатобумажную блузу. Полублузу-полуплатье, под которым не обнаружилось ничего, кроме трусиков, ныне аккуратно скатанных до середины тощих бёдер.

Подоконник был достаточно широк, но низковат. Тиночка держалась за его край напряжённо вытянутыми руками и почти упиралась головой в стекло, а сухой пыльный кафель лестничной площадки скользил под кроссовками Кутова. Не самая комфортная позиция, но кому-то из них надо было поглядывать в окно, на ярко освещённый пятачок перед подъездом общежития.

Лопатки у Тиночки были большие и твёрдые, грудки — чуть отвисшие и жиденькие, а ягодиц, можно сказать, и вовсе не было — сплошная тазобедренная кость. Казалось, только подол её платья, закатанный валиком, смягчает контакт, да и то отчасти. Но ничего не поделаешь, Кутов был обречён оправдывать своё реноме.

Ещё на первом курсе, только-только потеряв невинность, но не успев проститься с идеалами, Кутов, с отчаянным благородством отводя подозрения от партнёрши-наставницы, во всеуслышание заявил, что ему не нравятся толстушки. Сообщение было встречено с недоверием, и Кутов произнёс речь. Да, по паспорту он — хохол, но от сала его воротит! В душе он англичанин и джентльмен. И, как таковой, Кутов предпочитает поджарых выносливых кобылиц. Золотогривых. С голубыми глазами, в которых светится не похоть, но осмысленная страсть... Ведь что такое похоть? Страсть без мысли! — т. е., всё равно что коммунизм без электрификации...

Ну и так далее.

В юности Юра Кутов был zelo красноречив, а истину «язык мой — враг мой» полагал бесспорной, но абстрактной.

Слово — не воробей. Трёхлетней давности пылкая речь, достойная Демосфена, стоила Кутову многих разочарований в жизни. И не только потому, что наставница (черноглазая брюнетка с необъятным податливым телом и с такой же душой), обидевшись на своего ученика, отменила уроки страсти «до завершения полной электрификации». Жалостливых наставниц — и в своём общежитии, и, тем более, в том, что напротив, — хватало. Количественно Кутов не был обделён вниманием и лаской.

Однако вскоре выяснилось, что в холостых компаниях физфака вообще и в среде будущих физиков-ядерщиков в особенности издавна принято уважать и учитывать вкусы друг друга. За все три года (со второго курса по четвёртый) в группе 0702 не случилось ни одной вечеринки без отзывчивой особи в «кутовском» вкусе, объявленном столь широко и необдуманно. Каждый раз ему доставались эти очкастые жердеподобные блондинки, ребристые, как батареи, и почти без мякоти, чьи острые ключицы, подобные скальным уступам, нависали над тем, что из вежливости называлось грудью...

Обречённость — это от слова «речь».

— Там... идут...— сообщила Тиночка, непроизвольно растянув это сообщение на два коротких выдоха.

И сейчас же внизу, под окном, хлопнула дверь подъезда.

— Угу,— опять отозвался Кутов, не разжимая губ и не нарушая ритма, и снова потёрся щекой о её лопатку.

Спешить было ни к чему. Припозднившиеся гости, если это гости, сначала попрепираются с дежурным по вахте, после чего им предстоит одолеть пять лестничных маршей,— если они вдруг решат подняться именно по этой лестнице... Хозяева знают, что эта лестница не для того предназначена, чтобы по ней ходить, да ещё в такое позднее время, но гостям может оказаться всё равно... Особенно если это не просто гости...

— Не успеем! — отчаянно прошептала Тиночка.

— Успеем, — спокойно возразил Кутов. Выпрямился, переместив ладони на её бедра, и увеличил амплитуду движений, помогая себе руками.

Тиночка послушно прогнула спину, закинув голову назад, и ещё сильнее вцепилась в край подоконника — так, что побелели суставы тонких музыкальных пальчиков. Очки с большими, сильно выпуклыми линзами сползли ей на кончик носа, и в правой линзе Кутов увидел увеличенное отражение голубого глаза, широко открытого, но уже ничего не видящего...

В конце третьего курса неисправимый балагур и записной отличник Кутов стал молчалив и задумчив. Не по-хорошему, непродуктивно задумчив. Отчётливо и как-то вдруг он наконец осознал свою обречённость и в результате чуть не завалил сессию.

За три года он не только выполнил на «отлично» все обязательные курсовые и лабораторные работы, но и добровольно отрубил два трудовых семестра на циклотроне. Там же и так же он собирался провести и третье лето, поскольку у него уже возникла парочка идей, которые надлежало проверить экспериментально — и по возможности самостоятельно. Но в разгар весенней сессии, готовясь к зачёту по никому не нужной «ГО», Кутов решил смеясь ради подсчитать все схваченные им за неполных три года рентгены. Причём, не по липовым карточкам, которые он заполнял для поликлиники, а по факту.

И подсчитал. Сначала на калькуляторе. Потом, не поверив своим глазам и примитивной электронике, — в столбик.

Три из пяти экзаменов пришлось перенести на осень: Кутов смотрел на экзаменаторов пустыми глазами, молчал и был не в силах разродиться ни единой формулой, не воспринимая даже явных подсказок. Предложение снова поработать летом на циклотроне и наверстать упущенное в учёбе под руководством самого Яна Оскаровича Грейтлина (профессора, доктора наук, автора двух теорий и пяти учебников), — это заманчивое предложение свергло Кутова в некрасивую и стыдную истерику.

Внешне это выглядело как несомненный и ярко выраженный ССП — «синдром свинцовых подштанников». Или, применяя более благообразную формулировку, — «кризис осознания». Экзаменаторы понимающе переглянулись и отпустили Кутова с миром в подшефный колхоз, посоветовав не забыть прихватить конспекты и учебники по отложенным на осень предметам.

Они знали, что это пройдёт, и они не ошиблись.

За два полных месяца в колхозе Кутов ни разу не заглянул в конспекты. Во-первых, в этом не было нужды, а во-вторых, он с трудом разбирал собственный почерк. Что же касается учебников, то один раз Кутов их уже прочёл, — и не издана ещё такая книга, которую ему пришлось бы читать дважды. (Так, кутовское сочинение на вступительном экзамене по литературе состояло на девяносто восемь процентов из цитат: восемьдесят из «Вой-

ны и мира» и восемнадцать — из пособия для поступающих. Две короткие фразы Кутов сочинил сам, потратив на них почти половину времени).

В деревне он старательно и без затей убивал время. Нарращивал бицепсы, трицепсы, брюшной пресс и не везде нужный, но тоже очень красивый рельеф спинной мускулатуры. Нечувствительно покрыл всю эту роскошь идеально ровным загаром, каковой достигим либо в непрерывном движении, либо за большие деньги под неусыпным наблюдением специалистов-косметологов. Бездумно и неразборчиво наслаждался запахами свежего сена, влажного дерьма, сухой цементной пыли и смолистой стружки. И при всём при том весьма целенаправленно зарабатывал хоть сколько-нибудь ощутимую замену стипендии, которой ему, конечно, не видать, как своих ушей.

И заработал. Столько, что получать пришлось через посредство трёх подставных лиц и не без деятельной помощи председателя колхоза, подвигшего бухгалтера на эти не вполне законные выплаты. (Председатель рассудил, что выгоднее и приятнее заплатить вот столько одному, чем вдвое больше — четверым, не сделавшим и половины того, что успел сделать этот один.)

Осенью в институт вернулся не совсем тот Кутов, которого там помнили и ждали. Это был совсем другой Кутов. Не тот чертовски талантливый и чрезмерно болтливый заморыш, ранимый гордец и отчаянный шут, чьи остроты были понятны только ему самому, а окружающими воспринимались исключительно как оскорбления, простительные, впрочем, для мозговитого мозгляка, — ведь эта его мозговитость, этот ценнейший для общества Божий дар суть не что иное, как Господня компенсация за хилое телосложение...

Чёрта с два — хилое!

Теперь это был коричневокожий атлет, на полголовы самого себя выше, неторопливый и точный в движениях, скупой на слова и улыбку. Поговаривали даже, что нынешний Юрка Кутов — это и не Юрка вовсе, а Юркин старший брат-десантник, только что из Афгана, чудом избежавший свинца и не сыгравший в цинк... Впрочем, Кутов легко опроверг эти слухи — тем, что за три дня без всякой подготовки и с привычным блеском сдал все три экзамена.

Для преподавателей это была неожиданность...

Нет, они были вполне благожелательны и готовились пойти навстречу, думая, что понимают душевное состояние студента, наконец-то осознавшего, куда он поступил. Ведь это был не первый на их памяти и отнюдь не редкий, а напротив, очень характерный случай для «ноль-семидесятых» групп. Многие менее способные Кутовские однокашники пережили «синдром свинцовых подштанников» кто на первом, кто на втором курсе, сломались и благополучно отсыпались, сохранив свои ядра для производства себе подобных. Сравнимые с Кутовым по даровитости оказывались, как правило, сильнее духом. Они либо уже одолели «кризис осознания», либо вовсе его не заметили. Либо — таких было мало — сознательно сей кризис симулировали, небескорыстно рассчитывая на понимание и поддержку со стороны преподавательского состава.

Кутов оказался самым талантливым. И следовательно (по мнению преподавателей), самым ранимым. Если он не успел вызубрить за лето несколько не слишком обязательных многоэтажных формул — не беда, профессора их тоже не наизусть помнят. Две-три подсказки, два-три наводящих вопроса — и талантливый Кутов уверенно выгребет на твёрдую четвёрку. Преподаватели даже готовы были оставить ему стипендию. Даже, если повезёт, повышенную.

И оставили. Повышенную.

Вот только идти навстречу Кутову, отягощать свою профессорскую совесть подсказками и наводящими вопросами — этого им делать не пришлось. Ибо ни черта они не поняли в его душевном состоянии.

Голова у Кутова была ясной как никогда.

Безвременная смерть от лейкемии не страшила Кутова, а ССП в его классической форме он преодолел ещё в девятом классе Киевской физматшколы. Преодолел, разумеется, логически и теоретически, — но практика мало что добавила к спекулятивным выводам, и не она повлияла на окончательный выбор. Грустная шутка «пять пальцев — пять курсов», с которой Кутов, как и все, ознакомился в абитуре, не рассмешила и не ужаснула его. Кутов просто принял её к сведению.

А шутка, между прочим, не только грустная, но и гнусная.

Поставьте ладонь на ребро, растопырив пальцы, — и вы получите диаграмму состояния (или, попросту, стояния) известного органа у студентов «ноль-семидесятых» групп. Большой палец — первый курс, указательный — второй, средний — третий. Безымянный, для обручального кольца предназначенный, — четвёртый... Ну а мизинец — он мизинец и есть: пятикурсник, дипломник, без пяти минут инженер. Окончательно состоявшийся физик-ядерщик... Грустно и гнусно, как почти любая правда. И практически невыносимо для того, чьи интересы сосредоточены на уровне и ниже живота.

Глава 3

Они успели, хотя припозднившиеся гости не стали препираться с дежурным по вахте. Т.е. дежурный не стал с ними препираться. Собственно, это были не гости, а гость — настолько неожиданный и важный, что дежурный решил лично сопроводить его до четвёртого этажа, занимая по пути вежливым, пустым и громким разговором, внятно и отчётливо обращаясь к нему по имени-отчеству и почти каждую свою реплику начиная с этого обращения...

— Кто этот Иван Оскарович? — испуганным шёпотом спросила Тиночка, уже натянувшая трусики и поспешно оправлявшая подол.

— Не Иван, а Ян, — поправил Кутов. — Ян Оскарович Грейтлин. Директор циклотрона, мой научный руководитель.

— Он тебя ищет?

— Надеюсь, что меня.

— Я побежала, да?

— Подожди... — Кутов обнял её, тощенькую и ребристенъкую, и она послушно обмякла у него на груди. (Ян Оскарович, вопреки вежливым усилиям дежурного, уже преодолел три с половиной из пяти маршей лестницы). — Вот что, Тиночка... — начал Кутов.

«Не спеши, а то успеешь!» — категорически посоветовал таракан, вдруг объявившийся на поручне перил с многослойно облупленной краской.

— Ах, да что бы ты понимал... — пробормотал Кутов и, осторожно высвободив руку, щелчком сбил таракана вниз, прямо под ноги Яну Оскаровичу, уже показавшемуся на площадке третьего этажа.

— Что? — всё ещё шёпотом спросила Тиночка.

— Выходи за меня замуж, — сказал Кутов.

— Как? — растерялась Тиночка.

— Да запросто! — Кутов наклонился и поцеловал её в губы, краем глаза видя спокойное лицо профессора Грейтлина и отчаянные гримасы дежурного у него за спиной.

— Здравствуйте, молодые люди, — ровным голосом произнёс Грейтлин, когда они наконец-то оторвались друг от дружки. — Вы мне нужны, Юрий. Извините, если помешал.

— Добрый вечер, Ян Оскарович, — ответил Кутов, продолжая обнимать Тиночку левой рукой, а правую протягивая профессору. — Нет, вы нам не помешали. Нам уже ничто и никто помешать не сможет. Познакомьтесь, пожалуйста: Валентина. Будущий музыковед. Моя невеста.

— Очень приятно. — Профессор церемонно полупоклонился, а дежурный за его спиной отвалил челюсть, возвёл очи горе и покрутил пальцем у виска. Кутов свирепо глянул на него, и дежурный неслышными скачками ретировался вниз. — Простите великодушно, — продолжил Грейтлин и обернулся к Кутову, — у меня нет времени на светские разговоры.

— Да, конечно... Тиночка! — Кутов убрал левую руку с её талии. — Сбегай в комнату, приготовь чаёк. И попроси ребят, пусть немножко приберутся. По-быстрому... Извините, профессор: сессия на носу, в комнате... гм... беспорядок.

— Понимаю. — Грейтлин проводил задумчивым взглядом Тиночку, тонконогую вспорхнувшую по ступенькам на четвёртый этаж. — Понимаю, потому что помню... Собственно, разговор у меня к вам короткий, мы можем и здесь. — Поддёрнув брюки с безукоризненной стрелкой, он грузновато присел на подоконник и похлопал ладонью рядом с собой, но Кутов остался стоять. — Я ознакомился с вашими расчётами, Юрий...

— С которыми? — перебил Кутов.

— А что, у вас есть и другие проекты?

— Проект у меня пока что один. Но сегодня утром я передал вам расчёты по хозяйственной теме. Секретарша обещала положить вам на стол. Не положила?

— Наверное, положила, но сегодня я ещё не был на кафедре. Впрочем, неважно. Я уверен, что ваши расчёты безукоризненны, и с этой темой всё будет в порядке...

— Наоборот,— опять перебил Кутов.— Это с моим проектом всё в порядке, а заказная тема — полная лажа!

— Не беспокойтесь, Юрий, институту заплатят даже за отрицательный результат. Но я уверен, что результат будет положительный.

— Пускай обратятся к химикам! Двойная, даже тройная возгонка обойдётся в несколько раз дешевле, чем та энергия, которую сожрёт циклотрон!

— Догадываюсь,— мягко согласился Грейтлин.— Более того: знаю. Но ни тройная, ни даже пятикратная возгонка не обеспечит абсолютной чистоты изотопа. А заказчику нужна именно абсолютная чистота.

— Кретины! — непримиримо бормотнул Кутов.— Ради восьми граммов гонять циклотрон целый месяц почти без перерыва...

— Восемь граммов? — переспросил Грейтлин.— Замечательно! По моим прикидкам получалось почти в два раза меньше, но я, разумеется, только прикидывал.

— И они готовы оплатить четыре грамма? — удивился Кутов.

— Пять. Пять граммов ежемесячно в течение полугода. Тридцать граммов абсолютно чистого изотопа им нужны к началу декабря... При всём при том они обещали оплатить два месяца работы циклотрона, если у нас будет получаться меньше пяти; это я и называю отрицательным результатом.

— Ага... — сказал Кутов, начиная понимать, куда клонит профессор.

— Расчёты по этой теме могут лечь в основу вашей дипломной работы... — продолжил Грейтлин.

Кутов поморщился: профессор клонил не туда. Впрочем, он ещё не закончил фразу.

— ...а запас времени, который, судя по вашим расчётам, у нас может образоваться, мы используем для фундаментальных исследований.

— Спасибо, Ян Оскарович! — обрадовался Кутов.— Значит, мой проект...

— Нет! — сказал Грейтлин.— Ваш проект, Кутов, это полная лажа, как вы только что изволили выразиться. Или плохо замаскированное безумие.— Кутов угрюмо молчал.— «Уточнение атомного веса некоторых изотопов мышьяка»,— язвительно процитировал Грейтлин.— Вы намерены получить дробное число там, где возможен только целочисленный результат? Не семьдесят пять нуклонов, а семьдесят четыре с половиной или семьдесят пять с четвертью?

— У протонов и нейтронов разная масса,— краснея, пробормотал Кутов.

— Не лгите мне, Юрий, у вас это плохо получается. Вы ищете не атомный вес, а нечто совсем иное, и я хочу понять — что. Неужели вы усомнились в постоянности мировых констант? В том, что масло — масляное? А в «дважды два четыре» вы ещё не разуверились?.. Да сядьте же, пожалуйста, мне неудобно задирать голову!

— Нет, Ян Оскарович.— Кутов послушно сел и посмотрел профессору в лицо.— Я не подвергаю сомнению ни «постоянность констант», ни победу коммунизма в мировом масштабе. Я подвергаю сомнению ИЗМЕРИМОСТЬ констант. Или, если угодно,— повторяемость результата измерения.

— Объяснитесь,— потребовал Грейтлин.

— Зная атомный вес изотопа и параметры работы циклотрона, мы можем вычислить, например, гравитационную постоянную. Но насколько точно? А главное — насколько точно повторится результат в следующем эксперименте, с тем же изотопом и при тех же параметрах? Разброс будет небольшим, но он будет. По итогам многих измерений мы выстраиваем кривую повторяемости...

— Гауссиану,— перебил Грейтлин,— и эта гауссиана будет достаточно острой, а местоположение пика определит искомый вами результат. Всё?

— А если это будет НЕ гауссиана? — спросил Кутов. Грейтлин иронически усмехнулся, и он поспешил продолжить: — Если это будет кривая с двумя и более пиками, с четырьмя и более точками перегиба? Если это будет просто-напросто «белый шум» — кучный, но хаотичный разброс значений? Хаотичный в пределах нами же заданной кучности?

— Это будет означать, что циклотрон неисправен, и что вам придётся искать, найти и устранить неисправность.

— Циклотрон исправен, Ян Оскарович, и вы знаете это. А «белый шум» будет означать, что тот, кому мы задаём вопрос, не знает ответа.

— Вы говорите о Боге? — профессор иронически переломил бровь, но взгляд его был серьёзен.

— Называйте его Богом, если вам так привычнее.

— Хорошо... — с каким-то даже облегчением произнёс Грейтлин и некоторое время сидел молча, опустив глаза и пощипывая безукоризненные складки своих брюк. Кутов угрюмо молчал.— Дайте мне закурить, пожалуйста,— вдруг попросил Грейтлин.— Ведь вы же курите здесь, я знаю... Помню...

Кутов, удивившись, поспешно протянул ему чью-то полупустую пачку «Астры», лежавшую на подоконнике, и похлопал себя по карманам, ища спички. Спички, слава Богу, нашлись. Профессор неумело размял сигарету, Кутов чиркнул спичкой и дал ему прикурить.

Курящий Грейтлин... На памяти Кутова такого ещё не случалось. Неужели мысль о Боге так разволновала старика? Он, конечно, коммунист и атеист, и всё такое прочее, но ведь он же учёный! Настоящий учёный! Кутов читал его работы...

— Я рад за вас, Юрий, и мне немножко стыдно перед вами,— произнёс курящий Грейтлин. (Полоцкую «Астру» он изящно держал между большим и указательным пальцами, как агенты ЦРУ держат гаванскую сигару, и, затаиваясь, слегка откидывал голову назад).— Мне стыдно, потому что я предполагал нечто гораздо более... более некрасивое.

— Чем что? — спросил Кутов.

— Чем богоискательство,— улыбнулся профессор.— Не так страшен Бог, как его малюют атеисты...

— Вам показалось, что я возмечтал о Нобелевке?

— Вроде того... Вы очень сильно изменились за последний год. У вас появились деньги, модная одежда, вы стали безразличны к своему здо-

ровью... Сегодня я как-то сразу поверил, что эта девочка — действительно ваша невеста, а не просто очередная подружка...

Кутов дёрнулся, но под внимательным взглядом профессора сжал губы и промолчал.

— Всё это, согласитесь, Юра, как-то не вяжется с богоискательством.

— Нет никакого Бога! — буркнул Кутов.

— Называйте его Вселенским Разумом, если вам так привычнее, — усмехнулся Грейтлин. — Разве в названии дело? Дело в том, что через эти искания рано или поздно проходит каждый настоящий учёный. Проходит сам и в одиночку. Поэтому я и сказал, что рад за вас и что мне перед вами немножко стыдно.

— Ян Оскарович, — сказал Кутов, изо всей силы стараясь выдержать ровный и уважительный тон, — простите, я не понимаю: вы пришли поговорить со мной о моём моральном облике, или о моём проекте?

— Именно о вашем проекте я с вами и говорю, — возразил Грейтлин и поискал глазами, куда выбросить недокуренную «Астру». Кутов забрал у него окурок, затушил о подошву своей кроссовки и щелчком отправил в урну, стоявшую пролетом ниже, на площадке третьего этажа. Попал, разумеется... — Этот путь вам надлежит пройти самому, — продолжил Грейтлин. — Никто вам не сможет помочь, потому что любая помощь будет помехой. Можете рассчитывать на десять часов работы циклотрона — это всё, что я вам могу предложить. Пять раз по два часа в конце каждой из ежемесячных профилактик. В качестве проверочного прогона. В ночное время, разумеется.

— Мало! — сказал Кутов. — Это только начать. Нужна статистика, нужно хотя бы...

— Станете директором циклотрона — продолжите.

— Договорились. Так я и сделаю. Спасибо, Ян Оскарович.

— «Наука есть не что иное, как способ удовлетворения личного любопытства за государственный счёт», — процитировал Грейтлин. — До свидания, Юрий.

— До свидания! — Кутов поспешно вскочил, но профессор не спешил вставать и уходить. Он продолжал смотреть на Кутова снизу вверх, и в спокойном, почти равнодушном лице его прочитывалось наличие ещё не заданных вопросов, которые он не решается задать. Но он в конце концов решился.

— Что вас так испугало весной? — спросил он, мягкостью тона сглаживая резкость вопроса.

— Тараканы, — не задумываясь, ответил Кутов.

— Я серьёзно спрашиваю.

— А я серьёзно отвечаю. Мне расхотелось быть элитным тараканом, который ничем не отличается от остальных, кроме своих размеров. Жирно жить и сдохнуть под тапочком Бога, когда Он наконец-то обратит на меня Своё внимание.

- Т.е. вы хотели задать Богу вопрос, и вам стало страшно, что не успеете?
- Не совсем так,— усмехнулся Кутов.— Но очень близко.
- Значит, не вопрос, а просьбу?
- Просьбу? — переспросил Кутов.— О чём таракан может молиться человеку? О том, чтобы тот оставлял побольше крошек на своем столе? О том, чтобы не приносил в свой дом эти ужасные баллоны с инсектицидом? Чтобы помог расправиться с жадными и глупыми соседями — такими же тараканами, но из другой страны, то бишь квартиры?
- Странно.— Ян Оскарович опустил глаза.— Значит, ни собственное благоденствие, ни военную мощь своего государства, ни даже выживание рода человеческого вы не считаете важным?
- У Бога тараканов много,— сказал Кутов.— Со всеми Ему не справиться. Выживем.

Эпилог

Профессора Юрия Сергеевича Кутова, доктора физико-математических наук, отпевали в закрытом до середины гробу. Нижнюю половину его тела обнаружить не удалось, а то, что осталось от верхней — голову, плечи, руки и полураздавленную грудную клетку,— нашли возле пульта управления циклотроном.

Никаких разрушений ни в центральном зале, ни в прилегающих научно-производственных и подсобных помещениях не было, отсутствие посторонних лиц в течение всей ночи подтверждалось не только показаниями охранника, но и системой теленаблюдения. Вообще никого не было в здании, кроме охранника (он сидел в своей будке у проходной, далеко от аппаратного зала), да самого профессора.

Директор циклотрона Ю. С. Кутов ночами частенько работал один, и это никого не удивляло.

Фонограмма, запись которой велась в ходе эксперимента, тоже ничего не прояснила. Профессор напевал под нос и бурчал под нос же какие-то цифры (надо полагать, показания приборов), бормотал «так-так-так», «а что, если» и «ну-ка, ну-ка». Лишь однажды он произнёс нечто, вряд ли относящееся к эксперименту. Громко и отчётливо, весёлым помолодевшим голосом он сказал: «Надери ему задницу!» — но ответа на это странное восклицание не последовало.

Что Юрий Сергеевич успел посоветовать Богу? Услышал ли Бог подсказку Юрки Кутова? Воспользовался ли? Бог вещь.

СЕРГЕЙ ЛЕГЕЗА

ЭНЕ-БЕНЕ-РАБЭ

ВЯЧЕСЛАВ ЯНЕВСКИЙ, 15 лет (7494 г. р.)

МЫ И ВПРАВДУ НИЧЕГО ТАКОГО ДЕЛАТЬ НЕ ХОТЕЛИ. МЫ ж не дураки. Все само получилось: знаете, как бывает... А еще время... Ну, совпало, на канун пришлось...

А вообще — лучше б Аленке тогда промолчать. Правда — лучше б. Все по-другому тогда бы вышло. Я и Вовану говорил: мол, не начинай, только он не поверил. Или не захотел поверить — так уж у них с Аленкой сложилось...

С чего началось? Ну... На Самайн мы сидели у Надюхи: у ее родяков домик на Санта-Елене, на ЕПБ... У нас весь район так называют — по проспекту, Санта-Еленой, ага. Аленка визор притащила: у нее ж батяня в Защите стоит, вроде как боевой он. У нее потому доступ есть, да и «мер-линка» подходящая — сто шестьдесят два... Ну, эм-кью... У меня? Стандарт: пятьдесят шесть. Зато рукопашный хорошо поставлен, и с шестом неплохо получается. К нам в прошлую, нет, в позапрошлую уже зиму ниппонцы приезжали, по обмену, так я в соревнованиях до четверти дошел: показали мы им тогда Порт-Артур. Нет, меня свой вынес: Руслан Пастухов, он в финале тогда второе место взял. А ниппонца — последнего — тоже в четверти вырубил: мелковаты они против наших. Хотя Русик трепался после, что, вроде, Никандрыч ему говорил, будто желтые тогда специально прогнулись: под встречу императоров подгадывали, острова опять пытались себе отхватить. Брехал, наверное. У них же это... Лицо беречь надо. Да и острова им никто не отдал...

О Самайне?

А, ну да... Мы тогда собрались классом: ну, не все, конечно, но человек десять было, с две трети, получается. У Надюхи мать и батя в ночную ушли, они на станции служат, у мысленакопителей, день через три. А тут — праздник, в накопителях в такие дни — аврал, вот она, Надюха, нас и пригласила. Наготовила с матерью всякого, духам жарчки выставила, чтобы не буянили: Самайн все-таки... Надька вообще — девка правильная, ее родяки в медицинскую гильдию думают отдать: эм-кью у нее небольшой, на пределе совсем, но говорят, будто развить можно, если во врачи идешь. Программа там какая-то. Дункановский, что ли, фонд... Его еще фондом Бессмертия называют, знаете?

В общем — договорились у нее праздновать. А Аленка притащила визор и мнемов с десяток: тайваньские боёвки, типа исторические, что-то с водой связано: «речное»... русло, что ли, или отмели. Про разбойников, в общем. Потом, пара современных — про Триаду и британскую Защиту. Хотя, вот не

пойму, какая она — «британская», если среди заклинателей там все больше китайцы? Но Ли Джет в мнечах классно дерется... Еще что-то немецкое принесла, «Золото Зигфрида», что ли... Нет, почему эротика? Нормальная мнемка. Рыцарская. Про драконов, Вотан там здоровский, на нашего Горбала похож. Ну, на куратора по параллели: такой же седой и одноглазый.

А еще там пара североамериканских мнемов оказалась. С них-то все и началось.

Мнемы мутные были: того, кто их работал, как-то так смешно звали, не то Шарик, не то Кубик. Правда, Вовка сказал потом, что я дурак и ни фиги в современных мнечах не понимаю, и что Кубик этот крутой магик, немногим чета. Ну, я спорить не стал, у меня удар слишком сильный, чтобы спорить, да и Вован парень нормальный, а что заедается порой — так он отходчивый. Да и не дурак, если по правде.

Так вот, мнемы были забавные, но, как бы сказать, с придурью, что ли. Ну, сказка, про технику, но в общих сетях их давать навряд ли б стали. Там, короче, про пацана одного рассказывалось: он сирота был, вроде батя его в войну погиб (потом, правда, оказалось, что — не погиб, а перешел на сторону врага, а оттого — словно бы как умер для своих, переродился, но это уже в конце выяснилось). И встретил этот парень как бы Железного Человека... А этот Железный Человек в Аленкиной мнемке ... Ну, то есть, не Аленкиной, а Кубиковской... Он вроде как учителем для парня стал, а сила его была такова, что вблизи него любая магия переставала действовать. И еще он оказался последним из ордена Техников... Ну, перевели так, а что по-английски было — я не разобрал... Они, Техники, могли заставить холодное железо собираться в машины — ну, не такие, как у нас, а из тех, знаете, из старых, что до Восстановления еще были... Ну, я же и говорю — вряд ли такое в общей сети дали бы... Нет, перевод, вроде, вполне. Не самопал — точно... М-м-м, так о мнемке: там еще была королева, которую пытались схватить повстанцы, и парень, который главный герой, в нее влюбился, а она влюбилась в другого парня, который стал другом того, первого. А сирота — у него еще фамилия совсем дурацкая, вроде Эртдример, что ли — в конце-концов узнал, что королева — его сестра, а Темный Машинист, с которым он все это время борется — его отец... Ну, у этого Кубика там еще много чего происходило, но я о другом. Был там момент: когда повстанцы почти зацапывают Эртдримера и принцессу, его друг — ну, тот, второй, в которого принцесса втюрилась, он там магик крутой, так вот этот магик вызывает из книги воина древности... Ну, как объяснить... Вроде экзорцизма наоборот. Ну, он, воин этот, понятно, устраивает повстанцам мочилово, но я не о том. Просто, с этого все и началось.

Вован, как кусок этот увидел, так сразу раздухарился: лажает, говорит, здесь Кубик. Хороший, дескать, мнемоник он, а вот тут — втюхивает. Ну, ему говорят, что, вымысел дескать, не больше, а Вовка уперся: Кубик, говорит, мнемоник от неба, он, говорит, если что-нибудь делает, так этому всегда объяснение есть. А здесь, дескать, просто потакает

пиплу. Деньгу башляет. Не хочет трагедию, а хочет дешевый фарс — на потеху публике.

И вдруг Аленка: почему, говорит, фарс? Это, говорит, обычное дело — то, что Кубик здесь показывает. Выворочено, конечно, показывает, чтоб мелюзга всякая не лезла повторять, но — есть дескать такое заклинание, она, Аленка, точно знает.

Вовчик аж позеленел: очень он не любит, когда его слова под сомнения ставят, да и с Аленкой у них в последний год что-то вроде спарринга. В «мерлинке» у них результат близкий, что один, что вторая — гордость класса, потому каждый старается другого обойти. А тут такой случай.

В общем, Вован не выдержал и понесло его: с чего, говорит, добрая госпожа Рылеева взяла, что вот такая формула Искусства — есть? Чтобы не просто иллюзию на тексте поставить, а вот именно живого человека — из плоти и крови — вывести? А и можно, отвечает ему Аленка, только подготовка нужна, сноровка особенная или хотя бы привычка, и, главное, чтобы книга была настоящей... Это вот — «настоящей» — она словно бы подчеркнула, как надавила. Я тогда не понял, да и потом, сказать по правде, не слишком-то... До того, как поздно стало.

А Вовчик не успокаивается: какие, говорит, факты, что твоя правда? А Аленка глянула на него эдаким рыбьим глазом, и говорит: ты б, Ставраки, почитал что полезное кроме Рерихов — за рамками программы. В Бадмаева заглянул бы, в Лотмана... Я, кстати, почему ведь запомнил фамилии — уж больно дурацкий вид у Вовки был, когда Аленка этих деятелей называла. Не читал-таки он их, зуб даю — не читал... Или вот еще, говорит: ты ж про Конана слышал? Вовчик кивает: кто ж, дескать, о герое мексиканской войны не слышал? О перуанском рейде? О том, как Британия его, в конце концов, вербанула, и как он Британию кинул в андалузской замяти? В общем — слышал, говорит. А Аленка ехидно так ухмыльнулась, и — а знает ли добрый господин Ставраки, что Конан этот — никто иной, как герой книг североамериканского писателя Лавкрафта, и что за разработку метода по его извлечению Витгенштейн — тот самый, создатель теории магического языка — получил первую свою нобелевку? А если, дескать, не знает, то о чем вообще может быть разговор?

Вовчик от такого слегка охренел: уж слишком Аленка убедительно на него поперла, но решил, видать, не отступать. А что, говорит, добрая госпожа Рылеева, не побиться ли нам об заклад?

И, знаете, Аленке тоже словно вожжа под хвост попала: отчего же, говорит, не побиться? Я, вон, Веронику попрошу ассистировать.

А Вовчик — меня позвал...

ВЛАДИМИР СТАВРАКИ, 15 лет (7494 г. р.)

Все это как шутка начиналась, как дурацкая шутка. Я, конечно, разозлился тогда, в Самайн, но и Аленка — назад ни шагу. С ней, конечно, такое

часто бывает, но тогда — вот заело отчего-то меня. Ну просто поперек горла. Тем более, что показалось — глупости говорит, несуряцицу. Что просто выделяется девчонка: Аленка-то это умеет... Умела, то есть... Или как теперь правильной говорить?

...Спасибо, господин Великий Командор, но я бы выпил чаю. Запыхался совсем: порталы на нашей линии не работают, пришлось добираться пешком... Неужели не только на нашей? Да, действительно, странно...

...Знаете, господин Великий Командор, вам многие станут говорить, что мы с Аленкой едва ли не врагами были: так вы не верьте. Друзьями нас, конечно, назвать тяжело, но... Я, по правде сказать, пожалуй, даже в нее влюблен... Был... Ну, не совсем влюблен... Но как если бы мир стал изрядно проще и площе, не будь ее, вот. Понимаете? Правда, понимаете?

В общем, об заклад в Самайн мы побились, как тогда подумалось, не всерьез: так, на горячую голову.

Славку, правда, я в ассистенты именно тогда пригласил: знаете, дурацкие старые правила таких споров — секундантами с каждой стороны должны быть «глухие»... Ну, закрытые магически. Не способные к волшебствам. Хотя, сказать откровенно, ни в какую дуэль я в тот момент не верил: разве что как ноблес оближ, да и то... В общем — в запале все началось. Я же не знал, что для Аленки это так серьезно.

В общем, когда она ко мне через пару дней подошла и попросила два месяца отсрочки, я даже растерялся. У нас, помню, как раз контрольная по истории случилась: второй раздел САСШ — радости, сами понимаете, мало. Я накануне всю ночь учил, в голове каша: действия лондонского Капитула, ультиматум Керзона, Бостонская бойня, марш разгневанных магов, дело Форда-Эйнштейна... А тут Аленка... В общем, согласился я.

Теперь-то я понимаю, что нужно было просто отменить все, забрать вызов. Три минуты позора — и все. Впрочем нет, совру все же, если скажу, что готов был уступить. Не готов был. Но что значения не придал — это точно.

Единственное, чем я тогда поинтересовался — почему такой срок. Верите ли, не понял сразу. А Аленка усмехнулась и сказала что-то вроде: зимой, мол, оно красивей будет. Елка, дескать, опять же...

Нет, я не верю, что она планировала именно такой результат. Мне все еще думается, что это оказалось трагическим стечением обстоятельств. То есть, конечно, теорию невероятности нам преподавали, но — мне так думается... К тому же — Аленкина семья...

В общем, Аленка попросила отсрочки, а я согласился.

Потом какое-то время все было тихо: о споре ни я не вспоминал, ни Аленка. И следующий разговор у нас только где-то в середине декабря случился. Да, точно, в середине: как раз на семинар по практической истории деда привели — из старых боевых кадров, ровесника века: он все вспоминал суровую свою юность. Интересно, кстати, вспоминал: как с социал-пораженцами боролись, как красных магов по стране зачищали, о катакомбных ересиярхах, о том, как церкви взрывали в тридцатых,

когда патриарх попытался священную войну объявить. Дед этот в органах долго служил: до самого переселения татар, когда ему, по его же рассказам, руку оторвало и контузило сильно.

Да, так вот, как раз после той встречи Аленка и предложила свой план. И знаете, что я скажу? Мне он понравился. Нет, правда. Была в нем добротная такая основательность. И, одновременно, — изящество и притом не без сумасшедшинки. В тот момент натянуть нос службе безопасности, доказать, что мы — самые-самые, — это казалось привлекательным. И ведь, знаете что? Ей ведь удалось это сделать, что бы ни говорили.

Нет, нет, заранее мы не уславливались, что будет за книга. К тому же — я все еще не верил, что такое волшебство возможно, и что его сможет проделать Аленка. То есть, Лотмана я к тому времени уже достал и попытался усвоить, Бадмаева мне на пальцах объяснил один знакомец из отцовых аспирантов, но — вот не верил я. Все же граничные условия казались слабо выполнимыми. Да и вообще — многое в этом для меня оставалось неясным. Взять ту же историю с Конаном... Я ведь искал в источниках — ничего там не говорится о Витгенштейне и его «нобелевке», что было бы связано с киммерийцем. Вернее, связей-то с киммерийцем было достаточно, но связи эти везде описывались по-иному совсем. Ну, понимаете, да? И раз за разом говорилось, что Витгенштейн получил свою премию вовсе не за ту методу, о которой говорила Аленка. За «эффект прокола сути» он ее получил, а это, как я понял, немного другое. Даже совсем другое, если быть точным.

Что значит, откуда брал информацию? Из источников открытого доступа. Ну, конечно, структуриацией сути немного побаловался... А что? Нам разрешают: школа-то у нас — даром, что на периферии, но уклон соответствующий имеет. Вы ведь знаете, что у нас те, кто набирает высшие баллы перед выпуском — вольноопределяющиеся? И что, скажем, те же Рыцари Храма каждый год человек двух-трех берут к себе? На подготовку и переквалификацию. Поэтому у нас не то чтобы свобода, но — так, некоторая легкость в движениях.

Что? Да, действительно, интересуюсь. Даже обучаться хочу на клипомпа, если возьмут, конечно. У меня и тема экспликации есть: «Творчество Толкина как отражение британско-турецкого конфликта 30 — 40-х годов», поэтому — да, немного наслышан. К тому же, Вторая Крымская, можно сказать, через каждый дом прошла. И Дом, да...

Знаете, у нас в семье всерьез три праздника всего отмечают: Восстановление, Белтайн и Падение Порты. А короля Георга, несмотря на то, что победу над Портой тот кровью выкупил, все так же недолюбливают, как и в начале Второй Крымской. Хотя, вот папа говорит, что это обычная славянская привычка: нелюбовь к британцам. Со времен Первой Крымской, дескать, повелось. Нет, ничего личного: даже не погиб никто из предков, хотя дед — жезл получил от самого Александра Васильевича, адмирала: за проявленный героизм при Екатеринославе. Башибузукский рейд, помните ведь?

В общем, мы договорились на тридцать первое декабря...

ЛЮДМИЛА КРОШИНА, 42 года (7467 г. р.)

Здравствуйте, добрые господа, мне сказали, что в комнате «12» меня ожидают... Да, Крошина, Людмила Евстафьевна... Спасибо, конечно присяду.

Нет, прислали фельдъегеря: сказали, что ментографы не могут выйти в астрал...

Скажите, это как-то связано с Еленой? Просто, ходят разговоры, и... Простите, но об этом я не могу говорить: есть же некоторые правила приличия, переступать через которые... Кто? Господин Великий Командор? Но разве... Тогда я бы хотела говорить в присутствии моего поверенного, потому что в ином случае... Нет, господин Великий Командор... Да, господин Великий Командор... А зачем вам жезл власти, неужели вы полагаете, что можете вот так запро...

...

Да. Да, я Крошина, Людмила Евстафьевна, третий уровень, дидактик школы имени невинноубиенного царевича Алексея.

Да, Елена Рылеева — ученица класса, который я курирую. Очень способная девочка: не поймите меня превратно, но в последние годы уровень образованности молодых людей значительно снижается, и я даже боюсь подумать, с чем это может быть связано. Скажем, в наше время, средний эмкью... Что? Извините, я постараюсь не отвлекаться...

Так вот, в моем классе Леночка — первая. То есть, формально Володя Ставраки набирает больший эм-кью, но... как бы это сказать... Он, практически, достиг своего предела. То есть, он будет развиваться — он вполне способный мальчик, но прорывов в будущем я бы от него не ждала. А вот Лена... У нее — очень открытое восприятие: знаете, в третьем классе она смогла произвести полную трансфигурацию — сначала никто не поверил, но факт остается фактом.

Да, я в контакте с классом — в поверхностном, как принято: чтобы удерживать настроение. Мы ведь не работаем глубже, если к тому нет показаний. Какого-нибудь форс-мажора, к примеру. В отношении же Лены сама возможность таких обстоятельств казалась мне... маловероятной, скажем так. Она очень ранимый и открытый ребенок, но, как ни странно, чрезвычайно пластичный в смысле психологических кризисов.

Способна ли она на безрассудный поступок? Господин Великий Командор, а вы разве никогда не бывали молоды? Если в этом смысле, то — да, способна. Но рамки ее безрассудства все же не настолько широки, как, боюсь, мнится вам. От Лены я не слышала — никогда и ни по какому поводу, заметьте, — ни одного высказывания, не совместного с существующим положением дел. К тому же, ее родители занимают достаточно высокое положение, чтобы привить своей дочери патриотизм в той мере, чтобы вопросы, подобные вашему, не возникали ни в каком контексте.

Господин Великий Командор, я несколько не понимаю сути вопроса: что значит — подрывная литература? В некотором смысле — и «Капитанская

дочка» подрывная литература, потому как может вызывать ненужные аллюзии, а уж воспоминания Александра Васильевича Колчака — в силу особенностей Второй Крымской войны — и вообще предельно непатриотичны... Что? Да, в нашей библиотеке есть мемуары Колчака, а разве они входят в регистр запрещенных книг? Впрочем, насколько мне известно, Лена не слишком увлеклась этим периодом истории. Знаете, год назад она ознакомилась с французской школой клипомпов — у нас был такой семинар — и буквально заболела на некоторое время эпохой «непобедимой армады». Но и только. История, по моему мнению, вообще не относилась к ее страстям, у нее было несколько другое направление интересов: я ведь уже говорила вам об ее успехах в трансфигурации... Собственно именно эта область...

Да охранят нас силы, как можно такое спрашивать? Конечно, нет! Во-первых, с этим у нас в школе достаточно строго, а во-вторых, я вновь напоминаю вам о родителях Елены. Неужели вы думаете... Извините, господин Великий Командор, но подобные предположения просто нелепы. В конце концов, мы пережили Вторую Крымскую, да и в Мировой участвовали достаточно продолжительное время, чтобы решить для себя вопрос о вреде монотеизма навсегда. Неужели вы полагаете, что мы и наши ученики сможем позабыть ту цену, которую пришлось заплатить свободному миру... Нет, это совершенно исключено! В конце концов, достаточно выйти на окраины — после победы над Портой прошло уже больше полувека, а следы все еще заметны: вы же прекрасно знаете, что именно Малороссия приняла на себя главный удар в ту компанию.

К тому же, Лену, как мне кажется, не интересовали вопросы религии. В конце концов, мы вполне в силах воспитать настоящего прогрессивного человека и стараемся не забывать о том, что могло произойти при ином развитии истории. Знаете, господин Великий Командор, какие события чаще всего упоминал класс Елены, как наиболее важные для человечества? Сразу после Восстановления и гималайской экспедиции Рерихов в поисках Ашоки — европейскую секуляризацию тридцатых годов.

Нет, с Володей Ставраки они не дружили, но я бы не сказала, что — враждовали. Скорее — соперничали. Понимаете, лучшие ученики класса... Впрочем, что там — класса: таких результатов, которых достигли и Володя, и Лена, в нашей школе не бывало, пожалуй, уже лет тридцать, поэтому — судите сами... Впрочем, назвать их отношения безоблачными я бы, конечно, не решилась: когда тебе пятнадцать лет... Однако, и за рамки обычного возрастного противостояния они не выходили.

Друзья? Знаете, Лена вела себя со всеми достаточно ровно, и я бы не решилась употреблять слово «друзья». Скорее — товарищи. Лена хорошо осознавала свой статус — особенно в последние три-четыре года. Если, знаете ли, понимаешь, что еще год, и ты попадешь в региональную академию Храма... Или — в колледж Каменщиков... В этом случае довольно трудно безоглядно дружить. Но товарищи — да, были. Я бы даже сказала, что довольно много: Лена всегда оставалась общительным ребенком.

Нет, я ничего не слышала о таком споре. Я ведь говорила, что мой контакт с классом был довольно поверхностным, в пределах необходимой нормы. То есть, обычно достаточно фиксировать общий эмоциональный фон, к глубокому проникновению я стараюсь прибегать лишь когда чувствую, что дело неладно. Нет, в последнее время эмоциональный фон оставался в пределах нормы: то есть, было некоторое возбуждение, но я списала его на конец триместра — вполне, знаете ли, нормальное состояние для детей. Впрочем, я бы не удивилась, если бы узнала, что определенная часть учеников умеет скрывать свои чувства, однако устраивать расследование по столь ничтожному поводу... Администрация такого не поддерживает.

Тридцать первого декабря? Да, действительно, Лены в этот день в школе не было, но я не придавала этому особого значения. Дело в том, что она еще накануне жаловалась на недомогание по женской части: вы ведь знаете, что в этом случае целители не в силах помочь. Поэтому, когда на следующий день Елена не появилась на занятиях, я не слишком-то обеспокоилась.

И еще, знаете, — тридцать первого числа не было и Вероники Палий...

ВЕРОНИКА ПАЛИЙ, 16 лет (7493 г. р.)

А вот чего она именно меня выбрала — я и знать не знаю. Мы с Аленкой знакомы давно, но чтоб дружили — нет, не сказала б. Так, обычное дело: здравствуйте — до свиданья. Да у нее-то друзей и вообще не было. Ну, почти. Так, приятельницы — вроде меня. Нет, дома у Аленки я бывала, и не раз. Да и она ко мне иногда заходила — даже, пожалуй, почаще, чем я к ней. Знаете: посидеть, поболтать...

Хотя... Она ведь маг, а маг, когда затевает в спор с другим магом, должен найти поручителя. Ну, типа секунданта: обычно того, у кого «мерлинка» невелика совсем. Зачем? У нас считается — для чистоты спора. Чтобы, значит, никто никого в подлоге не заподозрил. Хотя Денис Садошенко говорил, что как-то этот обычай с жертвами связан... Ну, был связан. Но Дениска много всякого болтает, ему, клоуну, только повод дай.

В общем, с Вовкой они уговорились встретиться на тридцать первое декабря: чтобы, значит, Аленка показала, что умеет. Ну, у них там спор какой-то вышел — дурацкий совсем, я подробностей не выпрашивала, мне и так неприятностей хватает, но Аленка предложила быть ее помощницей, и я согласилась. А что? Во-первых, интересно, а во-вторых, честно скажу — не всякий раз тебя приглашает секундантом на дуэль лучший магик школы. То есть — не на дуэль, конечно, это просто так называется — они ведь не убивать друг друга собирались: просто как бы силами померяться.

Почему именно тридцать первого? Ну, Аленка объясняла, что — вроде как конец года, астрономический перелом, что ли. Солнцеворот там, то сё... О юлианском календаре что-то... В общем — стык времен, сказала. Лучшее, мол, время для таких дел.

И место удобное выбрала... То есть — не то, чтобы привычное, под самым носом ведь у Защиты, но и словно бы под шапкой-невидимкой: на Железном поле. Вот вы удивляетесь — ну да, холодное железо, какая уж магия, — а того, небось, не знаете, что на Железном поле в развалинах классные подвалы порой можно найти. Даже не подвалы — погреба почти. Там можно не то что мага спрятать — слон запросто поместится. Да и железо — хотя и экранирует, но какой-то там «устойчивый канал смещения» дает: уж не знаю, что такое, о нем, вообще-то, Аленка говорила. Я ведь, знаете, к магии не слишком гордая, оттого мне — что железо, что дерево. И Аленка сказала — что и защитит заодно. Ну, от Защиты защитит. Так оно, кстати, и вышло.

Во-от... А тридцать первого мы с ней вместо того, чтобы в школу идти, как раз на Железное поле и подались.

Там, вообще-то, страшновато, на Железном поле. Там ведь во Вторую Крымскую маги-смертники механизированный корпус Закир-паши накрыли: да вы-то знаете наверняка, оно во всех учебниках как самая удачная партизанская акция описывается. Даже картина есть — кого-то из москвичей, знаменитого, как его — Галзунов, что ли? — «Дмитрий Иванович Оганесов-Петров взывает к теллурическим силам». У меня, лично, каждый раз, как картину эту вижу — будто холодными искрами по спине пробивает: небось, правда, что художник с черными магами был связан. Хотя Володька, вон, говорил как-то, что дураком Галзунов был, дураком и помер, а картинки такие на ментографе можно сотнями штамповать — хуже от того они-де не станут. Ну а мне — нравится.

Так вот, там, на Железном поле, как ловушка-то партизанская схлопнулась, так все и осталось: нетронутым почти. Говорят, даже кости порой найти можно. А уж железок разных — вдосталь, только знать надо, где брать. У меня парень был, так его знакомый там целые раскопки устраивал — пока его Защита не заграбастала. Даже часы механические нашел — совсем на наши ментальные не похожи: колесики какие-то, стрелочки...

Вот мы, значит, на Железное поле и отправились: там, как оказалось, для таких дел, как наше, давным-давно подвальчик обустроен. И хорошо обустроен: просторно, разве что потолок низковат, но в остальном... Чистенько, стол соорудили. Диванчик стоял продавленный: как его сюда заперли — до сих пор не пойму. Магией небось. Вот там, в подвальчике, мы и устроились. Аленка щенка принесла с собой и клетку с голубями. Щенок, кстати, славный был: хвостом вилял, радовался. Я его на колени посадила, так он враз все лицо мне облизал. А Аленка долго что-то вычерчивала — на полу, потом по столу. Как обычно у магов: круги, сигнатуры, знаки какие-то. Часов пять она там провозилась — мы-то и в школу из-за этого не пошли, Аленка хотела подготовить все наилучшим образом: споры ведь опасная штука. Говорят, можно и умение свое проспорить, да и себя самого — тоже запросто.

А к восьми и Володька пожаловал, да не один, а со Славиком: он этого обормота в секунданты взял.

И вот тогда Аленка книгу и достала...

ВЛАДИМИР СТАВРАКИ, 15 лет (7494 г. р.)

..Нет, я ее толком и не рассмотрел: книга и книга. Алена очень быстро ее под Печать положила.

Мы, когда пришли (кстати, все же здорово с Железным полем придумали: никто из Защиты так до самого конца и не появился), там все готово было: Аленка и в школу-то затем не пошла. Наверное, именно тогда я и понял, что для нее это — чрезвычайно серьезно. Видимо, в Самайн ее мое недоверие зацепило, и зацепило — сильно. Я, сказать по правде, даже подумывал: уж не извиниться ли. Но так и не стал ничего предпринимать.

Знаете, а вечер тогда славный выдался: легкий морозец, небо чистое, луна над руинами... Место там — да, неприятное: говорят, на Железном поле порой видят даже неупокоенных духов, хотя — вряд ли, конечно. После войны ведь по всем таким участкам зачистки прошли: мне дед рассказывал. Да и не особо они, зачистки, здесь и нужны были: все же Закирпаша холодного железа нагнал достаточно, чтобы самый вопрос о призраках отпал. Я, кстати, удивляюсь, как тогда, в войну, эту операцию вообще удалось повернуть...

Но, в общем, не об том речь, вы правы...

Мы со Славкой рановато пришли: часов в восемь вечера. Но бродить по развалинам в полночь, сами понимаете, — занятие не слишком-то разумное, да и девчонок одних бросать было как-то... Мы термос захватили с собой, бутербродов с десятком: все равно, лучшее время для заклинаний — ближе к середине ночи. Сидели, чай потягивали, говорили про всякое. Славка рассказывал, как они с дружественным визитом ездили в Австро-Германию: на празднование объединения, на сорокалетие. И как их не хотели впускать в Берлин — приняли за террористов-ваххабитов (они два дня толком помыться-побриться не могли, а парни все больше чернявые, вот и...). У германцев вообще с этим делом забавно: я сам побывал на молодежном слете в Праге, года полтора назад, и до сих пор помню, как французская делегация глядела на белокурых мальчиков, что двигались Старым Мясом: плащи с крестами, старые железные латы. Тевтоны стали популярны тогда. Дойчланд юбер алес, и все такое прочее. Впрочем, смотреть, как рабе Лёв беседует с магистром ордена — было одно удовольствие: вот уж недаром каббалистов в Рейхстаг ввели. Да и как иначе? Все ведь понимали, что не сделать этого после событий шестидесятых было бы предельно несправедливо. Предельно.

А Аленка рассказала историю о том, как знаменитый Сидни Рейли с блеском выполнил задание, но проиграл войну: о миссии в Порту. В принципе, старая история, многократно обсосанная, но — дьявол в деталях. Рассказ был приятный, из тех, которые здорово выслушивать зимним вечером у камина, но ведь мы и были — зимним вечером. Правда, вместо камина — сферы Эдиссона, а разогревал их — я, потому что Аленке имело смысл побережь силы, чтобы дуэль вышла чистой.

Знаете, особенно умилил рассказ о том, как Рейли рассказывал Кемало о выгодах Восстановления: чем-то это напоминало выбор Владимира-Крестителя. Даже и сам не знаю — чем. Ощущениями от рассказа, наверное.

Так вот мы сидели, время шло неспешно. А потом Аленка выпрямилась, словно бы к чему-то прислушиваясь, и я понял, что — начинаем...

ВЯЧЕСЛАВ ЯНЕВСКИЙ, 15 лет (7494 г. р.)

...Я, сказать честно, и не знал, что на Железном поле можно так клево оттянуться. Если б еще повод был не такой убитый... В общем, сидели, травили байки: откуда только Аленка их такие знала — ума не приложу. То есть, вроде бы все, что и всегда, но как-то у нее выходило... необычно, что ли. Словно в анекдотах: вся соль в конце... Ну, понимаете ведь? Особенно про Порту, которая кинула Британию, после того, как башибузуки на британских транспортах высадились в Испании, а исламисты — взяли и шлепнули Кемалю.

Мы с Вовчиком чайку с собой в тот подвал приволокли, оттого сидели душевно, без напряжения. Подвал, правда, такой был... С сыростью. Словно, знаете, тянуло от пола и стен. Мелочь, конечно, а неприятно. И ведь стены обшиты...

А потом, видно, пришло время, потому что Вован встрепенулся, и Аленка встрепенулась, и только мы с Веркой сидели как два байстрюка на чужой вечеринке. Хотя, вечеринка-то была точно не наша, и мы об этом — знали. С самого начала знали: уж для такого вывода соображалка и у меня, и у нее — вполне работает.

Аленка, как стало понятно, что тайм — прайм, сунулась в свой рюкзачок и вытащила книгу, с которой, в общем-то, все и началось. Или — к которой сводилось, поди разбери теперь. А Вовчик спросил насторожено: начинаем? Но уж это-то было ясно и так, без вопросов. А у меня такое чувство вдруг возникло, словно на татами, когда ясно, что вынесут тебя, что не продержишься и двух минут, но все равно: идешь и коротко кланяешься, потому что — честь и слава...

Книгу-то я едва успел заметить: уж больно быстро Аленка ее запеленала. Ну, в клочок материи: он специальный у нее был, я в этих магических штучках не разбираюсь, меня с моей «мерлинкой» к магикам и на занятия не пускают, но с виду — из тех платочков, что в работных рядах можно прикупить пяток за десятку. Ручной работы, конечно. Только у Аленки был словно прошит золотой нитью. И вот еще: сворачивался он легко, но все казалось — будто из жести. Или из фольги. А Вован, надо сказать, на платок смотрел с бо-ольшим почтением. В общем, выходило так, будто Вовчик Аленку за один вид того платка зауважал и зауважал сильно.

Аленка же — повернулась к нам, глаза по полтиннику, черные совсем, как от дури, волосы — дыбом... А что, говорит, добрый господин Ставраки, никогда, мол, не хотелось вам послать весь мир на хер?.. Нет, она, конечно, более изящно выразилась, но — в том смысле... Дескать, поймать за руку судьбу, что все время играла краплеными картами. А мне, говорит, порой — хотелось бы. Есть, говорит, в нашем существовании некоторая ущербность,

навроде бы как, говорит, мы — и не мы вовсе, а только бледные отражения, муки совести. Вовчик, по-моему, аж охренел от такого спича, вид, по крайней мере, у него такой был, словно вся затея эта стала вдруг ему поперек горла. И будто только честь и слава не дают ему пойти на попятную... А я вам так скажу — на кой честь и слава, когда остаешься без сердца?

А из Аленки вдруг словно кто воздух весь выпустил: скукожилась она, сжалась, и говорит: «пора»...

ВЕРОНИКА ПАЛИЙ, 16 лет (7493 г. р.)

То есть, я видела, конечно, такое раньше в мнечах, но чтобы так, в упор... Да и кровищи оказалось... Вот, что удивительно: куенок маленький совсем был, а вытекло — чуть ли не с пару литров. Хорошо еще, что — Аленка его усыпила, иначе он, наверное, скулил бы сильно.

А знаки на столе — вдруг польхнули: синим таким неярким пламенем. Знаете, будто мнечи светятся, только без картинки, а так просто. И Аленка — забормотала что-то: непонятное совсем, я и не разобрала-то ничего...

ВЛАДИМИР СТАВРАКИ, 15 лет (7494 г. р.)

Верите ли, я и языка такого не знаю, на котором она тогда начала говорить. То есть — словно во сне, когда каждое отдельное слово — понимаешь, а вместе сложить не получается, рассыпаются слова, не держатся. Но я вам скажу: слова те были — чистой магией, безо всяких примесей, уж это-то я учуял очень явственно. У меня даже волосы на затылке дыбом встали: как уж Аленка этакую силищу контролировала — только небу, верно, известно.

А над книгой, что под кассандровой печатью лежала, словно бы сгусток образовался — не темный, не светлый, но такой... словно все цвета там были одновременно и неслиянно. И тогда Аленка... Понимаете... Хотя, что это я? Конечно понимаете... Некоторые волшебства мы совершаем на силе, некоторые — на дыхании, а вот для некоторых нужна своя собственная кровь, а порой — и жизнь. И, как видно, то, что Аленка делала — именно таким и было. Потому как она достала из рукава нож (аккуратный такой, изогнутый) и воткнула себе под грудь...

ВЯЧЕСЛАВ ЯНЕВСКИЙ, 15 лет (7494 г. р.)

..Достала из рукава нож и сделала два быстрых разреза на левой ладони: так, знаете, черкнула — раз, два — и приложила ладонь к тому шару...

ВЕРОНИКА ПАЛИЙ, 16 ЛЕТ (7493 г. р.)

Да нет, она вытащила нож из рукава и просто провела по платью — крест-накрест: под грудью и сверху вниз. И брызнула щенячьей кровью на платок,

в который книга была завернута. А потом... А потом... А я ведь не помню, что было потом, представляете?

ВЛАДИМИР СТАВРАКИ, 15 лет (7494 г. р.)

Знаете, я тогда — поверил. Просто не могло оно быть иначе, все становилось бы противно и мерзко, если бы Аленка ошибалась. И еще — я будто открыл глаза... Это трудно объяснить... Знаете, словно вы идете по темной дороге, а впереди встает вдруг демон: с хвостом, рогатой головой и вывороченными коленями, и вы — задыхаетесь от испуга, сжимаетесь в комок, судорожно обшариваете память в поисках необходимого заклинания, а потом — раз! — и становится ясным, что перед вами только дерево. Такое вот дурацкое чувство. Но — и восторг был неизмеримый. Словно завесы пали, или словно из душевой комнаты ты шагнул на свежий воздух — я говорю банальностями, знаю, но... Все было именно так. Причем, я ведь не помню ничего, но вот это ощущение, что — видел целый мир, и что там — все по другому, не так как здесь, не оставляет меня с тех пор совершенно. А потом... потом... Потом — я не помню совсем, извините...

Только, я вот о чем думаю: ладно — Конан, пусть. Но ведь там у нас — никто не возник, нет? Ведь нет же?

Вот только...

Интересно, а можно ли вытянуть не отдельного героя, но целый мир, если он в книжке — есть?

ВЯЧЕСЛАВ ЯНЕВСКИЙ, 15 лет (7494 г. р.)

Знаете, а я ведь название книги вспомнил — потрепанная она была, истертая, но — вот вспомнил же. Было там напечатано: «Аэлита».

Странное какое название, верно?

А еще, слышите, — приколы? Вчера вечером — за почтой вышел, а там открытка. Причем — просто полиграфия, без магических наворотов. Без прибабасов такая открытка, нормальная. Вот только одно в ней ненормально: представляете — надпись под рисунком: «Вітаємо з Новим, 2001 роком!». Дурацкая шутка, правда?

СЕРГЕЙ КАРЛИК

ЦЕННЫЙ СУВЕНИР

В ЭТОТ РАЗ Я РЕШИЛ ПОЕХАТЬ В КЕНИЮ!

Сообщил он это совсем даже не с радостным выражением лица, хотя обычно в отпуск собираются с предвкушением удовольствия от отдыха. Но в тот момент, когда он нам об этом сообщал, вид у него был бледный и утомлённый. В общем-то, мы не очень хотели знать, КУДА он едет, нам было больше интересно, ПОЧЕМУ его не было на работе три дня.

А потому!

Чтобы просто съездить в Кению, посмотреть на сафари и прочая, нужно сделать кучу прививок. От малярии, от всех видов гепатита, от жёлтой лихорадки, от сонной болезни, от.... Всего около двадцати прививок, от которых вы будете лежать пластом трое суток. Вот такая подготовка для белого человека, который собрался чёрте куда. К неграм. Белый человек там такая редкость, что рекомендовано по ночам сидеть в гостинице и никуда не ходить, местные нацисты, знаете ли...

Гоша решил съездить в совсем экзотическую страну. Мало ему было Таиланда, Индии, Туниса и прочих стран, в которых один торговец из десяти уже точно знает русский язык. Нет, ему нужна была такая страна, в которой не то что русского, английского никто не знает, в которую нет прямых рейсов, перед поездкой в которую надо делать кучу прививок.

Ну как же! Сафари на слонов, сафари на бабочек. Природа!

Конечно, мы тогда и не догадывались, что его не совсем природа интересует, точнее не только она. Есть такие люди, они говорят и делают одно и то же. Но при этом они ещё что-то делают, но никому об этом не говорят, пока не получат конкретный результат.

Каким он был? Да я вот сейчас думаю... Где-то лучше других, где-то хуже. Иногда абсолютно без тормозов. Мог запросто утром зайти к нам в бухгалтерию и при всей честной женской аудитории спросить:

— А знаете, чего мне сейчас не хватает?

У него на физиономии при этом такое выражение, что сразу понятно чего, но мы, конечно, делали вид, что мы не в курсе.

— Куска мяса и женской ласки! — заявлял Гоша и тут же сваливал работать. Любил он нас, в общем, в краску загонять.

Не знаю я, чем там занимаются парни в аналитическом отделе, но видимо хлеб они там не зря едят. Фирма богатеет, зарплата у всех растёт. И Гоша, который работает именно в этом аналитическом отделе, не бедствует.

Я вот даже и представить себе не могу, чем они там занимаются. Бухгалтерия считает деньги и проводит документы, менеджеры ведут переговоры и

продают, всякие там изобретатели изобретают. Фирма занимается спецмаслами, не теми что в легковушки заливают, а теми на которых работают механизмы в электростанциях. А ещё мы всё время сочиняем всякие разные способы использования нефти. Это так, к слову. А Гоша аналитик, наверное, он всё это как-то организует, по мне, так лучше бы он за своим поведением следил и организовывал самого себя. Он вообще-то многих раздражал тогда и раздражает по сей день. На работу приходит когда сам захочет, уходит так же. На рабочем месте у него бардак, довольно часто он не включает компьютер, а просто сидит и читает газеты, работничек. И я понятия не имею, даже предположить не могу, за что платят ему ТАКИЕ деньги.

Вообще то его не Гоша зовут, а Гарик Гольдерман и он из армянских евреев. Он так сам говорит. Гошей его прозвали за сходство с Гошей Куценко, и вроде как он не обижался на кличку, так и повелось, в общем, звать его Гошей. Он просто вылитый, только у того волос то не очень, а у нашего аналитика их много, черные и кучерявятся.

Помню, когда я его увидела в первый раз, с этой его идиотской улыбочкой, то сразу же подумала: «Боже! Какой придурок!» На самом деле зря я так, очень скоро выяснилось, что он мягкий, добрый и отзывчивый человек. Чем мы все и пользовались! Честно! Гоша мог преспокойно помочь разгрузить машину водителю, мог запросто сесть и подежурить на месте секретарши, у него всегда можно было взять в долг, а если у вас плохое настроение, то у него всегда наготове весёлый анекдот, который обычно в тему.

Я вам скажу от себя, такие мужчины НИКОГДА не нравятся женщинам. Мужик должен быть немного в себе, он не должен быть открытой книгой, в нём должна быть капелька игры. На самом то деле в Гоше была игра, но она была настолько тонкой, настолько скрытой. И основная ошибка была в том, что когда он доигрывал свои игры, то раскрывал полностью результат. Наверное, это был такой отпечаток его работы, ведь он в первую очередь анализировал мир вокруг себя. Себя же он анализировал тогда, когда ему нужно было вписаться в ситуацию. У него случалось пить запоем с нашими клиентами по неделе где-нибудь в доме отдыха, или менять одежду каждый день, переходя от костюмов троек, до затрапезных потянутых свитеров. Этот парень изучал реальность так, как некоторые учёные изучают тараканов. Свысока и в тоже время держа эту самую реальность под микроскопом.

А я? А я простая секретарша на телефоне. И даже не та, что принеси-подай, а так... голос на коммутаторе.

- С кем вас соединить?
- Как вас представить?
- Вы по какому вопросу?

Да какое мне, соске, дело до их вопросов то? Да вот любопытно!

Пару раз Гоша ко мне подкатывался с предложением сходить в кино, там, или в кафе посидеть. Но такие как он, ну совсем не в моём вкусе. Пусть у тебя два высших, ты выглядишь неплохо, и не куришь и занимаешься спортом. Но не моё. Вы понимаете?

Надо сказать, что не всё и не всегда у Гоши было на фирме гладко. Его доступность сослужила ему плохую службу. Он был на короткой ноге со всеми, и поэтому некоторые люди, которые должны были просто таки гордиться тем, что он им говорит «Привет!», почему-то решили, что они находятся с ним на равных. Я может и не очень умная, но на примере Гоши убедилась, что там, где равенство, там и зависть. Люди все разные, в тот момент, когда разные люди приходят к одному знаменателю, может вскрыться их настоящее, то, что обычно не показывают.

У нас был такой химик Андрей. Могу сказать, что внешностью его бог не обидел, и он был мастером вот этих вот игр между женщиной и мужчиной, у него с женщинами проблем не было. Зато иногда у женщин были проблемы с ним. Конечно, химики нам нужны, они даже получают у нас неплохую зарплату. Но не такую хорошую как некоторые аналитики. А почему? А ещё они должны выслушивать всякие указания от этих самых аналитиков, по поводу сроков, нужд компании и прочей ерунде. А почему? А ещё они должны вовремя появляться на работе, в то время как некоторые умники могут приходить и уходить, когда захотят и где-то там с кем-то квасить в интересах компании. А почему?

Да нет, я не думаю, что Андрей рассуждал именно так, но что-то в этом роде. Умные люди не делают подлостей, они думают о последствиях. Но Андрей уж точно не был умным человеком, да и химиком так себе. А уж задевать такого человека как Гоша...это чистой воды самоубийство!

Андрей запросто мог назвать Гошу жидом, мог толкнуть его в коридоре, когда как ему казалось никто этого не видит. И ведь взрослый же мужик! Однако ВСЕ видели, что происходит, и всем было интересно. В конце концов Андрияша зарвался. В столовой он как бы случайно вылил на стол перед Гошей кетчуп и забрызгал тому рубашку. Гоша же так это спокойно, предложил побеседовать при всём честном народе по поводу их с Андреем отношений. Тому пришлось сесть за этот же самый стол. Гоша попытался сначала вразумить Андрея, мол, не очень понятное поведение, провоцирует не очень здоровую обстановку, которая мешает работать.

На что Андрей, который видимо, решил, что его это никак не касается, ответил: — Да чего такого-то! Я ведь только тебя задеваю.

Гоша запросто мог выкинуть этого недохимика, просто сдав наверх анализ работы данного винтика нашей машины. Но Гоша не из тех, кто ищет простых и понятных путей. Вместо этого он прямо в глаза Андрею высказался в том духе, что не мешало бы некоторым почитать о природе латентного гомосексуализма. Мол, не очень нормально выглядит приставания одного мужика к другому, так же растёкся мыслью по древу в том плане, что некоторые много о себе воображают, но на самом деле являют собой редкую посредственность. Так как простые химики получают у нас раз в десять меньше простых аналитиков, то Андрей был просто в бешенстве. Однако про стечении народа он ничего сделать не мог. Сделал всё позже. Подстерёг Гошу вечером на автостоянке и избил.

Опять таки на месте нашего аналитика любой солидный мужик просто пошёл бы в милицию. Но не Гоша! Мало того, он, не скрывая данного конфликта, тем не менее, НЕ ПОЗВОЛИЛ уволить Андрея. Настоял на том, чтобы тот ос-

тавался на данной должности. Андрей сначала не понял шутку юмора, пытался всем рассказывать какой он герой и тому подобную ерунду. Но! После этого даже охранники перестали здороваться с ним. Никто из тех, кто видел, как развивался данный конфликт не здоровался с Андреем за руку, никто из этих людей не садился с ним за один стол, в лаборатории у Андрея вдруг сразу освободился угол, в который никто не заходил, и женщины перестали воспринимать его всерьёз. А Гоша тем временем стал регулярно ходить в секцию бокса, а рядом со своим рабочим местом он поставил себе целый тренажёрный комплекс. За счёт фирмы! Теперь вы поняли, что это был за человек?

Между прочим, после драки Гоша нашёл в себе силы добраться до корпоративной вечеринки, и даже выиграть там в составе команды у наших конкурентов в боулинг. Андрей то думал, наверное, что Гоша после драки туда не явится. Ничуть не бывало, с заплывшими глазами, в порванном пиджаке тот явился, как ни в чём не бывало. А Андрей туда даже не пошёл. Иуда!

Потом Андрей пытался уволиться. Причём доходило до смешного, то он не мог забрать трудовую из отдела кадров, то его заявление об уходе терялось, то его подозревали в нечистоплотности, типа, изобрёл и скрывает. На просьбу его уволить начальник лаборатории тут же вызывал службу безопасности и крепко сбитые парни начинали устраивать длительные допросы, типа, зачем это ты увольняешься, а не скрывается ли что-нибудь за этим.

По мне, так за такой ерундой мог скрываться только Гоша. Ну, наверно все аналитики такие. У него там, в отделе, все немного с заворотом.

В общем, когда такой человек собирается провести отпуск в Кении и для этого прививается от двадцати болезней сразу, то это уже никого не удивляет.

Так вот история началась, наверное, именно тогда когда он уехал, но лично для меня она началась тогда, когда он вернулся.

А знаете как это, когда ведущий аналитик уезжает в отпуск?

А на самом деле аналитики не отдыхают. Их мобильный всегда доступен, Гоша даже жаловался что в Таиланде ему постоянно звонили ночью. Ну что ж, четыре часа разницы в часовых поясах. У него четыре ночи? А у нас восемь утра! И не волнуется!

Но с Кенией вышел облом. Сначала просто что-то изменилось в воздухе, какая-то напряжённость появилась что ли? Потом пошёл шёпоток по комнатам, мне стали звонить какие-то абсолютно незнакомые люди, прося соединить их с аналитическим отделом или с директором, в их голосах чётко звучали истерические нотки. Весь аналитический отдел тем временем пахал как проклятый, тамошним мужикам стало ни до кого, они просто приросли к своим мониторам.

Я сижу сразу у входа, а дальше комната экономистов и бухгалтеров, так мы иногда устраивали девичник и на нём подробно обсуждали атмосферу на фирме. Между прочим, Гоша не просто постоянно к нам заходил, довольно часто он одаривал нас всякими вкусностями, так вот мы даже привыкли к этому, и тут в его отсутствие даже подсчитали, сколько он тратил в месяц на конфеты, оказалась половина моего месячного оклада. Там же я узнала, что Гоша исчез.

— Исчез! Его не могут найти!

Валя, старший экономист сказала это со священным ужасом в глазах. А я вот не испугалась. Гоша не тот человек, который может пропасть ПРОСТО ТАК. Такие люди не могут сгинуть в неизвестность, поскольку неосознанно оставляют за собой след. Так что когда он появился в мониторе на моём столе, а значит и перед входной дверью фирмы, я ничуть не удивилась этому факту.

И он вошёл в двери, чёрный как негр, и пошёл летящей походкой, сопровождаемый хоровыми воплями из каждой встречной двери, оставляя за собой незнакомый запах. И когда он прошёл мимо меня, вот ТОЛЬКО ТОГДА я вдруг испытала шок, это может понять только женщина. Мимо меня прошёл мужчина, он был мне знаком, я его часто видела, я знала его улыбку и глаза. И вот он проходит мимо меня, бросает на меня взгляд, улыбается мне, почти как раньше. Но именно почти, то есть я сразу поняла, с ним что-то не так. От него пахло иначе, он выглядел иначе, как будто стал выше ростом, как будто стал менее сутулым. Кажется, изменился размах рук при ходьбе, к тому же у него была короткая причёска, он состриг свои кудри, и это сразу придало ему немного серьёзности.

В тот день рабочий процесс был сорван. С этим ничего нельзя было сделать. Аналитики из его отдела, которые пришли к нему с какими-то вопросами, тут же про них забыли начисто. Гоша то у нас, оказывается, авантюрист редкий. Отправился куда-то с неграми в местный вельд и пропал там. Я так и не поняла, кто кого там потерял, но факт, что он три дня пробырался по Африке один, а потом ещё три дня прожил в каком-то диком племени. Сидя на столе, Гоша вещал про крокодилов длиной метров по десять, про змей, которые кишмя кишели под ногами, про хищников, которые днём боялись его, а ночью почему-то нет. Он рассказывал нам про животных, которых мы видим у себя только в зоопарке, там они бегали громадными стадами. Рассказывал, как где-то в саванне видел золотые жилы, куски кварца с вкраплениями золота были на поверхности. Это золото никто не добывает, так как там нет воды, и если её возить, или проводить, то получается неоправданно дорого. Он рассказывал про местное население, многие там НИКОГДА не видели белого человека, его даже однажды поймали и раздели, он думал что грабят, а на самом деле местная шпана делала между собой ставки весь он белый или только местами.

И вот, пока он так рассказывал, мы все смотрели на него, не отрываясь, и мы все понимали, это прямо в воздухе висело, что перед нами другой Гоша. Оболочка та же, мысли и настроения те же, но что-то изменилось. Он как будто выпрямился, стал светлее, хотя на самом деле загорел дочерна. И ещё в нём было что-то такое, что исключало совсем уж панибратское к нему отношение. Когда привезли воду, знаете такие бутылки на восемнадцать литров, он было рванулся помогать её разгружать, но его остановили остальные.

— Знаете, Гарик Аронович. — Сказал смущённо водитель Пётр, который никогда раньше от такой помощи не отказывался, — мы как-нибудь сами. Негоже вам бутылки таскать.

Вот так!

И пошли мужики таскать бутылки, в том числе и некоторые молодые аналитики, а Гоша взгромоздился обратно на стол и продолжил было вещать, но тут выяснилось, что уже пора собираться по домам.

Потом прошло несколько дней. Гошу видела редко. Понять можно, без него нас тут появилось много проблем, ума, правда, не приложу каких. Поэтому нет ничего удивительного в том, что хоть и появился он на работе, но конфет от этого ни у кого на столе не прибавилось. Он не появлялся у нас, не шутил плоско, никого ничем не угощал, ни с кем ни о чём не разговаривал.

И мне как-то стало любопытно. Позвонив по-местному Свете, нашей самой молодой бухгалтерше, я её попросила посидеть вместо меня минут пять, а сама отправилась к аналитикам. Не знаю даже, на что я рассчитывала, и чего мне хотелось на самом деле. Гоша такой человек, что он него не дождёшься вопроса типа:

— А что это ты тут делаешь?

Он, скорее всего, спросит:

— Как у тебя дела?

Когда я зашла в аналитический, там никого не было, кроме него. Гоша сидел перед монитором и просматривал на нём какие-то таблицы. Когда я подошла к Гоше, меня обдало запахом незнакомых мужских духов, таких я у него никогда не замечала, однако можно было точно сказать, что эти духи подходят к нему на все сто. Он почувствовал моё присутствие и, оглянувшись на меня, воскликнул:

— О! Катюша! Заходи, чем обязан?

— Да вот что-то не заходишь ты к нам. — Я села в пустое кресло за соседним столом и развернулась к нему.

— Соскучились что ли?

Ну да! И конфет нам никто больше не носит.

— Поня-я-я-я-тно! — Он радостно улыбнулся мне. — Ну хорошо, если уж и ты ко мне с такими заявками, то буду навещать.

— Если и я?

— Ну да! Тут ко мне почему-то чуть ли не все женщины нашей фирмы переходили, и все жалуются что скучают. Вы мне там, небось, уже все кости перемыли.

Я хотела ему что-то ответить, но в это время прибежал какой-то мужик с каким-то графиком в руках, Гоша схватил этот график, его лицо сразу стало серьёзным и они, с этим мужиком, наскоро извинившись, тут же куда-то убежали.

А я пошла к себе на рабочее место, и вот пока шла, у меня возникло чёткое ощущение, что улыбка у Гоши другая, совсем другая. Раньше в ней было что-то детское, глупое, а теперь она у него тоже стала какая-то серьёзная, солидная.

На следующий день на рабочем месте меня ждала шоколадка грамм, эдак, на триста и букет цветов в красивой вазе, который закрыл мне обзор всего коридора, пришлось поставить его на пол. И знаете что! Гоша и раньше выдавал что-то подобное, но никогда раньше во встречных взглядах девушек из экономического не было ТАКОЙ зависти. Зависть была, но такой не было. Как будто я у них увела мужика!

Впрочем, так оно и случилось впоследствии.

Сначала я сходила к нему и пожаловалась, что вот мол, я с рабочего места уйти не могу, и пока он там истории про Кению рассказывает, я ничегошеньки не слышу, до меня только отрывки доходят. На что он предложил:

— Ну давай сегодня после работы.

Ну давай.

А потом сидели в баре, долго так сидели, и он заказывал для меня коктейли и рассказывал, рассказывал, рассказывал.

И когда начал взахлёб о том, что он оттуда привёз и как это вешал на стены, то я предложила ему принести что-нибудь на работу. А он ответил что ему неудобно возить это все туда-обратно. А мне бы хоть глазком взглянуть!

— Ну поехали ко мне! Покажу.

Ну поехали. И не надо вот этих походов в театр, и вот этих букетов, и вот этих прогулок под луной. Возле меня сидел реальный такой мэн, от которого можно было ждать приятных сюрпризов в любое время дня и ночи.

И у него дома мы потратили, конечно, определенное количество времени на всякие заморские сувениры, но конечно больше всего мы интересовались друг другом. Да!

Так мы стали встречаться.

У меня на столе всегда были цветы, но не эти вот нереальные венчики, а букетики полевых и неполевых цветов. Вы знаете, где достать белую сирень в январе? А Гоша знает! Впрочем, я его называла Гришей, мне так было удобнее.

Как-то утром, он разбудил меня, принес мне кофе в постель. И я поела тостов с джемом, попила кофе. Потом мы сидели и я прижалась к его всё ещё загорелому плечу и думала помогать сейчас до него или немного подождать?

И тут у нас вдруг зашёл разговор о его последней поездке.

— Гриша! — задумчиво сказал я, щурясь на утреннее солнце, — А ты знаешь, ты сильно изменился, после этой поездки.

— Знаю, мне многие говорят.

Показалось мне или нет, что при этих словах он напрягся?

— Вот раньше я представить себе не могла, что мы будем вместе.

— Да? А я вот часто об этом думал. Умом я проблему понимал, а вот сделать ничего не мог. Давай-ка я покажу тебе кое-что.

Он выбрался из постели, с видимым усилием отлепив меня от себя. Обойдя кровать, прошёл к шкафу и, открыв дверь комода, полез куда-то вниз. Разогнул-ся он уже с бутылкой в руке.

— Смотри! Это мой самый ценный сувенир!

Это была вытянутая стеклянная бутылка, она была заполнена чем-то чёрным, сначала я подумала, что это нефть или масло, всё ж таки профиль нашей фирмы, а Гоша такой человек, он запросто может и у себя дома всякую подобную химию держать. Однако потому как легко плескалась жидкость в бутылке, стало понятно, что, скорее всего, это какой-то водный раствор.

Он сел со мной рядом, а бутылку поставил на подоконник. Теперь свет солнца светил сквозь бутылку, и раствор был теперь тёмно серым. Серая мутная вода.

Гоша поднёс руку к бутылке, и произошло нечто странное. Тёмная взвесь внутри бутылки вдруг вздрогнула. Потом стала концентрироваться возле ладони. Через несколько секунд внутри сосуда, на плоскости стекла, появилось чёрное пятно, свет солнца при этом спокойно проходил сквозь бутылку.

— Что это?

— Сам не знаю! — Он убрал руку, и тьма внутри бутылки опять растворилась в воде.

— А откуда это?

— Понимаешь, там, в Африке, я заблудился. Долго ходил и набрёл на племя местных. Они отпоили меня водой, накормили и я некоторое время жил у них. Так вот местный шаман там при мне проводил ритуал очищения и лечения. Он ходил вокруг одного своего который заболел, с горшком воды в руках. При этом он приплясывал и пел песню, а его соплеменники вокруг подпевали. Вода прямо на глазах приобрела чёрный цвет! Они потом её вылили в реку. Между прочим, они в этом месте не купаются, Несмотря на то, что именно там нет ни одного крокодила. В остальных местах кишмя кишат, а вот в том месте где эту воду выливают их нет!

Так вот я попросил их провести этот обряд со мной. Они очень обрадовались этой идее. Оказывается они с самого начала собирались это сделать, но почему-то не решались. Шаману вместо горшка дал вот эту бутылку, при чём она была запечатана, а я воду в неё набрал сам. И потом когда они мне предложили вылить воду в определенном месте, отказался. Они очень огорчились, объяснить мне ничего не могли, но я по их жестам понял, что в этом сосуде не только мои болезни, но и мои проклятия, мои проблемы. В общем, это было больше чем просто лечение.

— И зачем же ты привёз её с собой.

— Хочу понять, что в ней? Провести анализ состава и прочая. Угадай, кому я дам эту воду на анализ?

Да чего уж тут угадывать. У Гоши был один враг. Явный.

Андрея я увидела в понедельник, в конце рабочего дня.

Он прошёл мимо меня, и я была просто в шоке от того, что увидела. В обед ко мне зашёл Гоша и, только взглянув на меня, всё понял. Пока мы шли в столовую, он молчал, но как только сели за стол, так он сразу же начал выкладывать информацию.

— Он изменился прямо у меня на глазах, в лаборатории. Причём в считанные секунды.

— А тебе не кажется, что это слишком жестоко? Ты ему и так жить не даёшь!

— Да ладно не даю! На сколько я знаю, он же с Валея, старшим экономистом нашим, живёт уже полгода. Прикинь, она за него даже в столовой платит.

— Ну и что. Ты за меня тоже платишь.

— Ну уж нет! Это другое! Мне вот интересно, что она скажет, увидев это?

— Она между прочим вчера плакала, и теперь я знаю почему! Почему у него такая походка?

— Потому что у меня такая раньше была. А у меня такая походка была потому, что искривлён у меня позвоночник. Он у меня и после обряда был кривой,

только раньше я ходил к мануологу, но он помочь мне никак не мог, а теперь я к нему сходил и буквально на третьем сеансе у меня позвонки встали на нужные места. А ещё я уверен, у него испортилось зрение, а к этому он уж точно не готов. Ещё он наверняка стал несколько иначе мыслить, ему трудно сосредоточиться на чём-то одном, потому что новые мысли будут лезть ему в голову постоянно.

— А запах?

— Запах? Ну он же изменился немного внутри. Не душевно, а физически! Запах тоже должен был измениться. Туалетная вода у него та же самая, но ему уже не соответствует! Кстати знаешь, что было в воде?

— Что?

— Ни-че-го! Обычная вода! Если не считать некоторых минеральных примесей. Между прочим, воды в этой бутылке ещё полно. И эта штука всё ещё там!

— Господи! Ты ведь не собираешься эту пакость кому-нибудь ещё подлить?

— Вообще то не собираюсь. Катюш, а что тебя так это будоражит то? Это ведь не яд, не отрав, это просто частичка меня.

— Гоша, но ведь это твоя худшая часть!

— Худшая? — он даже заулыбался. — Да ты что! Это НЕУДАЧНАЯ часть меня, но не худшая. Там конечно есть все мои болезни, сейчас у Андрея наверняка начнутся проблемы с желудком, у меня раньше был стойкий дисбактериоз, я поэтому всё время кефиры разные пил. Но эта часть меня не худшая. Знаешь, с тех пор как во мне нету этой частички у меня появились проблемы, о которых я раньше и не подозревал.

— Например?

— Ну! — Он взмахнул в воздухе вилкой с наколотым куском рыбы, делая обзорный жест. — Например, раньше мне работать было интересно. Мысли по всяким там рабочим моментам приходили ко мне где угодно, даже во сне. Теперь же я работаю именно на работе, я отвечаю на чужие вопросы, и не задаю свои. Понимаешь? Я мало чем отличаюсь от остальных аналитиков в нашем отделе. У меня появилось более приземлённое отношение к женщинам и я могу не играть с ними в открытую. То, что раньше я никак не мог сделать, то есть быть скрытным, строя при этом личные отношения, теперь у меня получается. Но! Я знаю, что это не совсем моё. Практически, я привыкаю к самому себе и не могу привыкнуть. Понимаешь?

Я потрясённо уставилась на него. Даже сейчас в нём присутствовала тайна. Притом, что он мне всё рассказал, я всё равно не понимала, что там у него внутри.

— Или вот например! — Он обвёл рукой вокруг себя — Посмотри на всех этих людей. Вот они вокруг нас пьют и едят. Среди них нет алкоголиков, нет наркоманов, они успешны. А знаешь что ещё? Они стандартны! Понимаешь? Они — это один и тот же стандарт, один и тот же знаменатель! А я теперь такой же! Я думаю не о том, что поеду с тобой во Вьетнам, а о том, что поеду с тобой в Турцию. И ещё о том, что если ты ко мне переедешь, то надо делать ремонт в квартире. А раньше мне плевать было на ремонт. Понимаешь? Потому что были другие приоритеты для денежных трат! И знаешь что? Я не вылью остатки этой

жидкости, потому что сейчас я — это не я! Когда думаю о том, что у нас могут быть дети, сразу начинаю думать о том, какое образование я им дам. А раньше я думал о том, что вот было бы здорово, если бы у меня просто были дети. Пони-маешь? Я внутренне всё так же свободен, но эта свобода она другая и отражает-ся на мне сегодняшнем. Раньше стригся раз в четыре месяца, а теперь раз в ме-сяц. И мне не жалко было раньше денег, а жалко было времени. Теперь же мне и времени не жалко.

— Успокойся! — Мне показалось что он слишком громко говорит. — Тихо, придём домой и поговорим об этом там.

— Домой? Я тебе так скажу, что мечтаю, чтобы ты пришла ко мне домой, а там был прежний я. И чтобы у нас было как сейчас. Но ведь это нереально.

— Почему?

— Да потому! — теперь он на самом деле перешёл на повышенные тона. — По-тому же, почему и до этого мы не встречались. Тебе плевать было на то насколько я успешен, тебя надо было, чтобы я был как все, только чуть успешнее. Пони-маешь? Как все! Я тебе так скажу, в той бутылке есть кое-что, что может пойти на пользу Андрею, ведь он взглянет на этот мир по-другому.

* * *

Это случилось не через день, не через неделю, и даже не через месяц. Это слу-чилось тогда, когда я забеременела, он выждал ещё некоторое время и всё-таки сделал это.

Выпил из той бутылки.

И я вот понимаю, что моё поведение, это просто мой женский эгоизм, но бук-вально через два дня после этого я пошла и сделала аборт.

Я думаю, из Гоши получился бы классный отец. Такой, с которым можно сходить в поход, слетать в Таиланд, сходить в клуб. Только мне вот всего этого не нужно, и я понимаю, что гардероб — это всё-таки женское. Но раньше на Гри-ше самый мятый пиджак сидел как влитой, а теперь вдруг выяснилось, что всё надо гладить и ушивать. И мне нужен муж, который тихо придёт домой, а не как торнадо. Который сядет перед телевизором, а не перед компьютером. Который вообще стремиться домой, а не на корпоративную вечеринку, пусть даже по приказу начальства.

Мне нужен мужик, который купит мне таблетки для похудения, а не подро-ток в теле взрослого, который предложил мне сходить на аэробику. Он причём сказал, что готов ходить вместе со мной.

Господи! Всё было так хорошо! И вдруг стало всё так плохо. Даже не плохо, просто неудобно. Я знаю, что удобно, не значит правильно.

Тем не менее, я пошла и сделала аборт.

Он мне этого не простил.

ЭЛЬДАР САФИН

ПЛАКАЛЬЩИК*

В

ЭТОМ ГОРОДЕ ПАЛАЧ РАБОТАЛ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПРОФЕССИОНАЛЬНО — чувствовалась большая практика. Было видно, что уж ему-то оплату не задерживают, на его инструментах не экономят. Да и самого работника наверняка выбирали долго и придирчиво, как бы лорд Майста не лично этим занимался.

В дальнем конце площади, едва различая подробности пыток, стоял молодой дворянин. Одетый в изящный дорожный камзол и удобные кожаные лосины, с длинной, военного образца шпагой на бедре, он действительно отличался как от простых горожан, так и от местных дворян, разодетых в дороге — по случаю праздника — наряды.

— Сеньор, моя леди желает спросить вас, не вы ли Андор де Пот?

Дворянин смерил лакея мрачным взглядом.

— Какая тактичность! — иронично произнес он. — Почему бы просто не поинтересоваться — не я ли тот самый Плакальщик? Передай своей хозяйке — да, это я. Если она захочет предложить мне твою душу, то я с удовольствием приму ее в дар.

Лакей, тщательно скрывая ужас, ушел. Хорошо вышколен — еще бы, встретиться с тем, кого священники клеймят приспешником Сатаны, и не завывать в голос — для прислуги это уже достижение.

Тяжелая усталость Андора прошла сразу же после того, как топор опустился на шею осужденного. То есть тот еще даже не умер, не взлетела на полметра по классическому палаческому канону его голова, но уже стало легче.

Слезы градом катились из глаз Плакальщика. Остановить их было невозможно — если бы в момент казни Андор спал или вкушал пищу, находясь в тысячах миль от места смерти оплакиваемого, глаза точно так же давали бы прозрачный солоноватый сок.

Но ему никогда не удавалось уйти от обреченного дальше, чем на две три лиги. Душа бедолаги требовала воссоединения с покинутым пристанищем — и Андор почти всегда вынужден был наблюдать смерть тела, лишенного души.

На этот раз перед смертью было четыре часа пыток — палач работал весело, движения его — аккуратные и точные — не давали жертве ни передохнуть, ни умереть.

Толпа получала наслаждение от зрелища. Андору же становилось все хуже и хуже. Наконец мелькнул топор — ярким бликом сверкнула сталь, и

*Рассказ занял первое место на конкурсе «Коллекция фантазий-4».

что-то внутри отошло, отпустило, словно слезы, катящиеся по бесстрастному лицу, дали Плакальщику облегчение.

Теперь он мог отсюда удалиться. Тех, кто не торопился отойти с его пути, Андор довольно грубо отталкивал, если ему пытались что-то сказать, он несильно бил под ребра или мягко, но настойчиво тыкал в лицо раскрытой ладонью.

Ему срочно нужно было выйти из толпы — все знали, что Плакальщик плачет, но мало кому было известно, что после этого его еще и рвет.

Не сразу. Минут через десять.

Теперь душа — новый постоялец в теле Андора — успокоилась и смирилась. Молодой дворянин пошел к трактиру, в котором остановился.

Кухарка шарахнулась от него, случайно натолкнувшись на темной лестнице, — ага, видимо, уже знают. Пора менять город. Остались еще визиты в богадельню и бедлам...

Богадельня его разочаровала — чистенькая, аккуратная, с четырнадцатью благообразными стариками и десятком детишек, о которых явно неплохо заботились, она совершенно не подходила для его целей.

Зато в бедламе творилось не пойми что, сумасшедших — даже самых смирных — держали на цепи. Кормили их явно впроголодь, санитары походили на разбойников куда больше, нежели обитатели городской тюрьмы.

Андору не составило труда договориться со зрителем этого заведения. Получив всего две серебряные монетки, тот разрешил молодому дворянину делать с больными все, что угодно, — при условии, что умрет не более десятка сумасшедших.

Умереть согласился только один. Он торговался до последнего, сразу поверив, что посетитель — тот самый Плакальщик.

— Четыре матери, два сестре. — Андор брезгливо поморщился — он не любил торговаться вообще, а заниматься этим с человеком, который должен был вскоре умереть от его руки, считал низостью.

Тем не менее почти каждый раз ему приходилось это делать.

— Я же нужен вам! — Собеседник не производил впечатления сумасшедшего. Тяжело больного физически — да, уставшего от жизни и готового к смерти — да, но сумасшедшего? Нет. — У вас же денег — сколько угодно!

— С чего ты взял? — Плакальщик оперся о стену около факела и тут же отдернул руку, брезгливо стряхивая с кисти комок липкой паутины.

Его собеседник поманил Андора пальцем, выгнулся на цепи так, чтобы встать поближе к молодому дворянину, и зашептал:

— Ваш хозяин — владелец всех благ земных, ну что вам стоит, ему-то точно ничего, а моим родственникам хоть какое-то вспоможение...

— Заткнись. — Он действительно был сумасшедшим. Он верил в то, что Плакальщик — слуга Сатаны, он верил в то, что его собеседник — именно Плакальщик, и при этом готов был продать свою бессмертную душу, в которую он, без сомнения, верил, за несколько серебряных монет. — Пять матери и три сестре, и если ты откажешься, то я ухожу.

— Я согласен... И замолвите за меня словечко — пусть мою душу не слишком жарят в аду...

— Замолвлю. — Андора аж перекошило от лжи, к которой его вынудил собеседник. — Давай руку.

Следующие пару минут они были похожи на двух ангелов — чистые, ясные, сияющие лица. Благородная осанка Плакальщика гармонировала со смирением сумасшедшего.

— Всё? — Бедолага огляделся. — Мне больше не страшно. И не больно. Я все помню! И я жив!

— Это ненадолго. — Андор повел плечами, потянулся, потом молниеносно достал кинжал и всадил его в грудь собеседника.

И тут же заплакал. Слезы катились, оставляя на лице блестящие в свете факела дорожки. Нужно было смотреть на труп — обязательно, иначе потом душа, не уверенная в смерти своего тела, начнет метаться — а это бессонница, потеря аппетита, нервные расстройства...

Плакальщик дождался рвотных позывов, потом вынул кинжал и, обтерев его мокрым платком, сунул в потайные ножны за пазухой.

С другой стороны в потайном же чехле хранились Слезы, которые позволяли ему не сойти с ума. Слезы были уже почти полны: за три года Андор собрал восемьдесят шесть живых душ — и восемьдесят шесть мертвых тел осталось позади.

Еще семь, ну восемь душ — и все. У отца слез было поменьше, он начал сходить с ума уже на пятидесятой душе. Дед собрал сорок две. Прадед — тридцать семь.

Если у кого и был шанс, так это у Андора.

Месяц, два, в крайнем случае три — и он поедет домой.

У городских ворот его ждали.

— Андор де Пот? — развязно спросил один из трех дворян, закутанных в черные плащи. — Не соблаговолите ли вы проехать вместе с нами?

Вопрос был задан определенным образом — учтивая фраза, произнесенная грубо и даже с вызовом, приобрела пренебрежительный оттенок.

— Не соблаговолю. — Андор спокойно вытащил шпагу. У ворот сидели, наблюдая за разговором, трое стражников — как только появилось на свет оружие, они дружно отвернулись.

Однако дворяне не собирались драться. Тот, что заговорил с Плакальщиком, раздвинул полы плаща — под тканью скрывался целый арсенал не только из холодного, но и из огнестрельного, запрещенного церковью оружия.

— Я надеюсь, вы не вынудите просто пристрелить вас как собаку?

Это было уже прямое оскорбление. Андор ненавидел такие минуты — ему приходилось тянуться к пленницам-душам, просить у них помощи...

То есть не просить, а брать силой — но все равно приятного мало.

Полтора месяца назад на главной площади Грева казнили учителя фехтования, подрабатывавшего наемным убийцей.

Андор оплакал казненного, и душа талантливого фехтовальщика поселилась в теле Плакальщика. И сейчас он только подумал о том, что надо бы ответить ударом, а тело, словно чужое, уже выгнулось со смачным хрустом, завершая тройной шаг — на раз — на два — на три.

И в этом последнем шаге, прогибаясь назад, тело Андора увернулось от удара шпагой четвертого, не замеченного сразу дворянина.

Четвертый укол — и последний противник лежит в пыли.

Память предательски представляет то, что видели глаза. То, что чувствовала спина. То, что слышали уши, — все отдельные куски, которые собрать вместе может лишь душа, в данном случае — чужая.

Стражники все еще оборачивались, когда Андор взлетел на коня, которого до встречи с бретерами вел в поводу. Может, и мелькнула у кого-то мысль задержать его — надо сказать, мысль самоубийственная.

Пелонские жеребцы останавливаются только по приказу хозяина. Они вполне способны на полной скорости врезаться в дом или дерево, если наездник пьян или неумел.

Ни пьяным, ни неумелым Андора назвать было нельзя. Никто не пустил за ним вслед — хотя можно ставить медную монетку против мешка с порохом, что еще не спустится на город ночь, а за Андором выедут.

Двое или трое монахов и четверо или пятеро солдат. С телегой, в которой хранятся орудия пыток и священные труды.

Монахи поедут не торопясь, а если вдруг случайно встретят Андора по дороге, то специально не признают его — нескольких фанатиков Плакальщик в свое время убил.

Теперь на него повсеместно велась охота, но в открытую схватку с ним не вступали, боялись — предпочитали готовить ловушки, стремясь застать врасплох.

С другой стороны, время от времени то какой-нибудь аббат, то епископ, а то и сам кардинал неофициально выходили на Андора и просили его о помощи.

Лучшего следователя найти невозможно — Плакальщик с легкостью распознавал правду и ложь. Он мог определить, каким оружием убита жертва или какой яд использовался для отравления — большинство душ в нем при жизни были преступниками. Насильниками, убийцами, грабителями, мятежниками, еретиками, колдунами и растратчиками.

Андор иногда помогал раскрывать преступления. Но чаще — отказывался. Он не очень любил своих «постояльцев», а без их помощи ничего бы не получилось.

Эту ночь он провел в седле. Интересно, кому в Майсте он так понадобился? Время от времени какой-нибудь полоумный вельможа или купец выходил на Плакальщика, интересуясь возможностью договора с сатаной. Впрочем, эти всегда были учтивы и обходительны, если и держали нож за пазухой, то старались не показывать его до момента, когда пытались пырнуть острым железом.

Еще бывали дамы. Что именно их привлекало в фигуре Плакальщика? Андор не сомневался в том, что как обычный человек не заинтересовал бы этих женщин — или очень хищных, или совсем не от мира сего.

Самого его эти дамы не занимали совершенно. У Андора были Слезы — и была цель. Если бы ему хотелось порой остановиться, наставить рога какому-нибудь герцогскому кастеляну или мелкому барону, то он мог утешить себя близостью цели, обрекающей на воздержание.

Но ему не хотелось останавливаться.

Кроме колдунов и дам, были еще священники, одни из которых искали понимания мироздания, другие — победы над искусителем. Третьи ждали бессмертия, четвертые — просто неглупого собеседника.

Андор давно понял, что имеющие много свободного времени монахи и священники тратят его на все, что угодно, кроме молитв, — за редкими исключениями.

Так кто же подослал бретеров? Не убийц, не парламентаров — а мелкопоместных дворян, кроме благородства, шпаги и гонора не имеющих за душой ни черта...

Утром Плакальщик въехал в придорожную деревеньку. Засыпая на ходу, он по привычке спросил у хозяина, есть ли в деревне умирающие или те, кого в ближайшее время могут продать в рабство за долги.

Не слушая ответа, прошел наверх, долго пытался открыть выданным ключом от третьей комнаты дверь во вторую, не понимая, почему ничего не получается.

Проснулся уже под вечер. Спустился вниз, заказал жареную индейку, бутылку вина и кусок хлеба.

— Может, похлебки? — поинтересовался хозяин. — Со сна очень хороша!

— Да хоть береза... — Не проснувшись до конца, Андор по-прежнему с трудом воспринимал мир вокруг. — Мясо, вино и хлеб.

Он оглянулся — в таверне, кроме него, присутствовали двое зажиточных крестьян, тянущих сидр из гигантских кружек, да пара детишек, намазывающих стены.

«Или это редкая чистоплотность, или здесь недавно кого-то убили», — мелькнула мысль. Мысль была чужой — чем дальше, тем чаще «гости» давали непрошенные советы и комментировали происходящее.

Дед рассказывал, как приехал отец: упал с коня, будто пьяный, материл-ся на нескольких языках, но ничего, потом оклемался.

Сам дед своего приезда не помнит — а прадед каждый раз по-разному рассказывает.

Хозяин таверны, подавая вино, вспомнил вдруг вопросы гостя.

— Вы давеча про больных спрашивали, так вот — Грека-бондарь совсем плох!

— Семья у него большая? — Андор тянул вино, а голоса внутри переговаривались: «Мясо подгорит». — «Не, ты видел дым? Дым правильный, на таком огне томить можно, ничего не подгорит». — В деньгах нуждаются?

Этот вечер Плакальщик провел у бондаря, пытаясь уговорить того помочь деньгами своей семье.

Но бондарь уперся — мол, не желаю продавать свою бессмертную душу, и все тут! Уже и жена подключилась, но Грека вдруг начал реветь: «Священника! Священника!» — и Андору пришлось уйти с сухими глазами.

А ночью в таверну въехала графиня де Лайзи. С нею было человек тридцать свиты, под шумок Плакальщика попытались выставить из приличной комнаты в какую-то конуру, и Андор, не разобравшись спросонок, покалечил троих.

Его все-таки скрутили — навалились всемером, и даже души борцов и сумасшедших не помогли.

— Вот ты каков, Плакальщик! — Она смотрела на него, поглаживая костяным стеклом собственное бедро — графиня была красива чувственной, эгоистичной красотой. — Много я про тебя слышала — и даже видела в Майсте, ты там моего лакея до полусмерти напугал... А потом убил четверых моих людей — не худших, надо заметить!

Гневный взгляд, брошенный в сторону, показал Андору, что графиня не просто ведет с ним беседу, но еще и наставляет своих приближенных.

— И что мне теперь с тобой делать? По слухам, смерть Плакальщика чревата большими бедами для всех, кто имеет к этой смерти отношение... — Еще бы! Призрак Антуана де Пота — до сих пор одна из главных достопримечательностей королевской резиденции в Ланне. Правда, после смерти монарха и шести принцев тот замок подарили герцогу де ла Онту... — Подземелий у меня нет. Как любовник ты меня тоже не вдохновляешь — не люблю тонкогубых, вы слабы по части фантазии. Что же с тобой делать?

— Бегите отсюда, — тихо произнес свою первую — в присутствии графини — фразу Андор.

Он рассчитывал испугать свиту молодой аристократки — самой-то ей наверняка было плевать на опасности. И, надо сказать, преуспел в своем желании — вокруг забеспокоились, кто-то осторожно шагнул к двери.

— Отлично! — Графиня расхохоталась, и кто-то внутри Андора прокомментировал: «Третий нижний зуб слева — слоновая кость, оба верхних клыка — поддельная слоновая кость, поставили скорее всего вчера, еще день два, и развалятся». — Ты мне нравишься. Говорят, Плакальщики умеют делать предсказания. Это правда?

— Ага. — Андор даже не пытался соблюдать видимость светской беседы. У него разболелась голова — все-таки насчет семи-восьми душ он погорячился. Максимум еще парочку. — На смерть, на свадьбу, на тюрьму?

— На тюрьму! — весело воскликнула девушка. — Отец мой, ныне покойный, всегда говорил, что я кончу свои дни в королевской тюрьме. А сам король месяц назад обещал, что никто кроме него меня не арестует. Мол, только своей рукой! Ну?

«У нее печень большая». — «Левая нога чуть короче правой». — «Тот, что около стены, в цветном камзоле, — фискал». — «Она участвовала в убийстве герцога Риенна, во всяком случае, двое из ее людей держали факелы у постели умирающего».

Голоса роились, притягиваемые просьбой о помощи. С трудом вычленив относящееся к делу, Андор решил.

— В тюрьму ты попадешь через неделю после того, как скрошатся два твоих зуба. Через мертвую особу королевской крови.

— Зубы у меня крепкие! — Де Лайзи улыбнулась, протянула руку назад, кто-то вложил сухарь. Она надкусила его, раздался хруст, вниз посыпались крошки — зубы остались целы. — А вот про особу королевской крови ты зря... Не бросаются такими словами. Убить его!

На счет пять Плакальщик выпадал в окно третьего этажа, по случаю хорошей погоды открытое настезь. В левой руке уже покоился длинный узкий кинжал, каким предки добивали латников. В правой был тяжелый подсвечник с тремя головками, причем в одной чудом сохранилась свеча.

Сгруппировавшись, Андор приземлился на ноги и локти, кувыркнулся, вскочил. Убегать, оставляя в таверне и плащ, и шпагу, и деньги, очень не хотелось — но умирать хотелось еще меньше.

Голоса — для разнообразия сойдясь в одном мнении — рекомендовали садиться на коня и ехать как можно дальше, не останавливаясь и не оглядываясь.

К счастью, пеленец стоял в конюшне оседланным — мальчишку наверняка отвлек от него графский кортеж.

Уже на скаку Андор вспомнил — никто на него не бросился по приказу графини. Все застыли в страхе — только он сам что-то сделал, потом крик, потом треск, окно, конь...

Трижды Плакальщик сворачивал на все более узкие дорожки, уходя от возможного преследования. Под утро показались огни богатой усадьбы. Андор за ночь жутко замерз и потому направил коня к дому, не размышляя.

— Кто-о тако-ов? — по-восточному вытягивая последний слог, спросили из-за ворот.

— Андор де Пот, дворянин из Верхнего Пота, просит гостеприимства.

Слуга тут же открыл дверь — видимо, что-то сказал такое Плакальщик, что наверняка бы заинтересовало владельца усадьбы.

Ему растопили камин, принесли вина и еды, потом вышел хозяин, представившийся как сир Тропос. Он признался, что скучает в этой глуши безмерно, а в столицу ему нельзя — кровная месть с двумя родами, находящимися в фаворе у его величества.

В процессе беседы сир довольно легко вычислил, что Андор вправду тот самый Плакальщик — де Пот, да еще из Верхнего Пота, да еще с некоторым безумием в глазах...

Андор признался, что ему надо еще две, ну пусть три души — и все. Тропос немного подумал, а потом предложил поохотиться на браконьеров.

Вызвали загонщиков, взяли псов, а потом за четыре часа загнали нескольких человек. Старика и худощую девку сир Тропос отпустил, заявив, что они ему не интересны.

Зато четверых дюжих мужиков, двое из которых ловили рыбу в пруду сира, а двое рубили сушняк, связали и положили на телегу.

— У меня даже лесника нет! — похвастался Тропос. — Браконьеры шалют, зная, что у них хорошие шансы. Зато если кто ко мне попадает, тот и на дыбе повисит, и уголек пятками остудит! Иногда у меня дамы гостят — так знаете, в том, что касается пыток, даже самый изобретательный мужчина самой доброй девушке в подметки не годится!

— Может, вам просто девушки такие попадались? — осторожно предположил Андор.

— Да нет, все они такие, — сир Тропос улыбнулся, — а исключения только подчеркивают правило.

Пленникам был предложен выбор — добровольно и безболезненно расстаться с душой либо подвергнуться долгим и мучительным пыткам.

Рыбаки сразу согласились отдать души, хотя при этом плакали и молились, зато дровосеки, мрачно переглянувшись, заявили, что предпочтут выдерживать пытки.

Причем один из них продержался шесть часов, после чего восхищенный сир Тропос предложил ему работу у себя. Второго дровосека, равно как и обоих рыбаков, Андор к тому моменту уже успел оплакать.

В глазах у него двоилось, мир вокруг напоминал качающуюся сферу, в нижней точке которой стоял Андор. И только громадная чаша вина вернула дворянина в вещный мир. Голоса внутри бубнили не переставая, время от времени какая-нибудь из душ особенно сильно реагировала на происходящие вокруг события.

Из этого дома Андор смог уйти только на следующий день — он смертельно устал, сказывались почти двое суток без сна. Ночью его постель грела одна из молоденьких девушек, коих у сира было десятка полтора, — но Плакальщик не воспользовался дамой. С точки зрения сира Тропоса, он оказался крайне скучным собеседником и человеком, абсолютно непригодным в качестве товарища по играм.

Следующие два месяца молодой дворянин двигался в сторону дома. Иногда он подсаживался в дилижансы и спал в неудобных креслах, совсем редко ночевал в придорожных тавернах.

Порой из его памяти выпадали минуты, реже — часы или сутки. Передвигаться на коне Андор уже не мог, более того, его регулярно обкрадывали даже дети.

Дважды на Плакальщика нападали разбойники, и во второй раз он не смог сдержать «постояльцев» — трупы разбойников оказались изувечены до полной неузнаваемости.

День сменялся ночью, за первыми заморозками проглядывала зима — вначале лукаво, будто заигрывая, потом все увереннее вступая в свои права.

Осень еще не кончилась, но последние листья уже опали с деревьев, а по утрам лужи покрывались плотной корочкой льда, которая к вечеру только подтаивала, превращаясь в мелкое колючее крошево.

Постепенно церкви становились все ниже, то тут, то там замковые башни возвышались над крестами; Андор въезжал в родные края, здесь можно было

встретить даже полевиц или леших. И о том, кого назначать священником в приходе, церковные сановники смиренно спрашивали у герцогов и баронов.

В четырех дневных переходах от родного замка, в городе Каст, Андор вспорол подкладку и достал оттуда две золотые монеты — на такие деньги вполне можно было приобрести небольшую деревеньку.

Он купил хороший, дорогой костюм, сменил ножны на шпаге и приобрел нового отменного жеребца пелонской породы.

У лекаря, которого ему рекомендовал в свое время отец, Андор взял отвар на корне валерианы, который пил каждые полчаса, загоня души-постоялицы вглубь себя.

На рынке он выкупил двух слуг — одного чернокожего, с далекого юга, второго — глухонемого деревенского парня, попавшего в рабство, видимо, за долги — детина не расставался с колодой карт.

В замок Андор въезжал как законный наследник, множество слуг и рабов провожали его взглядами, восхищенно переговариваясь между собой.

Первым к нему вышел прадед.

— Возмужал! — восхищенно сказал он. — Судя по твоей улыбке, ты немало достиг!

— Что есть — то есть, — спокойно, без лишнего кокетства согласился правнук. Весь мир для него плавал в сиреневой дымке спокойствия. — Я пройду к Ней?

Прадед посторонился. Сто сорок лет назад он был известен как Лорд Плакальщик. Деда Андора называли Королем Плакальщиком, отца — Графом Плакальщиком.

Сам Андор был известен просто как Плакальщик. Не стоило сомневаться, через несколько лет к прозвищу молвой добавится и титул.

В пиришествной толклось множество слуг — наверняка дед затевает очередную грандиозный ужин, на который соберется вся многочисленная родня.

Придут музыканты, скоморохи, приедут соседи, опять кого-нибудь начнут сватать, пойдут сплетни и пересуды. Прапрапрадед сядет в своем патриаршем кресле и посмотрит слезящимися глазами на гостей и потомков, не различая их между собой.

Но Андора среди них не будет. Он войдет в громадный, темный зал глубоко в подземельях, зажжет три факела в старинных бронзовых подставках и только после этого посмотрит в центр зала.

Там, в громадном хрустальном гробу, лежит Она — его бабушка в четырнадцатом колене. А над гробом, прикованный сотнями цепей к скале, на которой стоит замок, висит дракон.

Он не ест вторую тысячу лет. Уже две тысячи лет он не пьет, не летает и даже не может уснуть — ведь чтобы заснуть, дракону нужно спрятать голову под крыло, а его крылья, проткнутые крючьями и обмотанные цепями, прижаты к потолку.

Он жив — в то время как остальных драконов уничтожили. Он знает, что именно нужно от него, — но не хочет этого делать даже ценой свободы.

У него другая, нечеловеческая логика, хотя во многом он очень похож на людей — и единственный, кроме человека, обладает чем-то, что священники изо дня в день называют душой.

Андор подойдет к хрустальному гробу и долго будет смотреть на девушку, заключенную в прозрачный хрусталь, — прекрасную, недостижимую, вечно молодую.

А потом он достанет из потайного кармана несколько прозрачных бусин, завернутых в кожаный чехол. Поднимется по крючьям, вбитым в стену, под потолок, по стальным цепям заберется на драконью спину.

Положит хрустальные капли на голову чешуйчатому монстру, зажмет их сверху руками и несколько часов будет старательно, до последней капли отдавать через бусины все лишнее из себя: гордость, жалость, похоть, страх — все то, что делает человека человеком.

Чужие души.

До самого дна.

А потом все решится — и либо дракон польхнет вниз страшным жаром, опалая камень, сжигая даже одежду на сидящем вверху Андоре, — либо заплачет, и несколько хрустальных бусин упадут на каменный пол.

И если он дыхнет огнем — то растает хрусталь гроба и проснется Она — живая и невредимая. Недоступная, вечная, прекрасная.

А если не дыхнет — то Андор соберет слезы дракона и отнесет их наверх, чтобы через долгие годы его сын смог воспользоваться ими, собирая по миру осколки человечности, которой так не хватает дракону.

Не хватает, чтобы совершить простой обмен — один выдох пламени за вечную красоту полета, за свободу, за отсутствие постоянной боли и бессонницы.

Эти, новые слезы сам Андор использовать не сможет — только кровь от крови его, сын, зачатый без любви — потому что каждый, кто видел Ее, никогда уже не сможет полюбить другую.

А вверху, в пиршественной зале, пятеро старых мужчин, благодаря слезам дракона получивших возможность пережить своих друзей и близких, чутко будут вслушиваться — не сотрясется ли замок от разрушающего дыхания дракона?

На что хватит добычи потомка? На несколько слез, рожденных мгновением жалости к себе?

Или на полноценный выдох пламени, идущий от осознания бессмысленности противостояния?

Одна за другой растворяются смятенные человеческие души в драконьей ярости, набухают слезы на глазах, рождается в груди страшное огненное дыхание...

АЛЕКСЕЙ СМИРНОВ

ЧТО ТЕБЕ СНИТСЯ

АДЕЮСЬ, МНЕ ПРИШЛА В ГОЛОВУ ВЕРНАЯ МЫСЛЬ: НАдо все записать. По большому счету, не случилось ничего выдающегося, однако мысли! тяжелые, унылые мысли просятся на бумагу. Может быть, тогда они отстанут от меня, выветрятся из башки, и я смогу жить относительно спокойно, не задумываясь над вопросами, на которые все равно не дожждаться ответа. Не ждите рассказа, сюжета, событий: перед вами, если вы — те, к кому я обращаюсь во множественном числе — вообще существуете, лежат всего-навсего бесхитростные записи, не претендующие на роль философского трактата или, тем более, художественного произведения. Начну с начала. Не так давно, будучи в отпуске, субботним днем я повстречался на бульваре с моим старым знакомым Т., который сидел на скамейке и угрюмо рассматривал носки своих рыжих ботинок. Мы с ним близко не дружили, Т. всегда казался мне излишне болтливым. Кроме того, слишком разные вещи привлекали нас в жизни. Я был технарем и потомственным воякой, а Т., биолог по образованию, сперва изучал физиологию и повадки толстолобого сомика, но после увлекся вещами, которых я в принципе не понимал. После того, как Т. пустился умничать, его последний — до сих пор незавершенный — труд носил название «Неконкретность православной апокалиптики» (помню, как ни странно, наизусть). Необъяснимо мрачное лицо Т., исключавшее, на мой взгляд, повышенную разговорчивость, а также то обстоятельство, что я на протяжении многих месяцев был лишен возможности общаться с нормальными людьми, заставили меня присесть рядышком. Я сел очень тихо, осторожно, зная, что Т. на меня не глядит, и прикидывал, что бы такое забавное отмочить по случаю нечаянной встречи, но Т., не поднимая головы, которую, похоже, поддерживал за уши, внезапно спросил:

«Ты откуда свалился?»

Голос у него был вялый, утомленный, что тоже не вязалось с Т., которого я помнил.

«С неба, как нетрудно догадаться», — ответил я, и ответ мой был сущей правдой. Дело в том, что нынче я — подполковник авиации, летчик-испытатель.

«И что там, в небе?»

«В небе все под контролем», — сообщил я беззаботно, хотя, как скоро будет видно, эти мои слова сущей правдой не являлись.

«Отрадно слышать, — Т. отпустил свою всклокоченную голову и выпрямился. Он смерил меня взглядом и печально улыбнулся. — Хоть где-то все схвачено».

И он протянул мне руку для запоздалого рукопожатия.

Я посмотрел на часы.

«Чего ты тут торчишь в выходной, в такую рань? Утренний моцион?»

Т. зябко повел плечами и поднял воротник пальто.

«Что-то вроде того. Да нет, просто не спится».

На всякий случай я принялась, не пахнет ли от Т. вчерашним алкоголем — не пахло. Тем не менее я предложил ему плюнуть на ранний час и отправиться в какое-нибудь скромное место, где можно отметить встречу. Я ждал, что Т., никогда прежде не жаловавший забегаловок, начнет отказываться, и я готов был приступить к разнузданным, настойчивым уговорам, заранее обреченным на успех, но тот, к моему удивлению, согласился сразу, и мы пошли.

По пути я сетовал на низкие заработки и добрым словом поминал заплесневелые времена, когда подполковники были в почете, не говоря уж о летчиках.

«Но ты не волнуйся, — я хлопнул Т. по сутулой спине. — Не думай, что я собрался сесть тебе на хвост. Деньги есть».

«Я тоже не бедствую, — усмехнулся Т. — Работаю теперь в конторе на компьютере, платят хорошо».

Я, признаюсь честно, обрадовался, потому что внешний вид Т. позволял усомниться в его платежеспособности. Не то, что я боялся, что сядут на хвост мне, но все-таки ощутил простительное удовлетворение. Очень скоро мы обнаружили подходящий подвальчик, куда и нырнули. Дело происходило вдалеке от центра города, на окраине, и услуги, в которых мы нуждались, стоили относительно дешево.

Мы выпили по сто за свидание, ополовинили кружки, и Т. сделался веселее.

«Давай еще про небо, — попросил он, облизывая губы. — Как там все зашибись».

Я послушно и не без удовольствия выполнил его просьбу и минут десять трепался на разные темы, рассказывая большей частью не о небе, а о наземных службах, повсеместном развале, лихоимстве и казнокрадстве. Т. не перебивал и в нужных местах либо поддакивал, либо просто мычал — показывал, что слушает, и я отметил про себя, что и этого в нем раньше не было, Т. всегда предпочитал говорить сам. Выдохнувшись, я собрался взять еще по соточке, но Т. меня остановил, сказав, что теперь его очередь платить.

«И рассказывать, — напомнил я. — Иди бери, и после объяснишь, что такое страшное с тобой стряслось. Я же вижу, ты сам не свой».

Т., поднявшийся было из-за столика, на секунду замер, затем безнадежно махнул рукой в знак согласия и отправился к стойке. Вернулся он с двумя полными стаканами, по поводу которых я хмыкнул — наполовину одобрительно, наполовину настороженно, а Т. пояснил: так надо, дескать. И махнул свой стакан сразу — не чокаясь, без закуски. По-

сидев какое-то время с рукавом пальто, прижатым к носу, он выдохнул и сдавленно проговорил:

«В моей квартире поселилась нечисть».

Я сразу ему поверил. Не знаю, почему, но поверил. Конечно, я не врач, но Т. ни в чем не соответствовал моим представлениям о душевнобольных. И если он утверждает, что встретился с нечистью, то значит, у него есть основания так говорить. Скорее всего, Т. заблуждался, но что-то произошло.

«Говори», — не желая уронить престиж военно-воздушных сил, я выпил до дна и хрустнул сушкой.

Т. заговорил. Поначалу он путался, но вскоре — по мере того, как усваивалось выпитое — перешел на связную речь, из которой я понял следующее. Шел уже второй месяц с того момента, как в доме Т. начали твориться странные вещи. По комнатам стала шляться какая-то тварь, похожая на гориллу. Т. не мог в деталях описать ее внешность, поскольку, как он утверждал, в облике твари постоянно присутствовала неопределенность. Видимая, казалось бы, во всех подробностях, гостья не запоминалась, в памяти сохранялись лишь расплывчатые воспоминания о спутанной шерсти, горящих глазах, улыбающейся пасти, похожей не на зверину, а на чью-то еще.

«Либо сон, либо галлюцинация», — я доел сушку.

«Разумеется. — с горечью кивнул Т. — Потому я и молчу. Ты первый, с кем я откровенен до конца. А посему даю честное слово, что я не алкоголик — хотя не исключаю, что от такой жизни скоро им сделаюсь, что прочая действительность остается для меня совершенно обычной, без призраков и голосов, что я не сплю, и это не ночной кошмар. Горилла появляется только в часы моего бодрствования, более того — она не дает мне уснуть. Она уже не бродит по комнатам, она устраивается в углу на корточках и смотрит на меня. Больше ничего худого я от нее не видел, но попробуй тут спать! «

Т., захмелев, ударил по столу ладонью, потом откинулся и чуть не упал: он позабыл, что сидит на скамье и спинки сзади нет. Но он удержался, широко замахнулся рукой и пьяным щелчком позвал «челаэка». Когда подлетел «челаэк», Т. потребовал пива.

«Возможно, это кикимора, — с серьезным видом продолжил Т., сдвигая брови. — Я повадился читать разные журнальчики и газеты, где пишут про это... ну, про аномалии. Однажды наткнулся на глупейшую статью о какой-то деревне, где кикимора крада детей. Те, кто ее видел, описывают существо, похожее на черную мохнатую обезьяну. Мне нечего терять, и я готов поверить, что это — мой случай. Да! «

В этот момент у меня под носом обнаружилось пиво — не менее волшебным, неожиданным образом, чем призрак в доме Т. Я почувствовал, что должен прийти собеседнику на выручку.

«Что мешает нам переместиться в твои хоромы и установить наблюдение? — задал я вопрос. Одновременно я разнеженно закурил, выпустил

струю дыма и ощутил себя мудрым и опытным. — Не думаю, что ты подозреваешь меня в страхе перед какой-то кикиморой».

«Спасибо, — Т. благодарно улыбнулся. — Чушь! Это не поможет. Другие приходили и уходили, несолоно хлебавши. Гориллу вижу только я один. Особенно досадно, что мне приходилось скрывать этот факт в присутствии посторонних. Я видел, как она сидит в углу и смотрит, а приглашенные свидетели не замечали ни черта. Я поил их чаем или чем еще, читал всякую дребедень... поглядывая в угол... наконец, они уходили, так и не узнав, зачем их позвали...»

«Тогда попробуй как-нибудь на нее воздействовать, — пришло мне в голову. — Попробуй с ней побеседовать. Перекрестись, в конце концов».

Т. скроил недовольную физиономию и погрозил мне пальцем:

«Крест не помогает, крестился, пробовал. На обращения она не реагирует. А как-то иначе... не проси! Поверь — когда я смотрю на эту сволочь, меня словно парализует. То есть я могу ходить, чем-то заниматься, — Т. истерично хихикнул, — но дотронуться... или просто подойти вплотную... нет и еще раз нет! Я знаю, что если только попытаюсь, то сразу случится что-то ужасное».

Он замолчал и впился в кружку. Я поднял свою, пальцы же левой моей руки барабанили по липкому дереву. Прикинув в уме, я решил поделиться с Т. собственной историей. Коль скоро я не в состоянии помочь ему делом, то хотя бы укреплю его дух, показав, что не с ним одним происходят странные вещи.

«Послушай теперь меня, — обратился я к Т. — Чтобы тебе не было обидно, расскажу тебе сейчас одну штуку. В сравнении с твоей напастью она может показаться заурядной — тем более, что ты читаешь журнальчики, в которых о подобном пишут постоянно. Но вот перед тобой сидит и пьет пиво реальный человек, из мяса и костей, который видел НЛО. Клянусь! — и мой кулак с грохотом опустился на дерево стола. — Я попробовал заикнуться об этом на базе, но быстро смекнул, что дело добром не кончится. Напел чего-то с три короба, и инцидент в силу общего раздолбайства был забыт. У меня был обычный тренировочный полет с пуском ракет и прочей канителью. Летел, как летал всегда, все на автомате, и вдруг засек эту дрянь. Классика — серебряное блюдце, горящие иллюминаторы, прозрачная дымка по окружности. Приборы показали, что объект — настоящий, не из области грез, и я изменил курс, намереваясь, естественно, разобраться, что к чему. Блюдце ловко увернулось и, как я ни старался, не подпускало меня к себе на желаемое расстояние. Тогда я, не слушая, что мне там визжат с земли, шарахнул по нему ракетой — атаковал, в общем. До сих пор не пойму, что на меня нашло, формально я не имел на это никакого права. На подходе к цели ракета взорвалась, а блюдце вильнуло и бесследно испарилось. Вот и вся история, если оставить за кадром разбирательства с командованием. Да, чуть не забыл — часы, понятное дело, отстали минут на пятнадцать. И наручные, и те, что в кабине. Такое ведь и раньше наблюдалось, согласен? Ты же человек начитанный».

«Да, — согласился Т. с отсутствующим видом. Похоже, мой рассказ произвел на него неожиданно сильное впечатление, и я этому удивился, потому что набивший оскомину НЛО не мог состязаться с поселившейся в городской квартире кикиморой. Т., наморщив лоб, спросил: — И как ты объясняешь его исчезновение?»

Я рассмеялся.

«Припух, собака, что тут объяснять! Сообразил, что рано или поздно его достанут, и свалил. Да что с тобой? Где ты витаешь?»

Т., чем-то чрезвычайно потрясенный, сидел с отвисшей челюстью. Моего вопроса он явно не слышал. Я поиграл пальцами перед его глазами, потом легонько толкнул:

«Очнись!»

Т. перевел взгляд сперва на меня, потом — на жалкую закуску, и в этом направлении взор его снова застыл. Я привстал, желая встряхнуть его всерьез, но Т. опередил меня, заговорив:

«Очень возможно, что ты, сам того не зная, мне здорово помог. Так бывает: ничего не значащее слово вдруг тащит за собой другое, из иной области, но самое что ни на есть нужное, долгожданное... короче, у меня выстроилась картина. Пожалуй, она уж давным-давно была готова. Не хватало малости, чтобы вытащить ее на Божий свет...»

Он даже протрезвел, речь его не была путаной болтовней человека, заглотившего с утра солидного ерша. Т. встал и начал застегивать пальто.

«Куда ты так резко? — огорчился я. — Брось! Так хорошо сидим. Давай по маленькой!»

«Извини, — покачал головой Т. — Обстоятельства изменились. Я должен срочно проверить одну вещь...»

Я шлепнул себя по лбу.

«Вот дурак! Сам же навел на какую-то ересь, и вот ты уходишь. Скажи хоть, что задумал?»

Но Т. упорствовал, и я отступил. Мы обменялись телефонами, и он едва ли не бегом покинул подвал. Я же огляделся, заметил за столиком в дальнем углу компанию моряков, и счел своим долгом присоединиться. Через полчаса я начисто забыл о Т. и плохо помню, как добрался до дома.

...На следующее утро, в воскресенье, я чувствовал себя настолько скверно, что Т. был последним, о ком мне хотелось думать.

В понедельник меня начало отпускать, во вторник стало просто замечательно, а в среду он позвонил мне сам, с работы, и предложил продолжить беседу в том же заведении.

После трехдневной болезни я сделался осторожнее, во мне уже не было субботнего задора, и я медлил с ответом, но Т. настаивал, и я уступил, дав себе слово быть умеренным во всем. В семь часов вечера я, полный решимости жить праведником, спустился в подвал. Т. ждал меня внутри, он созерцал полупустую пивную кружку. Вторая, изнутри заляпанная подсыхающей пеной, стояла рядом — видно, он давно ее прикончил.

Мы обменялись приветствиями, я сделал скромный заказ. Т. дождался, пока я утолю первичную жажду, и перешел к делу без вступлений, сразу. Монолог, который я выслушал, стараюсь привести в виде сжатом, но по возможности дословно, без комментариев.

«Помнишь ли ты, как я волновался, не случится ли что-то ужасное, если я, как ты предлагал, «воздействую» на гориллу? — осведомился Т. Я кивнул, и он ответил мне тем же: мы, дескать, друг друга поняли. — Могу тебе сообщить, что я был прав, ужасное случилось, но только не со мной, а с ней. Это — как бы вступление, затравочка, — он желчно скривился. — И насчет кошмара, привидевшегося во сне, ты был совершенно прав, но опять же — все следует поменять местами, сон был не мой. Вообще, начинать мне придется с набора банальностей. В том, что случилось, примечательна не событийная, так сказать, сторона, и даже не суть; куда сильнее я озабочен выводами. Итак, сперва позволь тебя еще раз поблагодарить. Твой НЛО, который удрал от греха подальше, позволил мне облечь смутные догадки в слова — и только тем обстоятельством, что он испугался твоей ракеты. Полагаю, что теория множественности миров для тебя не новость. Об этой множественности так много говорят и так мало знают в действительности, что все уже давным-давно восприняли ее как данность и досадливо морщатся, стоит кому-то завести о ней речь как о чем-то новом, свежем, оригинальном. Будем считать эту гипотезу общим местом номер один. Общее место номер два: соприкосновение с иной реальностью во сне. Ну, ты знаешь — человек, которому снилась бабочка, которой снилось, что она — человек, или что-то вроде этого. Тоже много болтовни, те же сложности с доказательствами, однако никто не возражает и в принципе соглашается с тем, что да, весьма возможно, и даже наверняка, погружаясь в сон, мы попадаем в какие-то нелепые места, граничащие с нашим привычным миром. Таким образом, сам понимаешь, мне было естественно предположить, что сплю не я, спит несчастная горилла. Физически она находится где-то очень далеко, в другом измерении, и там она мирно уснула, а сном ее оказалась здешняя действительность. То же самое произошло с твоей летающей тарелкой: сама тарелка, или же те, кто в ней находился, спали вне наших пространства и времени, и снился им сон про страшный летательный аппарат, пилот которого намерен разнести их на куски. Что происходит с человеком, которому приснился кошмар? Он просыпается от испуга. Твой НЛО, отчаянно перепугавшись, проснулся и тут же бесследно пропал. Следовательно, мне, чтобы избавиться от нечисти, требовалось привести ее в состояние панического страха. Если мой замысел удастся и гостя исчезнет, то я смогу считать себя автором величайшего открытия. Впрочем, я понимал, что даже в этом случае меня никто, помимо тебя, не станет слушать. Я вернулся домой, застал гориллу сидящей на том же месте, в той же позе, и перешел к решительным действиям. Я по-прежнему не смел к ней прикоснуться, и потому ограничился показом ей разных предметов в надеж-

де на то, что какой-нибудь из них сможет ее напугать. Что это будет за вещь, я не имел ни малейшего представления. Откуда мне знать, каким законам логики или же паралогике подчинено мышление в мире, откуда явилась эта тварь? Я также не исключал, что и мышления-то как такового у нее нет, что это просто животное — животные ведь тоже спят и видят сны. Подобрать предмет оказалось задачей крайне сложной, я действовал наобум, демонстрируя попеременно то уют, то чайный сервиз, то швабру с намоченной тряпкой, то кухонный нож — короче говоря, все, что попадалось под руку. Я зажигал спички, плясал вприсядку, корчил рожи, подносил к ее морде зеркало — все напрасно, горилла не шелохнулась. На это я угробил остаток субботы, все воскресенье и вечер понедельника со вторником, пока мне, наконец, не повезло. Я знаю, что мне именно повезло — с тем же успехом я мог бы трудиться еще многие, многие месяцы, если не годы. Что-то дернуло меня почитать ей вслух. Я снимал с полки том за томом, покуда не добрался до абсурдного Хармса. Ты спросишь, почему Хармс, и я не смогу объяснить, так что не спрашивай. Однако фактом остается то, что стоило мне приступить к декламации, как горилла, услышав первые строки этих сумбурных, нелепых стихов, встрепенулась. И — голову даю на отсечение — она ущипнула себя за предплечье. И тут же сгинула, словно никогда не приходила. Что такого страшного расслышала она в том бессмысленном наборе слов — загадка, которую никто никогда не разрешит. Я же говорил, что логика ее поведения нам не по зубам. Но так или иначе феномен состоялся и мои умопостроения оказались эмпирически подтвержденными. Горилла спала; сон ее, поначалу вполне безмятежный, стал оборачиваться страшной сказкой, и она поспешила проснуться. И вот здесь я всерьез задумался над подоплекой многочисленных аномалий и чудес, свидетелями которых время от времени становится человечество. После всего пережитого я с чистой совестью мог допустить, что любое таинственное явление, будь то полтергейст, полеты НЛО, йети, привидения или что другое, есть частичное перемещение в наши края уснувшего жителя иного мира. Мы же, как ни дико звучит, выступаем в роли ночного кошмара — вот почему до сих пор никому не удалось захватить в плен и подвергнуть исследованию ни одного из этих визитеров. Но если дело обстоит именно так, сказал я себе, то что мешает мне развить мою догадку, распространить ее шире — на все необъяснимое вообще, на все разновидности мистики? Так я неизбежно подошел к вопросу о божественном присутствии в мире. Логика неумолима: выходило, что божественные откровения, дарованные людям и людьми же засвидетельствованные, суть порождения божественного сна. Давным-давно Господь был юн — да что там, он был просто малым ребенком и много, как все маленькие дети спал. Сны ему снились страшные, и потому он был настолько суров по отношению к чудовищным «чадам», и в силу же младенческого возраста — столь непоследователен и абсолютно непредсказуем. Я готов пойти дальше: все, что создал Господь, он соз-

дал, возможно, во сне. Не исключено, что сон тот был сном в материнской утробе. Или по какой-то причине он употребил снотворное — снотварное, так будет точнее. Впрочем, это слишком смелая и наглая гипотеза. Но я продолжу: летели годы, Создатель рос, и спал все меньше, а являлся все реже. Покуда, в конце концов, не состарился и не стал страдать естественной для стариков бессонницей — вот почему мы уже длительное время не видим следов его непосредственного влияния. Но рано или поздно он заснет, и явится вновь. А после заснет навсегда и, вечным сном уснувший, останется с нами, в царстве Божественного кошмара, в Божественном аду, для нас же — в Царствии Небесном, где мы, вечно снящиеся Богу, никогда больше не умрем и не уснем. Мне, стоит лишь подумать о такой перспективе, вспоминается знаменитая песня, в которой поется, что «вечный покой сердце вряд ли обрадует». И я подумал: странная получается картина. Наступило Царство Божие, Бог навсегда уснул — иными словами, Он умер, и кто остался? Кто остается, когда устраняется Бог?.. Править наступившим Небесным Царствием? «

Т. выдохся. Он замолчал и мрачно, не глядя на меня, взялся за кружку, к которой на протяжении всего монолога не прикасался.

«Что я тут перед тобой разоряюсь, — молвил он неожиданно грубо. — Как будто тебя когда-либо интересовала вся эта чушь».

«Да, — подтвердил я с готовностью. Мне почему-то захотелось уязвить его. — Ты прав, мне было не слишком интересно. Я человек земной, далекий от вашей бредовой мистики. Приятно слышать, что твоя горилла переехала. А насчет Небес и прочего — ничего там нет. Точно тебе говорю — там пусто».

Т. молчал. Я со злорадством добавил:

«По-моему, ты спятил».

Он и здесь ничего не сказал.

Я почувствовал, что рад завестись без повода. Т. почему-то сделался мне неприятен, пиво отказывалось лезть в горло, и я заявил, что отпуску моему скоро конец, и есть еще незавершенные дела. Т., по-прежнему не поднимая глаз, понимающе затряс головой, и я оставил его в одиночестве.

...Мне нечего добавить к написанному. Но записи помогли, стало легче. Поневоле начнешь понимать Творца: когда привидится кошмар — туда его, скорее, на бумагу или в жизнь, тогда ненадолго освободишься, тогда сможешь жить и дышать — в степени, отмеренной лично тебе. Предметы и люди, вздохнув облегченно, вернуться в привычном виде, и среди них уже не найдется места химерам.

ЕЛЕНА ВАРГАНОВА

ДУДУ*

ДУДУ БЫЛО ДАЛЕКО ЗА СОРОК. ГЛАДКАЯ, ЗАГОРЕЛАЯ лысина его блестела, как надраенный котёл, тройной подбородок чисто выбрит, зато усы казались прямо таки моржовыми. Его отец, давая по караимской традиции первое, неофициальное имя Домбай, то есть молодой бычок, ошибся. Во всём облике Дуду было столько моржовой лени и величия, что простить эту оплошность можно лишь тем, что отец, будучи человеком простым и малообразованным, не знал об этом диковинном для Крыма звере.

Мне Дуду приходился, как говорится, седьмой водой на киселе, хотя упорно называл себя дядей, а то и вовсе бабой, не в смысле женщиной, конечно, а отцом по-караимски. Первое время меня это смешило, но за прошлые летние каникулы, что провела у него в гостях, я привыкла и даже немного освоилась с языком. Впрочем, Дуду и сам нечасто говорил на нём. Может, потому что был он караимом лишь наполовину, а, может, время и смешение наций, как кислота вытравляли родной язык из памяти этого небольшого народа. Журчащие звуки пересыхали, засорялись камнями и наносами чужих культур. Так думаю я нынче, а в одиннадцать слова чужого языка, которыми Дуду сдабривал речь, казались мне дурными и грубыми.

— Беклав, смотри, кого я тебе привёз! — крикнул Дуду в открытое окно «Волги», едва заглушив двигатель. — Янку — Кайгану нашу! Беклав, ты только посмотри: что за глазища! Как есть кайгана, как есть глазастая!

— Кайгана, — скупно, даже враждебно, прохрипела старуха Беклав.

Она отодвинула марлевою занавеску на входе и, стоя в дверях, оглядывала меня. Лето с первых дней плеснуло на Крым жарой, от которой не спасали ни ситцевые сарафаны, ни запотевшие, едва из холодильника зелёные бутылки минеральной воды, но старуха всё равно с головы до пят была укутана в синее и чёрное. С прошлого лета презрительные морщины, что тянулись от крючковатого носа к опущенным уголкам губ, стали ещё заметнее.

— Не стой на солнце, проходи в дом, — посоветовала Беклав.

Я поплелась ко входу: старуху я побаивалась и никогда не перечила ей. В одиннадцать я много кого побаивалась, в том числе и Дуду, который виделся мне просто горой. Я была ребёнком диковатым и меланхоличным, и прошлогодний переезд в город лишь усугубил это. В то время как другие сельские дети нагтели, я пыталась забиться подальше в угол, стать незаметнее.

— Идём в дом, Кайгана! — воскликнул Дуду, руки его были заняты авоськой с продуктами и моим чемоданом. — Не стой на пороге. Беклав целое ут-

* Рассказ — победитель мастер-класса Г.Л. Олди на Евроконе-2006

ро стряпала балы-бадэм и ей не терпится, когда ты их оценишь. Мне и одного попробовать не разрешила. «Всё для моей Яны» — говорит!

Дуду подмигнул мне и легко взбежал на веранду. Переобулся в домашние шлёпанцы и, закинув пакет с продуктами на кухню, провёл меня в комнату. Он нёс чемодан как пушинку, хотя я волокла его с трудом.

— А где другие дети? Рома, Менева, Бурче?.. — наконец-то, осмелилась подать удивлённый голос я.

В прошлом году в очень богатом, по меркам местного посёлка, двухэтажном доме Дуду гостило разом полдюжины ребят. А в этот раз стояла тишина, и жилище казалось нежилым, заброшенным.

— Рома отдыхает с родителями. Менева приедет в августе, а Бурче уже взрослый и должен помогать старшим ... Но зачем они тебе, Кайгана?! Разве тебе плохо с баба Домбай? — он испытующе посмотрел на меня.

— Не то что бы...

— Вот и хорошо! — воскликнул Дуду. — Это твоя комната. Самая лучшая для моей Кайганы!

— Домбай! — хриплый голос старухи летел с первого этажа, эхом разносясь по коридору. — Зачем ты купил халву?

— Для моей Кайганы!

— Разбалуешь девочку. Столько сладкого есть вредно!

— Ай, Беклав — старая мошенница, не одной же тебе её баловать!..

Восторгу Дуду не было конца. Детей он любил, а ни одна из трёх его покойных жён не подарила ему ни дочку, ни сына. Вот и отдавал он всю свою любовь и нежность племянникам и крестникам. Для этого у него имелись все возможности: несколько туристических коттеджей приносили неплохие деньги. Мои же родители были бедны, как больничные тараканы. Переезд в город, который, по мнению матери, долженствовали придать нашему положению стабильности, лишь подорвал хрупкий бюджет семьи. Так что предложение Дуду казалось чуть ли не манной небесной. Мне жаловаться не приходилось тоже. Кормили тут отменно, до моря рукой подать, а в воскресенье Дуду подкидывал пару купюр на игровые автоматы или дешёвые серёжки. Так обстояли дела в прошлый раз. Но в этот — всё складывалось иначе. И хотя Дуду был сама гостеприимность, а Беклав улыбалась и скупно выдавливала добрые слова, я чувствовала себя неловко.

К вечеру Дуду приуныл. Без его подтруниваний, в наползших сумерках дом и вовсе казался руинами, из которых того и гляди полезут призраки. Дуду сидел на веранде и смотрел, как апельсиновое солнце медленно ныряет за крыши домов. Глаза его в красноватом свете заката казались ещё более опухшими и усталыми, чем обычно. Я пристроилась рядом.

— Смотри-ка, кто вернулся! Кайгана! — воскликнул он дружески и обнял меня за плечи.

Поначалу я чувствовала себя неуютно, но потом притерпелась, перезнакомилась с соседскими детьми и стала реже появляться в доме. А вскоре за-

метиланекую положительную сторону в том, что племянники Дуду не спешили к нему в гости.

Знаете ли вы, что значит быть единственным и любимым ребёнком в обеспеченной семье? Если да, то вам повезло больше моего. «До чего же странная эта жизнь, — думала тогда я, — пока дети страдают от бедности и занятости родителей, люди, способные обеспечить и любить их, пропадают зазря. Почему не могла я родиться дочерью Дуду?». Мой дальний родственник готов был одарить меня за одни только слова «баба Домбай». Хочешь мороженое или новую цветастую косынку, только скажи волшебную формулу — и они твои. Беклав, заметив обновки, бранила Дуду, но он отшучивался и продолжал задаривать меня. Однажды, когда Дуду уехал из дому, она принялась срывать на мне злость. Орала, обзывала лентяйкой, разгульной девкой, и чуть не довела меня до слёз... да что там, довела, даже не до слёз, до сухих всхлипов. Беклав не могла остановиться, казалось, где-то внутри неё прорвался бездонный бурдюк желчи, и она спешит выплеснуть её наружу, пока та не разъела старческое тело. И тогда, не в силах больше слушать несправедливые упрёки Беклав, я крикнула:

— Я всё расскажу баба Домбаю!

Беклав так и замерла, забыв прикрыть рот с пожелтевшими, кривыми зубами. Я тяжело пробежала мимо неё наверх и просидела там до возвращения Дуду. Старуха встретила его на пороге и тут же принялась брюзжать. Я не слышала её слов, мне хватало интонации.

Дуду вошёл в мою комнату и затворил за собою дверь. На его бледном лице то распрямлялись, то возникали морщинки, точно внутри него боролись два чувства.

— Зачем ты обидела Беклав, Кайгана? — спросил он меня строго.

— Я?! Это она накричала на меня, обзывала лентяйкой!

Дуду не опустился — повалился мешком на мою кровать и тяжело вздохнул.

— Беклав, конечно, ведьма. Но она тебя любит как дочь или даже крепче, как внучку.

— Любит, как же, — я скрестила руки на груди и нахохлилась, как обделённый едой птенец.

— Любовь, Глазастая, странная штука. Она может хлестнуть сильнее плетей ненависти и разодрать душу хуже когтей предательства, но она остаётся любовью. Что бы ни сказала Беклав, она всё равно придёт сегодня ночью к тебе поправить сбитое одеяло, а завтра приготовит самые сладкие балы-бадэм. Ты должна пожалеть её и понять.

Дуду говорил ещё и ещё, намного дольше, чем нужно было, чтоб я раскаялась в ненависти к ней.

На следующий день я дождалась, когда старуха, как обычно, выйдет отгонять от дома злых духов. Она стучала в ритуальный бубен, обходя дом, а после, утомившись, присела на пороге веранды, чёрствая и несгибаемая, как засохшее дерево. Подойти и первой предложить мир было унижительно, но я сделала усилие и обняла её за плечи. Беклав попыталась отпих-

нуть меня, не сильно, но настойчиво. Мне это придало смелости, и я обвиняла её руками ещё крепче, поцеловала в чёрный пахнувший козвей шерстью платок. Когда она затихла, я отпустила её, но старуха схватила меня шершавой рукой, усадила рядом и прижала мою голову к тощей, кисло пахнущей потом груди. Сдавалось, омерзительнее быть не может, но я выдержала. Прошли годы, а мне всё ещё стыдно за себя одиннадцатилетнюю. Но не судите строго, дети часто бывают жестоки, сами не понимая того. Я подумала, что, помирившись с Беклав, начну получать подарки и от неё, и я была, как велит караимская пословица: со львом — львом, с ягнёнком — ягнёнком, и лишь с ослом не была ослом. Я помогала ей по хозяйству, ходила в священные дубы ухаживать за могилами родителей и жён Дуду и терпела её ласки. Так что старуха частенько хвалилась мной перед соседями, называя меня «алтынкыз» — золотой девочкой, а я получала от неё бусы и серёжки из яшмы или цветного стекла.

Подарков и нежных слов стало ещё больше, когда я поняла, что, похваляясь презентами старухи перед «баба Домбай» и гостинцами Дуду перед Беклав, могу добиться большего. Они рычали друг на друга, как дикие звери, ругались, метали ненавидящие взгляды, а я получала всё новые подтверждения их любви. Игрушки, платья, украшения — всё было для меня одной. Я пила из родников их любви и никак не могла пресытиться. Мне хотелось ещё и ещё. «Вот бы навсегда остаться жить в этом доме!» — думала я.

Возможно, Дуду устыдил бы меня, сказав, что играть чужой любовью — подло, но он был занят своими проблемами. И вечерами он запирался в кабинете на первом этаже с ними наедине. Однажды я подсмотрела за ним в окно. Может, не стоило об этом говорить, но коль уж я взялась поведать о грехах своего детства, то обо всех и без утайки.

Я отыскала в сарае ящик, примостила под окно и с него, поднявшись на носочки, заглянула в кабинет Дуду. Он полулежал на ковре, рубашка была глубоко расстёгнута, открывая толстое, волосатое брюхо. Под усами бродила сальная улыбка. Глаза Дуду красные от выпитого следили за невидимой мне танцовщицей. Он хлопал в ладоши, мурлыкал какую-то мелодию и время от времени подбадривал её.

— Чавия! — восклицал он. — Чавия! Севергелин бийим! Соблазнительница! Любимая госпожа моя! Чавия!

Он приподнялся на колени и, поднеся к своим губам воздух пальчиков незримой руки, поцеловал их.

— Чавия! — воскликнул Дуду, заглядывая вверх в пустоту несуществующего лица танцовщицы. — Всё положу к твоим ногам. Хочешь деньги — бери! — он вытащил из кармана пачку купюр и швырнул их вверх: бумажки, матово переливаясь, летели по воздуху осенней листвой. — Хочешь мою жизнь? Возьми! — он уронил голову на пол, как на плаху. — Только не уходи, очаровательница! Не оставляй меня...

Купюры на полу зашевелились, приподнялись над ковром и медленно закружились перевёрнутой воронкой. Дуду сел и принялся напевать полю-

бившийся ему мотив. Мне послышался звон монет и девичий смех. Я дрожала от страха, но оторваться не могла. Купюры, неслись вихрем по комнате, выплетая узоры, шаловливо обвивали шею Дуду разноцветным бумажным шарфом...

— Это демоны.

Голос Беклав за спиной прозвучал так неожиданно, что я едва не вскрикнула: её шагов я не слышала.

— Что?

— Демоны — дети Кагал-Ата, — сказала старуха, в её глазах отражался перекрещенный прямоугольник окна. — Последнее время они часто приходят к нему.

Она стояла точно статуя: длинная, худая и какая-то одеревеневшая. В опущенных руках Беклав сжимала бубен и обмотанную тряпицей палку.

— Надо ему сказать.

— Слишком поздно, — Беклав уронила голову. — Он сам виноват. Идём, Яна, порог убежища демонов не лучшее место для разговора о них.

Завороженная её словами я послушно следовала за старухой. Беклав привела меня к себе в маленькую не слишком уютную комнату. Повесила на деревянный гвоздь «чужой» старый, обтянутый засаленной кожей бубен, а палку сунула под подушку. Вокруг лампы вились ночные бабочки и мошкара, отбрасывая зловещие тени.

— Садись, Яна, — сказала Беклав.

Я послушалась и старуха начала:

— Ни я, ни ты не можем ему помочь. Домбай отрёкся от веры и обычаев предков, он нарушил все десять заповедей. За это бог наш — Тенгри¹ — покинул его душу и проклял навеки. Нет ничего хуже безверия: лучше верить неправильно, чем не верить вовсе. На место ушедшей веры приходят демоны и пожирают душу.

Её страшные чёрные глаза смотрели на меня в упор, точно проверяли, не поселились ли во мне демоны Дуду.

— И мы никак не можем ему помочь? Бубен? Вы ведьнесли туда бубен, чтоб спасти баба Домбая.

Из кабинета Дуду донёсся грохот. Там что-то падало, звенело и билось.

— Нет! — страшно закричал Дуду.

Он завыл, застонал от боли, от горького разочарования, как умеют стонать раненные моржи. Я вскочила посмотреть, но старуха остановила меня.

— Слишком поздно, — ответила Беклав, лицо её вытянулось, черты заострились. — Эти демоны — его жёны, они вернулись мстить за свои погубленные жизни. Они злы, жестоки и одержимы жадой. Они хотят боли, страха и безумия. Домбай чувствует это. Они хотят крови и смерти. Если они не завладеют Домбаем, то начнут искать другого неверующего. И ты знаешь, кто это будет, — Беклав не спрашивала, она утверждала.

¹Насколько мне известно, караймы придерживаются неталмудической версии иудейского вероисповедания. (Прим. ред.)

Я представила, как, безумно глядя в пустоту, я приплясываю и подпеваю, а из уголка рта бежит струйка слюны.

— Демоны будут ходить в твоём теле, есть и говорить твоими губами. Ты должна бежать прямо сейчас...

— А как же ты? — я взяла Беклав за костлявую руку.

— Сколько той жизни осталось, — ответила старуха. — Я сделала много добра, и Тенгри обязательно вступится за мою душу.

Она поднялась, взялась за бубен.

— За что! — проревел Дуду из своего кабинета.

Рука Беклав дёрнулась и бубен сорвался разом с чуй. Я, по привычке помогать, кинулась к нему, подняла и протянула старухе. Беклав только отмахнулась.

Она сунула бубен под мышку, схватила обмотанную чёрной тряпичной палку и подтолкнула меня к двери. Коридор был пуст, в кабинете — Дуду умолял, рвался в дверь, но какая-то сила не пускала его, там крушилась мебель, билась посуда. Неожиданно дверь распахнулась, и моржовая туша Дуду вывалилась на порог. Лицо его было мелко исцарапано, кровь заливала глаза. А над ним кружился раздвоенный язык вихря из купюр, осколков и кусков мебели. Он хватал Дуду за ноги, тянул его туда, где на крючке от сорванной люстры покачивалась удавка.

Я вскрикнула. Беклав заслонила меня спиной.

— Беклав — старая ведьма, отдай мою девочку. Верни мою Кайгану! — закричал Дуду, подымаясь на четвереньки.

Вихрь за его спиной то сворачивался в петлю, то выстреливал хлыстом.

— Она не твоя Кайгана, — закричала Беклав, вскидывая бубен вверх. — Ту Кайгану ты убил двадцать лет назад. А это моя! Моя внучка Яна!

Дуду удалось захлопнуть дверь кабинета, отхватив вихрю хвост, который тут же обернулся кучкой мусора.

— Я убил?! — зарычал он, подымаясь. — Да я любил её больше жизни! Берёг, как орёл птенца. И тебя, гюрза подлая, на груди пригрел из любви к ней! — злость придала Дуду сил. — Закрывал глаза, когда ты довела до самоубийства Гулуш и Руслану! Но мою Кайгану, дочку мою, я тебе не отдам. Костью лягу, а не отдам.

Ярость бушевала и трясла Беклав, как готовая вырваться наружу лава. Она замахнулась палкой, точно желая запустить ею в Дуду.

— Да как ты!..

— Ты убила Кайгану, Беклав. Своим собственным шаманством убила свою собственную дочь! А ей нужен был всего лишь врач, которого ты не пустила.

— Замолчи-и-и! — проорала старуха, и голос её превратился в длинный скорее птичий, чем людской крик.

Она с размаху ударила не как положено — по сальной коже бубна, а в тыльную его сторону палкой. Потом ещё и ещё, пока удары не превратились в длинную ускоряющуюся дробь. Казалось, слова Дуду физически мучили Беклав, и она билась в конвульсиях умирающей.

— Замолчи-и-и!

Вихрь за спиной Дуду встрепенулся, сорвал дверь с петель, хлестнул один-другой раз по стене. Дом задрожал, и Дуду едва успел отскочить, когда в стороны полетели осколки кирпича и цемента. Перевернутый смерч тут же подхватил их в свой хоровод. Его вой сливался с криками Беклав. Он крушил стены, точно они были сделаны из масла и мёда.

Мне было страшно, жутко до умопомрачения. Заставь меня рассказать в точности, что было потом — и я не отвечу. Возможно, память была милосердна и выкинула самые страшные отрывки той ночи, или напротив — отняла самые ненужные. Я не помню, что было. Всё плыло перед глазами, и я смотрела на себя как бы сверху. Там внизу другая Яна кричала, другую Яну Дуду выносил на руках из дома, за другой Яной на негнущихся ногах-ходулях шла стучащая в ритуальный бубен Беклав. Она кричала что-то нам вслед. Кажется, хотела, чтоб Дуду признал, что её дочь Кайгану залечили врачи, которых он привёл, что жёны Гулуш и Руслана наложили на себя руки из-за его упрёков в бездетности, и чтоб он вернул старухе меня — её единственную внучку. Я не выбирала с кем идти, не пыталась понять, кто прав, а кто виноват — лежала на руках Дуду, как бревно, если он нёс меня, плелась как сомнамбула, если опускал на землю. Беклав не отставала. Тряпка с палки сорвалась, трепеща в её руке небольшим знаменем, — и я поняла, что это была не палка, а кость. Беклав гналась за ним, но никак не могла догнать. От досады старуха швырнула кость в голову Дуду. Он взвыл, схватился руками за лицо. Окровавленная кость упала на песок, и в этот момент трёхэтажный дом взорвался. Взлетел на воздух, а с ним подаренные серёжки, бусы из цветного стекла и платки. Это не было похоже на салют — хвост смерча вытянулся до самого неба, едва не лизнув звёзды, и хлестнул по земле, оставив огненный след. Я очнулась.

Я была на берегу, рядом, сжимая кость и ухмыляясь разбитым ртом, стою Дуду, чуть поодаль разгневанная Беклав.

Старуха зарычала и кинулась на него. Она ухватила за кость одной рукой, потом откинула бубен и взялась второй.

— Наконец-то я достал тебя, ведьма! — торжествуя, крикнул Дуду.

Но Беклав не собиралась так легко сдаваться. Несмотря на свой преклонный возраст, она мало уступала Дуду в силе. Сейчас мне думается, что демоны, которых она прочила Дуду, овладели ей и давали ей ту мощь, что не могла храниться в этом согбенном теле.

Они сражались почти на равных; огненный смерч, завывая, хлестал совсем близко. А я смотрела на бубен, по которому гуляли красные блики. Он был прекрасен и ужасен в одно и то же время. Он манил, он шептал: «Возьми меня — останови этот кошмар!». Я перевела взгляд на свои руки и опять на бубен, и пошла к нему. Ноги слушались плохо, голень болела, наверно, какой-то осколок угодил в меня ещё там, в доме. Бубен криво улыбался неровным краем кожи. Я упала перед ним на колени, занесла руки над головой и с размаху пробила кожу деревянным гвоздём, который так и не выкинула. Чуй вошёл без сопротивления, увязнув лишь в песке. Мне на лицо

брызнула кровь, она вырвалась из кожи бубна, точно я пробила не вещь, а тело живого человека. Я перевела глаза на Беклав и Дуду. Они стояли опешившие, сжима половинки разломавшейся кости.

— Вот и всё, — сказала я, земля уплывала из-под ног.

Вдалеке бился в конвульсиях, быстро опадая, язык смерча. Фонтан крови из бубна затихал.

— Умница-дочка. Кайгана моя! — воскликнул Дуду.

Он отбросил осколок кости и направился ко мне, протягивая руки. Неожиданно лицо Дуду исказилось от боли или от досады, или от сострадания, а, может, от всего вместе и он стал медленно заваливаться на песок. Позади него стояла Беклав. Она удивлённо таращилась на спину Дуду, точно не понимала, кто воткнул вторую половину кости в спину её зятя.

— Это моя внучка, и только моя, Домбай, — сказала она хрипло. — И она будет жить только со мной.

Беклав, тяжело шаркая по песку, подошла и взяла меня за руку.

— Идём, Яна.

Но я не могла, даже если бы хотела: вторую мою руку сжимал умирающий Дуду.

— Моя, — зашептал он.

— Нет, моя, — ответила Беклав, бубен почти перестал кровоточить, и дарованные ей демонами силы покидали старуху.

Я дрожала между ними, как тетива между плечами мощного лука. Кажется, я слышу, как трещат мои руки, отделяясь от тела, как рвётся моя грудь, а в ней сердце, на две части. Наверное, так же умирала та другая Кайгана — дочь Беклав, жена Дуду. Или не так... Я закрыла глаза.

— Моя, — простонала Беклав.

— Моя, — повторил Дуду.

К берегу подтягивались разбуженные и напуганные огненным зрелищем люди. Они держались в стороне, глядя на нас. Но я не замечала их, о них не думала. Мне было интересно, что бы сказал Дуду, будь он жив. Наверное, что-нибудь мудрое, вроде: «Все мы, Кайгана, эгоисты в любви. Ведь наши души — не баклажаны, да и эти требуют ухода и нежности. Мы же хотим получить все без остатка, не отдав ни крохи другим, даже если это во вред нам и любимым».

Мне казалась, что я слышу голос Дуду, но его ладонь, так же как и рука несчастной, одержимой демонами Беклав похолодела. Я открыла глаза — Дуду улыбался. На его лысине, тройном подбородке и усах чернели разводы запёкшейся крови; а он всё равно был огромным, величавым и спокойным, как нежащийся на берегу морж.

ЮЛИЯ ГОФРИ

КОНЕЦ СВЕТА, ИНКОРПОРЕЙТЕД

И

Х БЫЛО ДВОЕ. МОЛОДЕНЬКАЯ ДЕВУШКА С ВОСТОРЖЕННЫМИ (похоже, от рождения) глазами и женщина постарше, серьезная и немного торжественная.

— Здравствуйте, — сказала я по возможности приветливо.

— Здравствуйте! — воскликнула девушка голосом, не менее восторженным, чем глаза, и кинулась ко мне так, словно ей наконец-то удалось найти свою давно пропавшую сестру. Прыгать через стол и кидаться мне на шею девушка все же не стала. Да и вообще после «здравствуйте» и до ухода не произнесла ни слова, только стояла и светилась, как компьютерный монитор в темной комнате.

Её старшая спутница, напротив, приблизилась к моему столу неторопливо, с каким-то сдержанным достоинством. Я даже немного позавидовала такой манере держаться.

— Добрый день, — произнесла она. — Мы пришли к вам с важным известием. Знаете ли вы, что осталось меньше года до того, как Господь призвет всех нас на окончательный суд?

Я уронила голову на руки и громко простонала. Потом высвободила одну руку, не поднимая головы — сил моих не было на них смотреть — и указала на стену справа от меня.

— Прочтите, пожалуйста.

Объявление было напечатано крупным шрифтом и вывешено в целях экономии моего времени и моих же нервов. Нечасто, но помогало.

«Вниманию посетителей! Мы уже заключили долгосрочные договора с курьерами и поставщиками. Нашим работникам запрещается в рабочее время приобретать товары у коммивояжеров. Все души в этом помещении уже спасены. Спасибо за внимание. Администрация».

— Пожалуйста, уделите нам всего лишь несколько минут.

Я простонала еще раз. Дальнейший разговор будет развиваться по вполне предсказуемому сценарию и меньше двадцати минут не займет, даже если я буду молчать. Швырнуть бы в эту парочку чем-нибудь тяжелым! Однако, по причине прогресса и стремления к безбумажному производству у меня на столе даже пресс-папье нет. Это во-первых. А во-вторых, потом придется еще больше времени впустую потратить. Даже если меня суд оправдает, что вполне вероятно, если к судье тоже заглядывают...

— Чтецы мыслей господних? — поинтересовалась я.

— Плакальщицы непознанной истины, — уточнила женщина.

— У меня нет времени, — сказала я жалобно и безнадежно.

— Нет времени для того, чтобы подумать о Боге?

Я подняла голову и проникновенно сказала:

— Знаете, дамы, вы мне все надоели до чертиков. Поэтому я сейчас буду работать, а вы как хотите, — и демонстративно уставилась в экран. Вообще-то я, конечно, блефовала. Мало кто умеет так работать, полностью игнорируя происходящее вокруг. Я — не умею. Буду тупо смотреть в экран и слушать их бред. Хотя...

Мне пришла в голову идея, и я немедленно полезла в сумочку.

Речь женщины, между тем, набирала обороты. Я уже успела узнать, что конец света наступит в сентябре — и тут мне, наконец, удалось добыть из сумки наушники. Через несколько секунд речь проповедницы в моих ушах была вытеснена плавными переливами голоса Асуаны.

Совершенно не представляю, что должно быть в голове, чтобы произносить двадцатиминутную речь перед собеседником, который на тебя не смотрит и слов твоих не слышит. Двадцать минут! Именно столько времени понадобилось женщине (девушку я в расчет не беру, она как встала с самого начала у стола, так там и стояла, и даже лицом светилась все с той же интенсивностью), чтобы завершить спасительную речь и удалиться.

А я из-за неё чуть удар не получила. Потому что она-то ушла, а наушники я из ушей вынуть не сообразила, и когда мой начальник сзади подошел и меня по плечу похлопал... Пришлось прослушать еще одну речь — о рабочей этике и подобающем поведении на рабочем месте. Эта была короче, минут на пять всего. Анатолий Ефремович зануда, но не дурак — понимает, что тратит своё же время.

Первой ласточкой надвигающихся перемен для меня стал звонок от Вали, главы отдела телефонных операторов.

— Лен, — сказала она, — готовы ли мы ко дню Тринадцать?

— К чему, к чему? — не сразу поняла я.

— Ко Дню Тринадцать. Двадцатого сентября. Ну ты должна знать, у нас в каталоге товара три страницы с этой тематикой.

— Мало ли что есть у нас в каталоге. А почему тринадцать, если двадцатого сентября?

— Еврейский новый год. У них другое летоисчисление, представляешь?

— Знаю, ну и что? Не тринадцатый же год будет? Там за пять тысяч уже давно перевалило.

— Ну вот, а говоришь — не знаешь. Пять тысяч восьмисотый. Сумма цифр дает тринадцать.

— А. И что?

— Ну, типа, конец света, — усмехнулась Валя. — Я просто не знала, что мы к нему должны как-то специально готовиться. Как вообще готовятся к концу света? А клиенты звонят, спрашивают. Что мне им говорить?

Я ненадолго задумалась.

— Знаешь, Валь, — сказала, наконец, я, — дай мне поговорить с начальством. Пока, если что, говори, что никаких проблем от Дня Тринадцать для нашей компании не ожидается.

Анатолий Ефремович, появившийся в офисе только к трем, выслушал и кивнул.

— Пока пусть так и будет, — сказал он, — но, боюсь, этого может не хватить. Понимаешь, появились в сети сайты, которые вешают списки «подготовленных». Если нашего названия нет в списке — что-то доказывать бесполезно. Заказы приходиться перестанут.

— А в чем заключается готовность? Все должны исповедоваться и написать завещание?

Анатолий Ефремович был предельно серьезен.

— Исповедоваться, да. Завещание необязательно. Определенные мистические знаки нанести на товар, чтобы он не подвел хозяина в судный день. Там целый список есть, по пунктам. Разберись и сообщи. Кто из нас секретарша, в конце концов?

— Хорошо, — сказала я. В чем-то он был прав. Я должна была бы выяснить все это еще до разговора с ним. Но если, согласно списку, от меня потребуется камлание с бубном вокруг костра, я потребую указать соответствующий пункт в трудовом договоре.

Список пунктов я нашла, и половина написанного была для меня темнее, чем египетские иероглифы. Я не знала не только тайного значения буквы «мем», но и самого обычного, и даже не представляла, как эта буква вообще выглядит. Вздохнув, принялась наводить справки. Нет, не про букву мем. Просто не могло быть, чтобы на этом деле еще никто не попытался заработать.

Давид Кроган и Самико Гроссини из фирмы «Конец света, инкорпорейтед» появились в нашей фирме в конце февраля. Мне удалось уговорить начальство поручить дело специалистам.

— Давид, — сказала я, когда однажды он задержался ненадолго возле моего стола, — я все хочу спросить и все забываю... Если верить наведенным мною справкам, ваша фирма существовала еще во времена пресловутого кризиса двухтысячного года. Чем же она занималась сорок лет между этими эпизодами мировой истерии?

Давид улыбнулся.

— В двух словах не скажешь, — ответил он. — Но если вас, Лена, действительно это интересует, я буду рад выбрать время и рассказать подробнее. Когда вы позволите мне угостить вас ужином?

— Вы, наверное, хороший продавец, — засмеялась я.

— Да, неплохой. А почему вы так решили?

— По форме, в которой вы задали вопрос.

— Я не имел в виду навязываться, простите, — слегка стушевался Давид. Если честно, он понравился мне с первого дня, но ведь надо же было слегка сбить с него спесь. Ну и проверить на крепость характера. Я давно заметила, что стоит на полшага отступить от образа длинноногой пустоголовой блондинки-секретарши, и большинство кавалеров моментально дают задний ход. Таких лучше выявлять сразу.

- Как насчет завтрашнего вечера? — спросила я.
— Завтра у меня не получится, — ответил Давид.
Что и следовало доказать. Жаль. Но тут он добавил:
— Это наглость с моей стороны, Лена, но, может, у вас найдется время сегодня? Хотя бы на чашку кофе?

Кофе в баре при его гостинице подавали восхитительный. И вообще обстановка была вполне романтическая, вплоть до безопасных, но выглядящих совсем настоящими свечей и негромкой джазовой музыки. Очень способствовало быстрому переходу на «ты». Потом, впрочем, разговор у нас почему-то потек в совсем не романтическом русле.

— Мы отнюдь не прозябали без дела, — рассказывал Давид. Под «мы» он, разумеется, имел в виду компанию. — Ты же должна была видеть нашу страничку в сети, там отмечены основные пункты. Самый крупный, пожалуй, Конец Календаря в двенадцатом году. Поскольку астрономические вычисления Майя оказались довольно точны и к двадцать первому декабря звезды действительно выстроились в указанном порядке, люди были уверены, что и конец света непременно наступит. Хотя у Майя этим днем всего лишь завершался календарь. Может, им просто неинтересно показалось продолжать расчеты. А может, остальные записи затерялись в веках. Но никаких Страшных судов они точно не предрекали.

- Однако эти знания не мешали вам зарабатывать на людях деньги.
— Мы зарабатывали на дураках, — пожал плечами Давид.
— Это все, что ты думаешь о людях? Дураки? Глупое стадо?
— Лена, — мягко сказал он, — не надо приписывать мне всевозможные мерзкие мысли только потому, что ты в чем-то со мной не согласна. Я имел в виду только то, что сказал. Есть в мире умные люди, и есть дураки. Умные люди не впадают в истерику из-за того, что две цифры в сумме дают тринадцать. Умные люди понимают, что есть такая вещь, как совпадение. А дураки хотят видеть тайный смысл в каждой цифре. Заметь, не найти настоящий смысл, не понять природу вещей. Считать прожилки на листике смородины и делать выводы из их количества — да, это легче, чем изучать ботанику. Не моя вина, что в мире так много дураков, и что большинство из них желают оставаться дураками.

— Мне не очень нравятся твои рассуждения, — сказала я. — Так можно пойти очень далеко. До пролов и унтерменшей.

— Можно, — согласился Давид. — А можно и не доходить. Я с чистой совестью согласился работать в «Конце света», поскольку жизнь научила меня: большинство людей верят в то, во что им хочется. Тот, кто верит в пролов и унтерменшей, будет в них верить в любом случае, и дойдет до них от чего ему будет угодно. Хоть от пользы грудного кормления детей. Вот, смотри, — он достал из сумки электронный блокнот, шикарный, последней модели, оформленный под старину. Открыв это свидетельство профессионального успеха и поведив стилем по странице, загружая нужную информацию, он протянул блокнот мне. — Статья в «Популярной науке». Интервью с Ребе

Шломо Шлоссом, известным в соответствующих кругах авторитетом по каббалическим исследованиям. Напечатано месяц назад, подробные разъяснения, почему конца света ожидать не нужно. И что это изменило?

— Людям надо давать шанс, — не сдавалась я.

— Согласен, — кивнул Давид. — Например, эта статья — шанс. Но если люди все же решают оставаться дураками, это не моя вина.

Приведение нашей компании в состояние полной готовности ко Дню Тринадцать заняло немногим больше двух месяцев. Начиная с четвертой недели этого проекта, я практически жила в гостиничном номере Давида, притащив туда несколько смен одежды, любимый шампунь и все институтские учебники. Я знала, что он должен уехать через месяц, а он — что я все еще не одобряю его работу. Эти две темы не обсуждались. Еще я знала, что ему тридцать два года, что он разведен и бездетен и живет один, и что яркие зеленые глаза достались ему от отца-ирландца, а смуглая кожа и темные вьющиеся волосы — от израильтанки матери. И, пожалуй, все. Зачем знать больше о человеке, который через два месяца после встречи навсегда исчезнет из твоей жизни?

— Ты приедешь ко мне? — вдруг спросил он где-то за неделю до предполагаемого отъезда. Было воскресенье. Мы валялись в постели, я — с учебником, он — с «Загадкой убийства Гейтса».

— Если пригласишь — приеду, — быстро отозвалась я, слишком взволнованная, чтобы играть в неприступность.

— Приглашаю, — Давид слегка склонил голову в иронично-галантном поклоне.

— Жди на летних каникулах.

— Это же больше месяца, — вздохнул он. — Впрочем, даже к лучшему. За это время я успею привести свою квартиру в Дублине в состояние, подходящее для приема гостей.

— Назад в Дублин? А других проектов не ожидается? — я отложила, наконец, учебник и повернулась к Давиду лицом.

— Нет. Нам удалось набрать и натренировать новых людей, нехватку специалистов уже практически устранили. Так что возвращаюсь к непосредственным обязанностям. Я же тебе говорил.

Он действительно рассказывал, что на самом деле занимает достаточно высокий пост в компании и лишь временно занимается непосредственно работой у клиента. Признаться, я тогда подумала, что он вешает мне на уши лапшу, а потом эта тема как-то забылась.

— Кстати, — продолжил Давид, — эта сессия ведь у тебя последняя, если я правильно помню?

— Правильно. Через два месяца я буду не просто секретаршей, а секретаршей с дипломом историка.

— Зачем же так мрачно?

— Да не мрачно. Я знала, что меня ожидает. Работу найду обязательно, просто вряд ли сразу.

— Оптимист, — усмехнулся Давид. — А к нам не хочешь? Могу поспособствовать.

— Рисовать под трафарет невидимой краской буквы «мем» и «шин»? Спасибо, я лучше секретаршей.

Давид глянул на меня с неожиданной серьезностью.

— Ты недооцениваешь «Конец Света», Лен. Ты далеко не всё знаешь о нас. Учти: я предлагаю тебе работу именно по специальности.

— Так предлагаешь, — осторожно спросила я, — или можешь поспособствовать?

Давид помолчал.

— Допустим, предлагаю. Допустим, у меня есть такие полномочия. Со мной считаются. И не думай, что это из-за... — он замялся, скользнув взглядом по смятой постели, — из-за этого. Отнюдь. Я неплохо умею оценивать людей, и твой интеллект отметил сразу, как и умение работать с людьми. Плюс образование историка. Плюс свободное владение английским и испанским.

— А историки-то вам зачем?

— Соглашаешься?

— Подумаю. Все равно до диплома еще два месяца. Кстати, у тебя самого какое образование?

— А что?

— Да ничего, просто в голову пришло.

— Факультет журналистики в Сорбонне.

— По специальности не пробовал работать?

— Я публикуюсь периодически, — усмехнулся Давид. — В основном под девичьей фамилией моей матери.

— Понятно, — сказала я, снова берясь за учебник.

Двадцатое сентября я встретила в Дублинском офисе фирмы «Конец Света, Инкорпорейтед.» В этот день я как раз закончила подготовительную работу по своему первому заданию.

— Надо же, — задумчиво сказал Давид, прочитав собранные мной материалы. — Молодец! Я понятия не имел, что у племени ндебеле вообще существует календарь, и что его можно хоть как-то совместить с Григорианским. А уж тем более — что у них есть мифы о конце света.

— Меня удивляет, что ты вообще знал об их существовании.

— Знал. Но я вообще знаю много малоизвестных вещей, мне положено по должности. Как и другим партнерам. Но про это племя действительно мало кто слышал, и тут придется поработать.

— С другой стороны, таинственность может сыграть нам на руку, — горячо возразила я. — Давид, у них там до сих пор пятидесятипроцентная детская смертность, средняя продолжительность жизни — около сорока пяти лет, почти поголовная неграмотность... Немного внимания им не помешает.

— На чем тут можно будет сыграть? — спросил Давид.

— У них развиты некоторые виды искусства. Есть, например, известный всем

любителям способ бисероплетения, который заимствован у этого племени и назван их именем. Там в конце, — кивнула я на лист электронной бумаги с собранными мной фактами, — я сделала подборку по символике, цветовым сочетаниям, материалам — что удалось найти. Если и соврем слегка, они все равно нас не опровергнут. Я уже сказала, там почти поголовная неграмотность, не говоря про доступ к сети. А если к ним придет толпа народу покупать местные поделки, они вряд ли начнут объяснять, что те не имеют магической силы. Это будет не просто выгодно нам, Давид. Это будет добрым делом. Помнишь, ты говорил...

— Остановись, — улыбнулся Давид, — не читай проповедь перед обращенным. Ты хорошо поработала. Это всё, я вижу, с дальним прицелом, мы сейчас начнем готовить почву, а лет через, — он еще раз взглянул на дату, — двенадцать можно будет заняться ими вплотную. Я поговорю с социологами. Они с тобой свяжутся, когда просмотрят это. У тебя есть, чем заняться, пока ты ждешь?

— Конечно. Я даже не задумывалась раньше, как много в нашем мире календарей.

Возвращаясь к себе, я прошла через просторный вестибюль, кивнула приветливой секретарше Айлин. Краем глаза заметила на её столе сегодняшнюю периодику — в бумажном варианте, для посетителей. Еще одно интервью с Ребе Шлоссом, данное Д. Каспиту для журнала «Наука и мистика». С радостью вспомнила, что в эту субботу обедаем у родителей Давида. Какая на этот раз будет кухня? Марокканская? Южнокалифорнийская? А может, и чеченская, с них станется. Неординарные люди, мистер Шон Кrogан и доктор Мириам Каспит.

— Елена, — окликнула меня секретарша и тяжело поднялась с места, — ты не могла бы сделать мне одолжение? Умираю — в туалет хочу, а оставить место без присмотра не могу. Пожалуйста, а? Я мигом.

Айлин умоляюще качнула огромным животом. Беременным отказывать, как известно, нельзя. К тому же, она ведь сказала «пожалуйста».

Стоило Айлин скрыться за тяжелой деревянной дверью, как в лобби вошли две женщины, смутно мне кого-то напомнившие.

Одна из них молчала и светилась, предоставляя второй произносить речь. Как выяснилось, дамы пришли к нам с важным делом из Церкви Просветленных Блондинок.

Им показалось необходимым разъяснить мне, почему конец света все-таки не настал сегодня по расписанию.

Я улыбнулась, вставила в уши лежащие у Айлин на столе наушники и принялась просматривать журнал. Хорошее интервью, достаточно популярная подача информации. Произвело на публику ровно столько же действия, чем предыдущее.

Я не во всем согласна с Давидом, но в одном не могу спорить — если кто-то хочет оставаться дураком, вряд ли можно что-то изменить.

Но они... Нет, не так. Но мы всегда даём шанс.

НАТАЛЬЯ БАБИНА

ХОЧЕШЬ ЖИТЬ ВЕЧНО?

ОЛЬГА ВЫШЛА ИЗ ВАННОЙ, ПРОШЛЕПАЛА БОСЫМИ НОГАМИ по теплому пластику пола.

— Музыка! Первый список.

«Forever young» — послушно отозвались динамики «I want to be forever young»¹. Женщина улыбнулась. В тот год, когда она впервые поцеловалась, эта песня была хитом сезона. Быстрый, жесткий ритм — самое то для танцев. Стоило немалых трудов — и денег — найти этикие раритеты. Но деньги и существуют для того, чтобы их тратили, а время... время она давно не считала.

Женщина блаженно потянулась, сбросила на пол полотенце, устроилась на пуфике перед туалетным столиком.

— Зеркало!

Ольга не торопясь разложила перед собой косметику, отточенными движениями нанесла макияж, глядя в ставшую зеркальной поверхность стены. Тщательно расчесала длинные пепельные волосы. Так же неторопливо оделась. Что бы ни творилось в окружающем мире, как бы он ни менялся — женские ритуалы вечны.

Солнце выглянуло из-за горизонта. Светофильтры на окне во всю стену сработали мгновенно, превратив ослепительное пламя в мягкий теплый свет. Мало кто строил дома с выходом на поверхность — технологически сложнее, а значит — дороже. Да и кому нужен вид из окна? Особенно, когда жизнь человека совершенно не привязана к суточным циклам на поверхности. Но Ольга почему-то любила безжизненный пейзаж по ту сторону. Серая пустыня, усеянная причудливыми камнями с резкими, угловатыми контурами. Яркое солнце на угольно-черном небе. Так странно. Так непохоже на Землю.

Женщина взглянула на часы — пора выходить. В последний раз оценивающе посмотрела в зеркало. Что-то, а хорошо выглядеть она умела всегда. И в этот раз внешность была тщательно продумана. Старомодный макияж в естественных тонах. «Небрежно» падающие на плечи пепельные кудри. Длинное светло-голубое платье под цвет глаз. Единственное украшение — нитка жемчуга. Ольга улыбнулась — так одевались два века назад. То, что нужно для таких замшелых древностей, как она и Владимир. Вечер тоже будет старомодным — свечи, вино, музыка...

Она вышла из квартиры — в коридоре уже ждала машина. Маленькая, на одного человека. Ольга коснулась дверцы — та послушно отъехала в сторону. Устроилась на мягком сиденье. Завела в систему адрес. И расслабилась, глядя на мелькающий за окошком город.

¹Вечно молодой. Я хочу быть вечно молодым — англ.

Она никогда не могла понять, почему строители лунных городов так старались сделать их похожими на земные. Пусть дома высечены прямо в скале — но непременно нужно сделать «улицу». Разделить ее на проезжую часть и тротуары. Покрыть стены рекламными голограммами. Даже посадить растения и окружить их лампами, имитирующими суточные колебания освещенности. К чему — ведь все равно похоже на Землю не будет. Просто потому, что это не Земля.

Может быть, первые поселенцы старательно воссоздавали оставленный мир, тоскуя по дому? А их дети просто уже не знали другого уклада.

Машина остановилась, приехав по заданному адресу. Ольга отогнала прочь ненужные мысли, вышла навстречу ожидавшему ее мужчине. Интересно, а Владимир помнит, какое сегодня число? Ведь это он явился к ней двести лет назад. Никогда бы не подумала, что Мефистофель носит белый халат...

* * *

— Доброе утро. Как вы себя чувствуете?

Как, как... Как себя чувствует человек, знающий свой диагноз?

— Замечательно, — улыбка, наверное, сделает честь любой гиене. Какого черта! Неужели это и есть хваленая врачебная этика — улыбаться и врать в глаза?

— Оленька, это Владимир Петрович. С сегодняшнего дня — он Ваш лечащий врач.

— Очень приятно. — Этот ли, другой... не все ли равно? Финал в любом случае известен.

— Ольга, сегодня Вас переведут в другую палату. А вечером я проведу осмотр, и мы поговорим о вариантах лечения. Не возражаете?

Идеально отутюженный халат. Аккуратно подстриженная борода. Безукоризненная улыбка в тридцать два зуба. Всегда терпеть не могла этих лощеных красавчиков.

— А у меня богатый выбор?

— Едва ли, — хмыкнул врач, — Хорошо, Ольга, увидимся на вечернем обходе.

Палата оказалась одноместной — очень странно. В переполненном онкологическом диспансере двухместные-то были платными. А денег у семьи не так много для того, чтобы платить за удобства — на лекарства бы хватило. Учитывая, сколько стоят онкологические препараты.... Так за что такие блага?

Доктор, как и обещал, появился вечером.

— Ольга, кто вы по образованию?

— Я учусь на биохимику. Год остался.

— Отлично.

Снова ослепительная улыбка. Ему бы не врачом работать, а в кино сниматься.

— Нам будет проще разговаривать, вы знаете свой диагноз?

— Да.

Если на титульном листе написано «заболевание», осталось только уточнить вид опухоли. Подружка-студентка медицинского института как-то рассказывала. Тогда Оля пропустила это мимо ушей — теперь вот вспомнилось. Непонятно почему. А гистологи в своих заключениях и вовсе не церемонятся.

— Значит, мне не придется шокировать Вас правдой, а потом ждать, пока вы сможете ее осознать. Каждый день бесценен.

А вот тут ты прав. Сам не знаешь, насколько прав...

— Ольга, я предлагаю Вам участие в эксперименте. Вероятность неудачи высока, не скрою. Но если получится — это спасет Вам жизнь.

— Ну прямо как в мелодраме, — поморщилась девушка. — А если без пафосных слов — в чем дело?

Не верить. И без того стоило немалых сил примириться с неизбежным. Начать все сначала — увольте!

— Оля, это не мелодрама. Вы биолог — принципы клонирования объяснять не надо?

Девушка рассмеялась:

— Бред какой! Даже если забыть о том, что удачно клонировать человека еще никому не удалось... что мне с того, что вы получите младенца?

— В точку! — Врач улыбнулся. — Оля, вы невероятная умница. Давайте, я не буду ничего объяснять сейчас — просто оставляю информацию. Вы читаете, подумаете — двух дней хватит? А послезавтра поговорим.

Он протянул девушке наладонник:

— Вы ведь работали с компьютерами? Операционная система идентична, разберетесь.

Она читала всю ночь, продираясь через термины, вспоминая все, что знала о делении и росте клеток. О биохимии памяти. А утром, едва проснувшись побежала к телефону в холле — звонить домой и просить учебники. Срочно.

Все казалось таким понятным и логичным. Если память — это лишь набор и-РНК в клетках мозга, да некая совокупность синапсов с более быстрым проведением импульсов. Если скорость роста организма ограничена лишь скоростью деления и роста клеток. Если все технические детали верны... Тогда почему об этом не орут на каждом перекрестке? Известность — это ведь не просто слава, это и деньги.

Именно об этом она и спросила Владимира Петровича на следующий день. Тот только усмехнулся:

— У военных деньги есть. И технологии тоже. А вот шум им совершенно ни к чему.

— У наших военных? — Оля вытаращила глаза. — Вы ничего не путаете?

— У наших военных, Ольга. Не стоит верить всему, о чем кричат журналы.

— Давайте еще раз. Вы выращиваете клон. Быстро. До моего нынешнего биологического возраста.

— Думаю, чуть помладше. Лет до шестнадцати. Времени мало. Но этого никто не заметит, — врач улыбнулся.

— Хорошо. И перемещаете туда мою память — технические детали опустим.

— Вы все поняли правильно.

Бред. Разум устал бояться смерти и нашел выход. Что ж, пусть. Но за эту соломинку она ухватится.

— Если что-то пойдет не так — что может случиться?

— Вы хотите знать, чем рискуете? — Врач откинулся на спинку стула. — Первый вариант — безумие. Второй — все просто останется как сейчас. Расклад вероятностей дать не могу — я не пророк, а ученый.

— Значит, я ничего не теряю. В какой форме нужно согласие?

— Отлично. — Владимир Петрович протянул папку. — Здесь пакет документов.

Договор волонтера в медицинских исследованиях. Методика... Возможные осложнения... В случае неудачи клиника не несет ответственности за психическое состояние пациента... какая разница, психическое состояние собственного трупа ее не волнует. Предупреждение: полученный в результате эксперимента клон может иметь девиации от исходного состояния личности. Клиника оставляет за собой право не уведомлять пациента, на какой стадии находится эксперимент.

Плевать. Выжить. Закончить институт. Выйти замуж. Родить детей... Да просто ходить и дышать — как мало, оказывается надо для счастья!

— Подпишите здесь... и здесь... и отдельно обращаю Ваше внимание на приложение о сохранении секретности.

Росчерк.

— Что дальше?

— Ждать. Ваша ДНК у нас есть — сами понимаете, любой анализ из клинического минимума даст образцов в избытке. Когда придет пора сканировать память, Вам дадут наркоз...впрочем, об этом мы еще поговорим в свое время. Стандартное лечение не отменяем. До завтра, Ольга.

* * *

Пламя свечей превратило идеально белые простыни в золотистые, окрасило бронзой тела. Время страсти миновало, оставив блаженную истому. Ольга лежала на животе, небрежно покачивая ногой.

— Володь, а как ты ухитрился отвязаться от военных?

Мужчина не торопясь закурил, выдохнул ароматный дым, усмехнулся:

— Исключительно незаконными методами.

— Не хочешь — не надо, — обиженно фыркнула Ольга. — Секретничай дальше.

Его рука прошла по изгибу поясницы, спустилась ниже.

— Это стоило немалых трудов, кучу денег и еще больше нервов. Не самые приятные воспоминания, поверь.

Женщина чуть изогнулась, принимая ласку, потом поднялась. Плавно покачивая бедрами, прошествовала к накрытому столу, наполнила два бокала. Вернулась, протянула один Владимиру.

— Честно говоря, очень удивилась, встретив тебя здесь. Думала, что ты давно уже на том свете.

— Ну что ты... — он рассмеялся. — Держать в руках ключ от вечности и не воспользоваться самому... Шутишь?

Ольга откинулась на подушки, пригубила вино.

— Так значит, это не было «непредвиденным генетическим сбоем»?

— Нет, конечно, — снова мягкий, бархатный смехок. — Но предложи я тогда не здоровье, а бессмертие — поверила бы? Или решила бы, что врач рехнулся?

Она рассеянно кивнула, припоминая. Когда незадолго до выписки Владимир рассказал о «непредвиденном побочном эффекте», девушка лишь рассмеялась и тут же выбросила из головы нелепую придумку.

Заканчивать институт она не стала. Неожиданно обретенная жизнь переливалась яркими красками и казалось таким глупым тратить драгоценные часы на учебники. Старые друзья, новые знакомства, вечеринки, путешествия... Она искала новых впечатлений и не могла насытиться ими, как путник, умиравший от жажды в пустыне не может напиться, добравшись, наконец, до благословенной влаги. А еще почему-то казалось важным быть красивой. Ольга всегда была хорошенькой, но сейчас ей стало нравится следить за собой. Радость здорового, поющего тела после спортивного зала. Хорошее настроение после взгляда в зеркало. Тепло внутри от восхищенного мужского взгляда. Все это стоило тех «жертв», которые, якобы, требует красота. Тем более что вскоре удачное замужество позволило вообще не беспокоиться о деньгах. В тридцать Ольге говорили: хорошо выглядишь. В сорок — не может быть. Она заподозрила неладное лишь на встрече одноклассников — на тридцатилетии окончания школы. А еще через пять лет она сделала себе новый паспорт, забрала деньги и драгоценности и уехала в другой город.

Новые места, новые люди. Ей нравилось каждый раз начинать жизнь сначала. Актриса, фотомодель, телеведущая... Быть в центре внимания казалось необходимым, как воздух. А когда это надоедало — можно было исчезнуть. Память толпы коротка — уже через десяток лет люди забывают былых кумиров. И значит, можно появиться в новом месте, с новым именем и без прошлого. С прошлым Ольга и вправду расставалась легко. Детей у нее не было — первый муж оказался бесплоден, а потом она сделала стерилизацию. Видеть, как старится и умирает твой ребенок — зачем?

На луну она перебралась в поисках новизны и, как не странно, покоя. А Владимира-то что сюда занесло?

— Любопытство, — Он допил вино, поставил бокал на пол. — Во-первых, мальчишкой я мечтал стать космонавтом. Но быстро понял, что очкариков в космос не возьмут.

— Ты — и романтик? — серебристо рассмеялась Ольга. — Ни за что не поверю.

— А во-вторых — веду исследование. Об изменении проводимости мио-невральных синапсов в условиях сниженной гравитации.

— Таких исследований полно со времен первых космонавтов.

— Таких, как мое — нет. Несколько поколений одной семьи, начиная с коренного землянина и заканчивая... — он пожал плечами. — Сейчас я на внуках. Пожалуй, пару поколений еще посмотрю. Причем по всем — срез в трех возрастах. И чем дальше копаю, тем интереснее становится.

Он потушил сигарету и продолжил:

— Погоди, соберутся к звездам, встану на уши, но в экспедицию пробьюсь. Там должна быть уйма работы — только успевай поворачиваться.

— А толку-то в твоей работе. — Ольга легко щелкнула его по носу. — Взять хоть те, с памятью — так после тебя никто и не повторил? И кто знает, что ты это делал?

— Да повторили, скорее всего, — задумчиво протянул Владимир. — В наше время сумасшедший гений в башне из слоновой кости — нонсенс. Я же не один работал. Но только представь, что начнется, если результаты станут известны. Кучка бессмертных — тех, у кого достаточно денег или власти. И все остальные. Так что наверняка засекретили все к чертовой матери. И правильно сделали, честно говоря.

Он помолчал немного, потом добавил:

— А насчет того, кто знает, что я был первым... Я знаю. И этого достаточно, поверь. Да и публикаций по другим вопросам хватает.

Они снова замолчали, думая каждый о своем.

Ольга помахала вслед уезжавшей машине. Шагнула через порог. Пожалуй, эта встреча будет последней. Он прекрасный любовник и интересный собеседник — но хватит возвращаться к прошлому. Жизнь летит своим чередом, и глядя назад легко потерять настоящее.

Владимир курил, бездумно глядя на огни, мелькающие за окном машины. Больше не стоит звонить. Ока красива и хороша в постели, им есть что вспомнить. Но так обидно наблюдать, как человек пускает по ветру вечность. Как будто ты принес в подарок горсть жемчужин, а их одну за другой спустили в канализацию.

Да и все время ждать самого главного вопроса... впрочем вряд ли, она об этом просто не подумает, как не думала до сих пор. А вот самому Владимиру частенько снилось, как он выключал аппарат искусственной вентиляции легких у своего первого «я».

* * *

— В вашей больнице просто творят чудеса! — Олина мама утерла набежавшие слезы, спрятала в карман платок. Мы уже не надеялись...

Она сжала руку дочери, словно та могла исчезнуть в любую минуту. Оля успокаивающе погладила мать по плечу, встретила глазами с врачом, едва заметно улыбнулась.

— Мы как-то можем Вас отблагодарить? — вмешался отец.

Доктор покачал головой:

— Не стоит.

Снова перевел взгляд на свою пациентку:

— Оля, не забывайте проходить обследование раз в полгода. Диспансерный учет оставляем на пять лет, если в течение этого времени рецидивов не будет — снимем. Дальше живите, как сочтете нужным.

— Хорошо. — Кивнула девушка. — До свидания, Владимир Петрович.

— Всего доброго.

Он вернулся в отделение. Посидел в ординаторской, для чего-то изучая историю болезни, которую и без того знал наизусть. Поднялся на другой этаж, прошел в палату интенсивной терапии. Присел рядом с кроватью.

Девушка лежала, укутавшись одеялом по самый подбородок — лишь правая рука, в которую уходила трубка капельницы, была не укрыта. Серовато-бледная кожа сливалась с бельем. На заострившемся личике глаза казались огромными.

— Здравствуйте, Оленька. Как вы себя чувствуете.

— Спасибо, хорошо, — прошелестела больная.

Владимир присел рядом с кроватью.

— Оленька, простите, я должен сказать, что....

— Снова не получилось? — Слезы побежали по щекам. — А я так надеялась.

— Простите, Оленька. Ни один клон не выжил.

Она отвернулась, свободной рукой натянула одеяло на лицо. Владимир молча вышел.

На посту медсестры негромко звучал старенький приемник. Передавали что-то современное.

«I want to be forever young» — несло из динамика. «Do you really want to live forever?»²

²Ты действительно хочешь жить вечно? — англ.

ТАТЬЯНА СТРЕЛЬЧЕНКО

ФОРМУЛА ОПАВШЕЙ ЛИСТВЫ

СКАЗКА ЦВЕТА ИНДИГО

ТЫ ЧТО ЖЕ, НЕ МОЖЕШЬ ПРОЧИТАТЬ ЕЕ?

— Не могу.

— Неужто ослепла? Вот, на прожилках, очень четкая... Смотри, видишь?

— Нет.

— Врешь. Так не бывает. Все ее видят, все! Формула опавшей листвы элементарна, даже мой трехлетний брат легко прочитает ее, это проще простого! Слушай, а, может, ты близорукая? Вот же, формула, узорная... А?

Девочка удрученно покачала головой: она действительно не видела формулу и очень этого стыдилась.

В полупустом парке было прохладно и неожиданно тихо. Осенний ветер грел озябшие руки возле багряного боярышника, где-то далеко звучал тоскливый плач старых качелей, под ногами чуть слышно шелестело время.

Поежившись, девочка осторожно присела на самый краешек скамейки.

Скамейка была пыльной, усыпанной пожелтевшей листвой, а еще там сидела порядком рассерженная Эдна, которой мешали работать, но девочку это не смутило. Если честно, Эдну она просто не заметила (и дело было вовсе не в близорукости!).

Возле скамейки стоял изящный темноволосый мальчик в черном пальто. Девочка видела только его.

Эдна вздохнула. Ох, уж эти подростки! В кои-то веки она нашла время поработать над статьей, собраться с мыслями, просто помолчать — и вот тебе! Дети. Снова дети. Нет ей покоя!.. На чем она остановилась?

«...без сомнения, цвет ауры изменился. Сложно представить, что еще совсем недавно оттенки свечения варьировались от зеленого до красного, от бледно-розового до оранжевого. В настоящий момент человеческая аура представлена всеми оттенками синего...»

— Постой, если ты даже прочешь формулу не можешь, значит, ты не можешь ее и воссоздать? Получается, ты..., — синие глаза мальчика округлились, — ты... не сумеешь сконструировать даже такой вот обыкновенный кленовый лист?

В руке мальчика дрожал только что созданный им желтый листок, щедро украшенный россыпью солнечных зайчиков. Мальчик был озадачен. Это был очень красивый стройный мальчик, который к тому же умел элегантно повязывать шерстяной шарф... совсем неудивительно, что девочка не замечала Эдну.

— А зачем? Зачем тебе опавший лист?

— Э-э... это важно. Странный вопрос! Как же еще мы сможем развивать свои способности и искать скрытые таланты? Я уже молчу об уникальном даре... — мальчик неожиданно осекся, — а все-таки ты врешь, новенькая! Во вторник, я помню, ты принесла на биологию фиалку, которую создала сама. Тебя хвалили, твой цветок был самым красивым в классе, лучше моего, хотя я применял собственную усложненную формулу... Лгунья!

— Я не обманываю, я ее не создавала... Я ее *посадила*. Просто поставила листик в воду, дождалась, пока он пустит корешки, потом...

— Ты обманула учителя? Глупая девчонка! Так ты никогда не разбудишь свой предначертанный дар. Какой латентный талант у тебя обнаружили?

Девочка молчала, она не знала, что сказать. Продрогший ветер забрался в ее рукав и, кажется, наконец согрелся.

— У меня... у меня не обнаружили скрытый талант, — прошептала она еле слышно.

— Так не бывает, — упрямо повторил мальчик, впрочем, он уже немного устал спорить с новенькой, — общественно-полезный дар есть у всех. Даже у «блеклых». Ты, я так понимаю, как раз из этой касты? Скажем, мой друг Рэй... у него аура тоже светло-голубая — и ничего! Успешно модифицирует мысли, работает над расшифровкой единиц генетической информации... Очень успешный парень. Хотя в моей семье «блеклых» нет. Мы — индиговые в третьем поколении. Папа читает мысли без модификации, иногда даже заблокированные, мама занимается коррекцией снов, она психолог... дядя работает над созданием новых источников энергии... У каждого есть свой дар!

— А у тебя? — выдохнула девочка, — какой талант у тебя?

Осенний луч скользнул по румяному лицу мальчика, царапнул пластмассовую пуговицу пальто и, зацепившись за бахрому темно-синего вязаного шарфа, повис. Мальчик посмотрел на девочку чуть высокомерно, он знал себе цену:

— Меня водили к самому магистру. Он сказал, что у меня чрезвычайно глубокая тональность, мол, нужно заниматься философией...

... «светло-голубые тона ауры характерны для так называемой касты «блеклых». Индивиды, принадлежащие к этой касте, не способны создавать новые идеи, но они весьма успешно претворяют в жизнь концепции «насыщенных индиго». Разумеется, сфера деятельности последних чрезвычайно широка. Основная направленность — создание общественно-полезных теорий. Сегодня синий свет присутствует на всех уровнях. Это позволяет с уверенностью заявить: человечество перешагнуло порог новой эры, где балом правят не эмоции и чувства, а мысль. Разум победил.»...

Дети отвлекали Эдну. Пальцы привычно нажимали клавиши, черные буквы ползли по светящемуся экрану, но Эдна невольно прислушивалась к разговору подростков. Стройный мальчик со всей страстностью прирожденно-го оратора вещал о предначертанном даре. Эдна молча согласилась с ним: маль-

чик был прав. У каждого есть полезный талант, даже у «блеклых». У нее, Эдны, талант уникальный — она видит ауры других людей. Пожалуй, еще семьдесят лет назад подобный дар вряд ли кого удивил бы! Говорят, в те времена каждый третий отчетливо видел свечение, исходящее от других людей, некоторые промышляли фотографиями, неплохо зарабатывали, а потом что-то сдвинулось, щелкнуло, изменилось — и вот результат: даже сверхчувствительные приборы врут, когда дело доходит до столь тонкой материи... Один из магистров высказался по этому поводу, что, дескать, эволюция — женщина мудрая, незачем каждому видеть чужую ауру, это избавит людей от деления на касты. Магистр ошибся. Для того, чтобы понять, каков цвет энергии, исходящей от человека, совсем не нужно ее видеть. Достаточно посмотреть, что этот человек умеет или, в крайнем случае, привести его к Эдне. Уж она-то точно знает!

Ирония, однако, заключалась в том, что сама Эдна была из числа все тех же «блеклых». Ее собственный ореол был серо-голубым, цвета полинялого январского неба. Может, и к лучшему, что никто не мог его увидеть? А ведь это так просто. О, если бы знали занимающие очередь в ее кабинет, как это просто! Достаточно посмотреть на объект, внимательно изучить его, сконцентрироваться и...

...Перед Эдной стоял мальчик, изящный, элегантный, темноволосый (это она уже успела заметить)...

... красивый, серьезный, немного уставший...

... уверенный в себе, сильный, очень сильный...

Эдна вздрогнула. Она *увидела*.

Свечение, исходящее от мальчика, было исключительно ярким: ультрамариновая аура по краям сверкала фиолетовыми сполохами. Ослепительно. Невероятно!

Не зря магистр посоветовал мальчику заняться философией. Из таких получаются великие вожди, пророки и мессии...

Эдна испугалась собственных мыслей и тут же заблокировала их. А вдруг мальчишка услышит? Но он не слышал. Он был погружен в беседу с невзрачной девочкой.

— Ну, я могу видеть будущее на два года вперед, прошлые жизни определяю, неплохо читаю мысли...

— Без словаря? — съязвила девочка.

— Что? Не веришь? Вот сейчас возьму и прочитаю твои!

Мальчик зажмурился, стараясь сосредоточиться. От напряжения он даже уронил кленовый лист, который бесшумно приземлился на замшевый сапожок девочки.

— Не могу! Все какое-то пурпурное... Ты что, заблокировала?

Девочка не ответила, наклонилась, чтоб поднять желтый листок, созданный мальчиком.

— Блокировала, новенькая? — раздраженно переспросил мальчик.

— Я не умею блокировать.

— Дура! Любой «блеклый» умеет.

И снова Эдна молчаливо согласилась, действительно, это умеет каждый. «Странная девочка», — подумала Эдна, — «наверное, ее аура совсем серая...»

...Девочка была очень худенькой и неприметной. У нее было бледное лицо и неопределенного цвета волосы...

...покрасневшие от холода руки, огромные серые глаза, прозрачная улыбка...

...растерянность, робость, слабый свет, свет... вспышка!..

Эдна не поверила собственным глазам.

Эдна *видела* — и не верила, впервые за свою жизнь не верила себе!

Н-не может быть!

И все-таки — может.

Аура, яркая, сверкающая аура цвета... фуксии.

Аура, отливающая пурпуром, была присуща людям девятнадцатого века, но совершенно исчезла еще в конце двадцатого.

Атавизм энергетического поля.

Откуда?

Солнечный клубок незаметно сматывал желтые нити лучей. Качели затихли. Фиолетовые сумерки плавали в холодных водах городского пруда... Самое время идти домой, пить чай, завернувшись в клетчатый плед, завершать статью, но дети не торопились уходить, и Эдна не смела покинуть скамейку.

— Единственное, что я действительно умею, — пробормотала девочка, — это мечтать. Глупо, да? Но зато мечтать я умею отлично, честное слово! Вот ты о чем мечтаешь?

Мальчик пожал плечами:

— Да о чем угодно! Хочу открыть код бессмертия или хотя б вечной молодости, хорошо бы вычислить законы других галактик, разработать собственную схему искусственного интеллекта!.. И это только самые ближайшие планы. А ты?

— У меня, — девочка лукаво улыбнулась, — мечты дурацкие, бесполезные. Скажем, я часто мечтаю научиться танцевать. Да-да, не смейся! Я представляю, как танцую на диком лугу, поросшему медовыми травами, ромашки щекочут босые ступни, а полдень пахнет перечной мятой...

— Перечная мята на диких лугах не растет. Это культивируемое растение.

— Правда? Все равно! Это ведь дурацкие мечты, в них все может быть. У меня есть мечты еще бестолковее... Я вижу себя Беспольной Волшебницей. Я сижу на стеклянном ободке месяца... красивая такая, вся в лунной пылице... сижу, свесив ножки, орехи ем...

— Орехи?

— Орехи! Не перебивай! И так, ем орехи, бросаю вниз серебряную скорлупу, а кто-то... ну... скажем, ты, — девочка опустила глаза, — смотрит на ночное небо, на осколок новенькой луны, видит, как падают звезды (это, конечно, моя скорлупа летит!), желание загадывает... Я его потом исполню, только, конечно, если оно бесполезное.

— Действительно, бестолковые мечты, — согласился мальчик и быстро добавил, — а о чем еще мечтаешь?

Зажегся фонарь, расплескав вокруг скамейки лужицы тусклого света. В глазах мальчика Эдна увидела что-то странное, неожиданное и не совсем понятное.

— Еще мечтаю этим летом оседлать ветер! Знаешь, я вижу отчетливо — пенистое море, лазоревое небо, я мчусь вперед, обхватив шею ветра обеими руками, мой шелковый малиновый шарф похож на воздушного змея! Здорово, да?

— Здорово! — согласился мальчик, — это все ты сама придумала, новенькая?

— Ну... Не совсем. О Беспольной Волшебнице мне рассказала мама. Она говорила, что тот, чье желание Беспольная Волшебница исполнит, полюбит ее и никогда не сможет ее забыть!

— Значит, поэтому ты хочешь, чтоб именно я смотрел на твои серебряные скорлупки? — залиvisto рассмеялся мальчик, но, ей-богу, это был очень довольный смех!

— Нет! — девочка покраснела, закрыв лицо руками, — я не об этом...

Эдна улыбнулась. А все-таки забавные они, эти дети...

— Послушай, новенькая... А хочешь, я загляну в твое будущее? Я же на два года вперед вижу. Спорим, этим летом ты не оседлаешь ветер?

— Ты выиграешь, — вздохнула девочка, — а на что спорим?

— На желание... бесполезное! Идет?

— Идет! — девочка тоже засмеялась, и в ямочку на ее щеке упала золотая клякса от фонаря.

— Давай свою руку!

Девочка послушно протянула обветренную ладошку. Индигоый мальчик закрыл глаза, не переставая улыбаться, кажется, он в самом деле видел будущее лето... Какое-то время они просто молчали. Вдруг он побледнел. Открыл глаза, боясь что-то сказать.

— Ну же, говори! Кто победил?

«Говори!» — хотелось воскликнуть Эдне.

— Ты, — хрипло прошептал мальчик, — ты победила... Слушай, новенькая, не нужно тебе ехать к морю этим летом! Верить мне! Не нужно.

— Почему? И как я могла победить?

Он долго не знал, что сказать. Впервые Эдна видела мальчика с такой сильной аурой в таком сильном замешательстве.

— Я видел картинки будущего. Побережье... Старый дом с голубой черепичной крышей...

— У нас есть такой! — радостно перебила его новенькая, но мальчик не был рад. Отнюдь.

— Я видел твоего папу... Он подарил тебе гнедого коня по кличке Ветер. Я видел, как ты скачешь по пустынному пляжу...

— Ах, какой чудной сюрприз! Зачем же ты его разрушил?..

...а потом ты упала с лошади. Упала, понимаешь?! Я видел белую палату. Врач сказал, что ты никогда не сможешь ходить. Ты не сможешь танцевать на ромашковом лугу, глупая! Не нужно ехать к морю!

Кажется, он сорвался на крик.

Эдне было очень холодно, она хотела уйти из осеннего парка поскорее, но не могла даже пошевелиться.

— Знаешь, почему я попросила учителя, чтобы меня по конструированию подтянул именно ты? — спросила девочка невпопад.

— Потому, что я — самый успешный в классе? — невесело усмехнулся мальчик.

— Во все нет. Помнишь, на занятии все конструировали карты памяти, электронные платы, кофеварки, мини-модель города будущего, килограммовые плитки шоколада, наконец! А ты создал вот это, — она помахала перед носом мальчика желтым листом клена, — почему именно это?

— Формула опавшей листвы элементарна, я не хотел напрягаться...

— Неправда! Сконструировать шоколад гораздо легче, его к тому же потом можно съесть, а ты (такой талантливый и успешный!) создал абсолютно бесполезный кленовый лист. И я опять тебя спрашиваю, почему?

— Я... я не знаю. Просто захотелось, он такой... красивый.

— Значит, я не ошиблась, — удовлетворенно улыбнулась девочка и свечение вокруг нее колыхнулось мягкой пурпурной волной.

— Ты поедешь на побережье, новенькая? Все равно поедешь?

— Поеду. Не бойся, со мной ничего не случится! Я ведь не умею читать будущее... Слепые люди часто избегают опасности именно потому, что ее не видят. Кстати, ты должен мне одно бесполезное желание!

Индиговый мальчик, подавленный и слишком серьезный, не спорил.

— Закрой глаза и посчитай до двадцати. Только не подсматривай! Вот так...

Она подошла к нему легко и бесшумно.

Где-то ухнула сова. Ветер дохнул в лицо, оставляя на губах горьковатый привкус октября.

Став на цыпочки, девочка с аурой цвета фуксии несмело поцеловала красивого темноволосого мальчика.

Когда он открыл глаза, ее уже не было.

В его руке беспомощно ежился чуть надорванный кленовый лист.

Мальчик долго смотрел на небо, пытаясь, должно быть, разглядеть стеклянный серп новолуния, но ночь была безлунной, безликой и совершенно бесполезной.

В какой-то момент Эдна вновь увидела его великолепную, ослепительную ауру, ультрамариновую, с фиолетовой каймой... мощную ауру пророка, вождя или мессии.

Впрочем, что-то изменилось, что именно, Эдна поняла не сразу, а когда поняла, совсем не удивилась.

На темно-синем ореоле мальчика появилось новое маленькое светящееся пятно...

Цвета фуксии.

Ноябрь 2007 г., Киев.

СЕМЁН ЦЕВЕЛЕВ

СКАЗКА О НЕХОРОШЕМ МАЛЬЧИКЕ

С САМОГО РАННЕГО ДЕТСТВА ЭРВИН БЫЛ НЕХОРОШИМ мальчиком. Нет-нет, дело не в том, что он был одним из плохих мальчиков, о которых пишут поучительные истории для домашнего чтения. Могу вас заверить, наш Эрвин был совсем не такой. Он плакал, когда читал эти самые поучительные истории, да, плакал, как дитя — от зависти к этим плохим мальчикам, которые грубили учителям, лопали чужие сладости, шпыняли всяких тихонь-отличников и вообще жили припеваючи до самой последней страницы. На последней странице на таких мальчиков внезапно обрушивалось какое-нибудь невообразимое несчастье, что немного утешало завистливого Эрвина.

Сам он был потрясающе неудачлив. Если Эрвин грубил учителю, тот никогда, ну ни единого разу не вставал в позу и не произносил пылкую и нудную речь о том, какое ужасное будущее ожидает Эрвина, если только он не исправится. Вместо этого учитель давал бедняге хорошего подзатыльника и обещал вымыть Эрвину язык большой щёткой, а это очень неприятно.

Если, пытаясь поднять себе настроение, Эрвин лупил ранцем или давал пинка какому-нибудь зубриле в очочках, то и это кончалось плохо: очкарик жаловался на Эрвина толпе лоботрясов, за которых писал сочинения, и они все вместе под радостный гогот колотили беднягу Эрвина, а обиженный зубрила шнырял вокруг и пытался плюнуть ему в глаз. Это было больно и очень обидно, потому что перед многими из этой компании Эрвин униженно пресмыкался в расчёте на защиту и поддержку.

Неудивительно, что в один прекрасный день побитый, заплёванный, вконец отчаявшийся Эрвин заорал, с трудом шевеля распухшим от большой щётки языком:

— Да чтоб меня черти взяли!

И чёрт, конечно же, не заставил себя ждать. Бамц! — и вот он появился в облаке вонючего дыма.

— Так, так, так! — сказал чёрт, помахивая вилами. — Так, так, так! Это ведь Эрвин, верно?

Эрвин очень испугался. Чёрт выглядел ну точь-в-точь как тот, что явился к плохому мальчику Джеймсу на последней странице одной из поучительных историй, и вилы у него в руках были большие и очень острые на вид.

— З-з-з-д-дравствуйт-т-те, с-с-сэр, — выдавил Эрвин.

— «Здравствуйте, сэр»? — нахмурился чёрт. — Клянусь хвостом Вельзевула, это что за приветствие?! Ты должен сказать «Чего припёрся, старый хрыч», вот как! А ну-ка, повтори!

Отчаянно стуча зубами, Эрвин кое-как повторил затребованное чёртом приветствие.

— Так-то лучше! — хмыкнул чёрт. — Так ты больше похож на настоящего плохого мальчика!

По мановению чёртовой руки из воздуха возникло большое ярко-алое кресло, в которое чёрт немедленно и уселся.

— Но сказать по правде, Эрвин, — продолжал он грустно, — сказать по правде, ты всё равно смахиваешь скорее на жалкого нытика! Скажи-ка, сколько пакостей ты совершил за последнюю неделю?

— Ну... я... я напоил гадким лекарством бабушкину кошку, сэр.

— Припоминаю, — кивнул чёрт. — И кошка так взбодрилась, что разодрала тебе штаны вместе с кожей, да так, что ты три дня не мог сидеть!

— Я мог, сэр, — отважился возразить Эрвин. — Но маленький Джимми подкладывал мне на стул кнопки.

— Ах вот оно что, маленький Джимми... — в глазах чёрта зажёгся этакий тёплый огонёк, как у старого учителя, вспомнившего о любимом ученике. — Как же ты наказал его за такое издевательство?

— Я подбил ему глаз, сэр, а ещё отобрал у него дневник и разорвал в клочки!

— А знаешь, что было потом? Маленький Джимми побежал домой и, плача, рассказал отцу, что хулиган побил его и порвал дневник. И отец не выпорол Джимми, как сделал бы, если бы увидел его дневник, о нет — он купил своему бедному дорогому сыночку велосипед! И ты знаешь, — чёрт слегка наклонился вперёд, — почему так случилось?

— Почему, сэр?

— Да потому, что маленький Джимми — настоящий плохой мальчик, а не такой рохля, как ты!

И чёрт так страшно зыркнул глазищами, что Эрвин заплакал.

— Да, маленький Джимми далеко пойдёт. А ты? Уж прости, дружочек мой, но мы никак не можем тебя взять. Такие нам не нужны.

— Но я тоже могу быть плохим, сэр! — прохныкал Эрвин.

Вот что странно — известие о том, что черти его не возьмут, должно было порадовать Эрвина, но вместо этого он только ещё сильнее расстроился.

— Можешь? — чёрт критически посмотрел на Эрвина и пренебрежительно дёрнул кончиком хвоста.

— Ну... если вы, сэр, что-нибудь мне посоветуете или, может быть...

— Не может такого быть! — отрезал чёрт. — Потому что быть этого не может никогда. Слыханное ли дело, чтобы я, Гарольд У. Чёрт, кому-то помогал?!

— Умоляю вас! — Эрвин бухнулся на колени. — Я всё, всё, всё сделаю, только помогите мне стать настоящим плохим мальчиком!

Гарольд У. Чёрт задумчиво почесал между рогами.

— Говоришь, всё-всё? — осведомился он.

— Да, да! — Эрвин стукнулся лбом об пол возле левого копыта чёрта.

— И ты на всё готов, лишь бы основательно напакостить всем, кто тебя обижает, да так, чтобы они тебя в ответ и пальцем тронуть не смели? — вкрадчиво продолжал чёрт.

— Да, да! — у Эрвина загорелись глаза при мысли о том, как маленький Джимми будет униженно пресмыкаться и умолять не обижать его. И толстый Мэтью тоже будет умолять, и вся его компания, и очкастый гад, который вечно им жалуется на Эрвина — все будут ползать перед ним на брюхе! А он, Эрвин, будет демонически ХОХОТАТЬ и пощипать их своими ужасными ногами!

— Ну что ж. Полагаю, можно сделать исключение. — Улыбающийся чёрт протянул Эрвину неведомо откуда взявшийся лист бумаги, весь исписанный странными бурными значочками. — Надо только подписать вот здесь, и я помогу тебе расквитаться.

Острый коготь ткнулся в строчку «Гарольд У. Чёрт (Исполнитель) и Эрвин (Заказчик)».

И Эрвин, взяв любезно предложенную чёртом авторучку, решительно подписал этот странный документ, даже не попытавшись в него вчитаться. А этого, конечно, делать было нельзя, ведь любой документ, даже если это совсем не договор с чёртом, а какая-нибудь безобидная бумажка, обязательно нужно внимательно прочитать, прежде чем вы его подпишете. Увы, Эрвин был не только нехорошим, но и не очень умным мальчиком.

— Превосходно, — сказал довольный Гарольд У. Чёрт, поставив рядом с закорючкой Эрвина собственную подпись. — Контракт заключён и вступает в силу с настоящего момента!

И чёрт пребольно огрел Эрвина по спине своими вилами.

— Ой-ой-ой! Что же вы делаете?! — закричал Эрвин, и голос его прозвучал как-то странно.

Чёрт внимательно оглядел Эрвина и радостно засмеялся. «Сейчас он меня опять ударит!» — догадался Эрвин, которого, как мы помним, частенько били. Хотя раньше этим занимались в основном люди, а не черти.

— Не надо! — взвизгнул Эрвин, подняв руки — и обомлел. Замершие перед его лицом ручки были маленькие, изященькие, без всяких царапин и чернильных клякс, да ещё и с аккуратно подпиленными, блестящими алым лаком ноготками!

— Что вы сделали с моими руками?! — в ужасе завопил Эрвин. Опустив взгляд, он снова закричал: — И с моей одеждой?!

— Не беспокойся, — хихикнул чёрт. — Ты к этому быстро привыкнешь. До свиданья, маленькая Мелинда... веселись!

Гарольд У. Чёрт стукнул вилами в пол и исчез — так же внезапно и в таком же зловонном облаке, как и появился.

— Маленькая Мелинда?! — ахнул бедняга Эрвин. Он опрометью кинулся к зеркалу — и там увидел... вернее, увидела...

Из зеркала испуганно смотрела прехорошенькая черноволосая девочка с хитрющими глазами, пухлыми алыми губками, изящным носиком, — словом, такая девочка, к которой Эрвин за всю жизнь не набрался бы смелости подойти.

— Вот это да-а... — оторопело протянула Мелинда (будем теперь называть её так). — Вот это влип так влип... то есть влипла... что же мне теперь делать?..

Трудно передать словами, что творилось в хорошенькой головке Мелинды, пока она плелась из школы домой.

— По крайней мере, — рассуждала Мелинда, — Джимми теперь не посмеет подложить мне кнопку на стул. А то ведь я ка-ак развизжусь, его мигом из класса выставят, ещё и родителей опять вызовут к директору!

При воспоминании о кнопках она невольно потёрла ягодицы. Мысли Мелинды при этом обрели новое направление.

— Зато он наверняка будет за мной таскаться и пытаться заглянуть под юбку, как другим девчонкам. А они бьют его пеналами по голове и царапают, и никто их за это особо не ругает, между прочим! Ну, пусть только попробует ко мне подойти, — злорадно думала Мелинда. — Я ему всю рожу расцарапаю и в волосы вцеплюсь! А потом ещё и прилеплю жвачку ему на спинку стула, чтобы он в неё волосами вляпался и приклеился навсегда!

В общем, к дому Мелинда подошла в самом радужном настроении и с готовым, тщательно продуманным Планом Мести. Родители встретили её без удивления — не иначе как Гарольд У. Чёрт успел нанести им визит.

И очень скоро все те мальчишки, которые обижали и мучали Эрвина в его прошлой жизни, теперь тоскливо бродили по коридорам в надежде, что Мелинда заговорит с ними. А она смеялась над ними, дразнила, придумывала очень обидные клички, — словом, пустила в ход весь арсенал, доступный хорошенькой и мстительной девочке.

— Она плохая девочка, — говорили детям их мамы. — Не надо с ней дружить!

Но даже самые послушные мальчики поглядывали на Мелинду влюблёнными глазами. А уж маленький Джимми и прочие хулиганы только о ней и думали — и подвергались всё новым и новым издевательствам, доставляя Мелинде огромное удовольствие.

Когда Мелинда выросла, она стала известной то ли актрисой, то ли фотомоделью... я не знаю точно, потому что моя мама когда-то посоветовала мне держаться от таких женщин подальше, и она была совершенно права.

А Гарольд У. Чёрт тихо посмеивался.

— Всё-таки я чертовски умён! — говорил он своим приятелям-чертям. — Вон сколько влюблённых дураков страдают и мучаются из-за нашей сладкой маленькой Мелинды. А ведь мальчишка был совсем бесполезный!

Мелинда и сейчас очень известна, необычайно красива и остаётся одной из самых плохих девочек в мире. Её обожают тысячи мужчин, ей завидуют десятки тысяч женщин.

И никто-никто не знает (а Мелинда давно забыла), что в глубине души больше всего на свете Мелинде хотелось бы стать настоящим плохим мальчиком, жениться на Бетти из соседнего двора и выучиться на лётчика-истребителя, чтобы летать на быстром самолёте и стрелять ракетами по врагам. Эти три заветных желания никогда не исполнятся. Таковую плату взял с Мелинды чёрт, когда она ещё была глупым нехорошим мальчиком по имени Эрвин.

Конец

НАТАЛИЯ ПРОХОРЕНКО

УТРЕННЯЯ ПОЧТА

Э

ТО ПИСЬМО СРАЗУ ПОКАЗАЛОСЬ МНЕ СТРАННЫМ. ВЫГЛЯДЕЛО-ТО ОНО ОБЫКНОВЕННО — белая бумага, стандартная марка, штамп почтового отделения, но когда я взял его в руки, то сразу понял, что конверт пустой. Такое бывает — написал человек письмо, а в конверт положить забыл

Я присмотрелся внимательнее — во-первых, не было обратного адреса, а во-вторых, адресатом значился мистер Кри, у которого прошлым летом случился инсульт, и теперь он даже своих родных перестал узнавать, только целыми днями сидел в инвалидной коляске на крыльце. Сейчас, правда, его не было видно — шел дождь.

Это, конечно, не мое дело. Мало ли кто кому письма пишет. Я не хочу стать похожим на тетушек, которые целыми днями обсуждают соседей, так что стараюсь не обращать особого внимания на письма, но иногда не получается.

Под дождем конверт стал намокать, поэтому я быстро затолкал его в почтовый ящик, добавил газету «Экономика и мир», которую выписывал сын мистера Кри, и двинулся дальше. На моем участке оставалось еще два десятка домов, не хотелось промокнуть насквозь.

Сколько работаю здесь почтальоном — почти год уже, никак не могу понять, зачем Яну Кри «Экономика и мир», ведь он киномеханик.

Я бы забыл об этом письме, если бы мистер Кри не умер тем же вечером.

Может, мне только показалось, что конверт был пустым? Вдруг там все-таки было письмо, например, на какой-то очень тонкой бумаге, и содержание так расстроило старика, что его хватил второй инсульт? Не верилось мне в это. Он ведь даже своего имени не помнил и явно ничего не соображал.

Через пару дней я выбросил из головы эту чушь, вокруг были вещи гораздо более интересные и загадочные — например, зачем мисс Роджерс, шестидесятилетней старой деве, журнал «Плейбой». А моему соседу, Лори, снова пришло письмо из студии звукозаписи. Он работал бухгалтером в нашем местном супермаркете, и только я знал, что он мечтает стать музыкантом — по ночам, когда становилось тихо-тихо, из его дома можно было услышать звук саксофона. Причем качество исполнения исключало вариант, что это запись. Да и письма Лори приходили из разных студий звукозаписи регулярно.

А потом я увидел еще одно точно такое же письмо. Обычный белый конверт, стандартная марка, штамп почтового отделения, но оно тоже было пустое, и на этот раз адресовано миссис Эйб, жене шерифа. Ее сей-

час не было дома — она только родила третьего мелкого паразита и еще не вернулась из больницы. Первые два недавно повадились таскать из моего сада персики, но я делал вид, что не замечаю.

Это, конечно, не мое дело, но я не удержался и посмотрел на штамп отправителя — там было указано «почтовое отделение Роуд».

Я бросил письмо в ящик и чуть не умер от любопытства, пока разносил остальную почту. Дома у меня на стене висит большая карта страны, на которой указаны все населенные пункты, даже самые мелкие, так что весь вечер я в очередной раз изучал эту карту с увеличительным стеклом. Знаю, что такого не может быть, но никакого Роуда я не нашел. Наверное, моя карта устарела, и какой-то городок переименовали.

Уже на следующий день я понял, что дело не в моей карте. Миссис Эйб умерла в больнице. Утром, еще темно было, я забирал из отделения свою сумку с газетами и встретил на улице шерифа — у него был совершенно потерянный вид, мелкие паразиты жались к нему с обеих сторон.

В этот раз я разнес почту быстрее обычного, даже не заметил, пришел ли Яну Кри свежий выпуск «Экономика и мир», и забыл глянуть, кто прислал письма для Лори.

Была осень, листья в моем саду почти облетели, пора было убирать. Вот только я не мог сдвинуться с места, весь день смотрел в окно. Забыл включить отопление, и к вечеру дом так остыл, что стали мерзнуть руки.

Наверное, это совпадение.

А что еще это может быть?

Почта приходит людям каждый день, кроме понедельника, а понедельник был пару дней назад, так что на следующий день я отправился на работу как обычно, еще затемно, и запретил себе думать о тех письмах. Это не мое дело. Я простой человек, в высших материях не разбираюсь и не хочу разбираться, я лучше буду думать о таинственных наглухо закрытых пакетах, которые раз в месяц получает Шинджо, алкоголик и тунеядец. Может, он агент разведки под прикрытием.

Почти год мне удавалось не вспоминать, пока такое письмо не пришло Лори, моему соседу. Вместе с ним пришло еще одно письмо из звукозаписывающей компании, я едва не пропустил пустой конверт.

Может, Лори устал получать отказы? Выглядел он как обычно, всегда здоровался со мной по вечерам, когда возвращался из своей бухгалтерской конторы, улыбался. Только я стал реже слышать ночами саксофон.

Наверное, надо было подумать сначала, но я не думал. Я сунул оба письма обратно в сумку, а когда закончил разносить почту, на обратном пути свернул к озеру, где растет много кустов шиповника, и с дороги ничего не видно. Там я их и сжег. Ветром пепел унесло в озеро, но я надеялся, что рыбам вреда не будет. Письмо-то не им было адресовано. И не они его забрали.

Той ночью мне не спалось. Все чудились какие-то шорохи под окнами. Лори играл на саксофоне мелодию из фильма «Секретные материалы». Получалось у него как всегда, но слышно было плохо, так что мой музыкальный слух не особо пострадал.

Утром я впервые не пошел на работу, а отправился в соседний город. Там почтальоном работал мистер Хортер, дедуля лет под сто, причем, кажется, все эти сто лет он разносил почту. Несмотря на древний внешний вид, бегал он еще бодро, вернее, не бегал, а ездил — на таком же древнем велосипеде. Мне удалось застать дедулю на почте, когда он паковал свою сумку газетами и журналами.

— Привет, Оки, — проскрипел он, пыхтя сигаретой. — Что, пришел набираться опыта?

Я и спросил его о письмах. Все как есть рассказал. Только о том, что письмо для Лори забрал, умолчал.

Но я бы не успел, даже если бы и собирался, — мистер Хортер не дослушал до конца, принялся лихорадочно заталкивать в сумку оставшиеся журналы. Добродушная улыбка идиота вмиг слетела с его лица.

— Не знаю я ни про какие письма, — бормотал он. — Ишь, чего выдумал! Нет, чтоб работать, как люди работают, так он сунет свой нос куда не следует! Мало ли, кто кому письма пишет. Иди отсюда!

Он укатил на велосипеде, привязанная к багажнику сумка с газетами подпрыгивала на выбоинах.

Мне нужно было спешить — уже светало, пора было разносить утреннюю почту, но я сначала заехал домой. Лори как раз шел на работу — обычно я ухожу раньше, и здороваемся мы только вечером. Выглядел он как всегда — растяпа в старомодных очках. Хотел бы я видеть студию, которая захочет с ним работать.

Он сказал «доброе утро» и сделал вид, что нисколько не удивлен тем, что я с монтировкой в руках отдираю от стенки своего дома почтовый ящик. Конечно, это я зря, почту-то и на крыльцо положить можно.

Шорохи слышались мне и на следующую ночь, словно что-то ходило кругами у дома. Наверное, я сходил с ума, потому что не рискнул бы выйти, даже если бы начался пожар. И на следующую. Листья в моем саду почернели и облетели полностью, хотя была еще ранняя осень, и трава вся высохла.

С тех пор письма приходили Лори каждый день. У озера уже был выжженный участок земли, а соседи, если бы они были достаточно любопытны, давно заподозрили бы меня в пиромании.

Потом выпал снег, и я надеялся найти на нем следы, но следов не было. Только снег по утрам был словно присыпанный пеплом.

Однажды, через месяц или два, в стопке писем, счетов и открыток я не нашел письма для Лори, хотя пересмотрел их несколько раз. Темнело рано, поэтому я едва не пропустил его вечером, когда он возвращался с работы. Что-то изменилось, и я должен был знать, что.

Сосед тащил большой бумажный пакет, лицо сияло, как начищенный чайник, на пальто отсутствовала одна пуговица — в прошлом году я видел его в этом же пальто, и пуговицы тоже не было. Увидев меня, Лори остановился и виновато заулыбался, словно я застукал его за неприличным занятием.

— Вот, решил учиться рисовать, — пробормотал он. Даже «здрaсте» не сказал.

— А. Понятно.

Я запер дверь на три замка, и всю ночь смотрел в темный потолок, стараясь дышать как можно тише. Шорохов в саду не было. А потом, на рассвете, — наверное, мне это приснилось — я почувствовал, как что-то прикасается к моему лицу, скользит по щекам, по лбу. Сердце колотилось, словно я бежал стометровку. Вот-вот захлебнется и остановится.

Я не помнил, как настало утро, я не мог сдвинуться с места, так что на работу тоже не пошел. Когда уже было светло, пришла миссис Ройзи, которая принимала на почте посылки и ценные бандероли, бегала вокруг меня, пыталась напоить горячим супом — отвратная штука! — и растворимым аспирином, так что скоро мне стало лучше.

— Ты болей себе спокойно, детка, — ворковала она. — Мы попросили разнести почту мистера Хортера, так что не переживай. Вот он, кстати, едет.

Мне было хорошо видно, как старик достал что-то из сумки. Но почтового ящика у меня не было, поэтому он только стоял у кирпичной дорожки, что вела к крыльцу, и смотрел в окно — прямо на меня. Это длилось всего пару секунд, после чего он положил письмо на дорожку, еще раз глянул в мое окно и уехал.

Я улыбнулся миссис Ройзи и принялся за суп. Он на самом деле вполне ничего оказался на вкус, да и жизнь вообще была прекрасна.

Жаль только, Лори больше не играет на саксофоне, и ждать мне придется в тишине.

Конец.

АНДРЕЙ НОВОСЁЛОВ

ПЕРВЫЕ ДЕЛОВЫЕ ЛЮДИ НА ЛУНЕ

ПОМНИТЕ, Я ГОВОРИЛ О ВОЗМОЖНОСТИ СОЗДАТЬ ВЕЩЕСТВО, НЕПРОНИЦАЕМОЕ ДЛЯ ТЯГОТЕНИЯ? — спросил Кейвор.

— Помню, — согласился Бедфорд. — Вы предполагали, что сложный сплав металлов и какого-то нового элемента...

— Так вот — я сделал это! — Кейвор театральным жестом указал на блестящую пластину, закреплённую на столешнице двумя стальными скобами. — Чувствуете ветерок, дующий к столу? Это воздух над пластиной становится невесомым и вытесняется кверху.

— Могу я попробовать?..

— Извольте!

Бедфорд осторожно бросил на пластину салфетку, и та сейчас же взлетела к потолку.

— Смелее! — Кейвор протянул ему фунтовую гирию. Гирия последовала за салфеткой, но отклонилась в сторону и упала, разбив кофейник. — Простите, я не учёл некоторые детали...

— Вы совершили эпохальное открытие! — воскликнул Бедфорд, оттирая с сюртука брызги кофе. — Прямо сейчас я могу назвать дюжину перспективных применений вашего материала. Вообще же, я уверен, их будут сотни, если не тысячи... Как вы его назвали?

— Строго говоря, пока ещё никак.

— Давайте назовём его *кейворит*! — предложил Бедфорд.

— Ну что вы, не стоит... — Кейвор польщённо потупился.

— В каких количествах вы можете его производить?

— В этом и заключается основная проблема, — вздохнул Кейвор. — Металлы, входящие в сплав, достаточно редки, но их можно достать. Дело в том особом веществе, основе, без которой ничего не получится... Его доступное количество чрезвычайно ограничено.

— Могу ли я спросить, что это за вещество? Или это секрет?

— Я не хотел бы... Ну ладно, вам, моему ближайшему другу, я скажу.

Поклянитесь, что сохраните эту тайну.

— Клянусь! Я буду нем, как могила!

— Это вещество — *фейная пыльца*.

— *Фейная пыльца*?!

— Да, я понимаю, в это трудно поверить. Инерция человеческого мышления велика. Именно поэтому никто до меня не додумался изобрести... гм... кейворит. Англию, как вам известно, издавна населяли феи. Опубликованы сотни достоверных свидетельств. Все сходятся на том, что фейная пыльца фантастически летуча и способна поднимать в воздух другие предметы — детей, ослов, подносы, да что угодно! Остава-

лось решить чисто техническую задачу сбора и прессовки при высокой температуре.

— И, судя по результатам...

— Да, я успешно справился с трудностями. Не обошлось без огрехов — вот, видите? — Кейвор указал на пятнышко, портящее безупречную поверхность пластины. Бедфорд взглянул и отшатнулся, подавляя приступ тошноты. Изломанная и перекрученная, как доисторическое ископаемое, в пластину была закатана феечка. — Да, увы... От одного до трёх дефектов очистки сырья на квадратный фут. Боюсь, это предел, доступный современной науке. Но на результатах это не сказывается.

— Таким образом, чтобы получить потребное количество кейворита, — продолжал он, — мне пришлось очистить от фей половину Британии. Я пока не знаю, насколько быстро сможет восстановиться популяция. Кейворит, мой дорогой друг, стоит многократно дороже золота!

— Сколько же вам потребовалось, и зачем? — поинтересовался Бедфорд.

— Ровно столько, чтобы соорудить шар, достаточно большой, чтобы вместить двух пассажиров с багажом. Я всегда мечтал побывать на Луне. Полетите со мной, Бедфорд?

* * *

— Та-ак, — многозначительно протянул селенит в ярком мундире. Его блестящий шлем венчали два крутящихся фонарика. — Здесь мы имеем явный случай Нелегального Импорта Фейной Пыльцы В Особо Крупных Размерах. Не хочу вас обнадеживать: вы крепко влипли, господа...

— Кейвор и Бедфорд, — понурившись, ответил Кейвор. — Но мы же не могли знать!..

— Незнание закона не освобождает от ответственности! — отрезал полицейский селенит, заполняя бланк задержания. — Судя по количеству товара, вы извели на него фей с площади порядка тридцати тысяч квадратных миль...

— Сорока восьми тысяч! — с гордостью поправил Кейвор.

— Это усугубляет вашу вину, — покивал селенит. — Вы хотя бы знаете, откуда берутся феи?

— Н-нет... Я собирался исследовать этот вопрос по возвращении на Землю.

— Я облегчу вам задачу, — селенит закрыл блокнот и похлопал им по среднему колену. — В далёком прошлом феи жили в естественной природе. Последние тысячелетия, однако, они не рождаются сами — их *выращивают*. Возможно, вы ещё увидите эти бесконечные поля, на которых трудятся миллионы рабочих селенитов... Новорожденные феи, едва окрепнув, устремляются на Землю. Это сродни инстинктам ваших рыб или птиц. Созрев и обогатившись впечатлениями, взрослые особи

начинают вырабатывать пыльцу. Отрицая тяготение — как вы, несомненно, заметили — фейная пыльца отрывается от Земли и оседает на Луне. Мы собираем её с поверхности...

— Простите, но вам-то она зачем? — не выдержал Бедфорд.

— Вы же взрослые, образованные джентльмены! — поджал широкие губы селенит. — Вы должны знать, для чего нужна пыльца! Ну, тычинки, пестики... Понимаете? Назовём это *жизненный цикл селенитов* — и хватит об этом!

Полицейский снова открыл блокнот.

— Так, у нас здесь, по предварительным оценкам, около двух длинных тонн товара. Вам, джентльмены, светит от трёхсот до пятисот лет заключения.

— Но... люди столько не живут!

— Здесь — живут! — зловеще улыбнулся полицейский. — Однако я уполномочен сделать вам деловое предложение.

Раздался грохот. Люди подскочили и обернулись. Здоровенные рабочие в защитных костюмах разбирали обшивку Лунного Шара.

— Такое количество концентрированной пыльцы сэкономит нам тысячи селенито-часов работы, — пояснил полицейский. — Если товар окажется хорош, мы заинтересованы в постоянном партнёрстве. Вас переправят на Землю вместе с молодыми феями и обеспечат адресную доставку сырья, вы же станете перерабатывать его. Разумную долю — скажем, процентов пять — можете оставлять себе и пускать на собственные нужды.

— Десять процентов! — взвился Бедфорд.

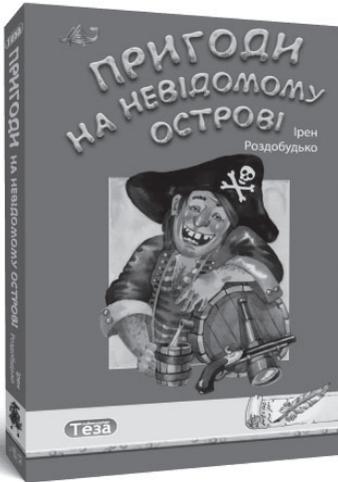
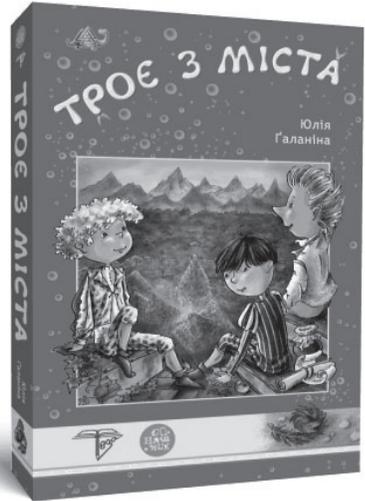
— Приятно иметь дело с деловыми людьми. Ладно, десять, но не больше. Дайте нам ещё кейворита, Кейвор!

ФАНТАСТИЧНО ЦІКАВІ КНИЖКИ!

лауреати конкурсу “Дитячий портал”

знижка для членів «hi-Tech клубу» на сайті видавництва

Юлія Галаніна
Троє з міста

Ірен Роздобудько
Пригоди
на невідомому
острові

Збережи час — купи на www.teza.in.ua та отримай поштою.

Купуйте в київських книгарнях «Знання», «Сяйво», «Книгарня “Е”».

Купуйте на ринку «Петрівка»: 40-й ряд 1-ше місце, 54-й ряд 9-10-те місця.

Купуйте в мережах «КС — Книжковий Супермаркет», «Літера».

Главный редактор: Ираклий Вахтангишвили

Редакционная коллегия:

Генри Лайон Олди (г. Харьков, Украина)
Владимир Ларионов (г. Санкт-Петербург, Россия)
Мария Галина (г. Москва, Россия)
Эллен Дэтлоу (г. Нью-Йорк, США)
Атанас Славов (г. София, Болгария)
Григорий Панченко (г. Ганновер, Германия)

Консультанты редакционного совета: Марина и Сергей Дяченко

Журнал «Реальность фантастики»

№02 (66), 2009.

Тираж: 5 400. Цена договорная
Рег. свидетельство: КВ №7600 от 22.07.2003.

Подписной индекс

в каталоге «Укрпочта»: 08219
<http://www.rf.com.ua>, e-mail: info@rf.com.ua

Ответственность за содержание рекламных материалов несет рекламодатель.

Перепечатка материалов
только с разрешения редакции.

© «Реальность фантастики», 2008.

Издатели: Элина Шнурко-Табакова,
Михаил Литвинюк

Издатель: ООО СофтПресс
Киев, ул. Героев Севастополя, 10

Редакционный директор: Владимир Табаков

Шеф-редактор: Татьяна Кохановская

Редакция: Киев, ул. Героев Севастополя, 10
тел. (044) 585-8282

Для писем: 03126, Киев-126, а/я 570/8

Редактор отдела иностранной литературы:
Борис Сидюк

Редактор отдела новостей:
Мария Комиссаренко

Редактор отдела рукописей:

Сергей Пальцун

Логотип, дизайн: ©Николай Литвиненко,
2003, J.K.® Design Studio, <http://www.jk.ua>.

Художественный редактор:

Федор Сергеев

Корректор: Аллан Кармин

Верстка: Дмитрий Василенко

Руководитель отдела маркетинга:

Ирина Савиченко

Руководитель отдела рекламы:

Нина Вертебная

Представители Издательского дома:

Днепропетровск: Игорь Малахов,

тел.: (056) 233-52-68, 724-72-42,
e-mail: malakhov@hi-tech.ua

Донецк: Begemot Systems, Олег Калашник,

тел.: (062) 345-06-25, 345-06-26,
e-mail: kalashnik@hi-tech.ua

Львов: Андрей Мандич, тел.: (0322) 95-41-82,

e-mail: mandych@hi-tech.ua

Харьков: Вячеслав Белов (viacheslavb@ua.fm)

Печать: ООО «Имидж Принт» г. Киев

Подписной индекс 08219